

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

№ 1 (25)

SOCIETY, LAW, STATEHOOD: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published, in scientific specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (Juridical Sciences) should be published.

12+

© Уфимский юридический институт МВД России
ISSN 2949-0979

Уфа – 2026

Об издании – [2](#), [5](#)

Главный редактор:

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, заслуженный работник образования Республики Башкортостан, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бельский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Бондаренко Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета.

Гусманов Искандер Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Гусманов Расул Узбекович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного аграрного университета.

Даллакян Карлен Ашотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Денисова Любовь Владиленовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника по учебной работе Омской академии МВД России.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина по научной работе.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Колесников Валерий Александрович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кубякин Евгений Олегович – доктор социологических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, научный руководитель Института права, заведующая кафедрой криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Низамов Садык Сабирович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Плотников Владимир Валериевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры

оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Сальников Евгений Вячеславович – доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Стовба Евгений Владимирович – доктор экономических наук, профессор, отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой информатики и экономики Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий.

Субхангулов Рустем Раисович – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры информационного и технического обеспечения ОВД Уфимского юридического института МВД России.

Сухоплюев Павел Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Филимонов Олег Викторович – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России.

Хабибуллина Зия Наилевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России по научной работе.

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Янбухтин Раиль Маратович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Эл. № ФС77-84275 от 8 декабря 2022 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 79094.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор: Ю. Р. Исмагилова, техническая верстка: Ю. Р. Исмагилова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(с пометкой: «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 19.03.2026. Дата выхода в свет: 30.03.2026

Электрон. текстовые дан. 702 MB (1,26 MB). 1 электрон. опт. диск (CD-R). Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система

Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше.

Загл. с экрана. Тираж 10 экз. Заказ № 34. Цена свободная.

**SOCIETY, LAW, STATEHOOD:
No. 1 (25) 2026 RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE**

Electronic Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Bezlepkina Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Belskiy Vitaly Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Bondarenko Yulia Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure at Ulyanovsk State University.

Gusmanov Iskander Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management at the Bashkir State Agrarian University.

Gusmanov Rasul Uzbekovich – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management at the Bashkir State Agrarian University.

Dallakyan Karlen Ashotovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Denisova Lyubov Vladilenovna – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head for Academic Work at Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Divayeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putlin.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision at Kuban State University.

Karimova Gulnaz Yurisoyna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kolesnikov Valeriy Aleksandrovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic

Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kubyakin Yevgeniy Olegovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Honorary Educator of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and Methodology of the Public Administration at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Scientific Adviser of the Institute of Law, Head of the Department of Criminalistics of the Institute of Law at Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of State Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizamov Sadyk Sabirovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Plotnikov Vladimir Valerievich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration at the Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov.

Pobedkin Alexandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezshalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities

of Internal Affairs Bodies at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Redko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines at Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stovba Evgeniy Vladimirovich – Doctor of Economics, Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Informatics and Economics at Birsik Branch of Ufa University of Science and Technology.

Subkhangulov Rustem Raisovich – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Information and Technical Support of the Internal Affairs Bodies at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Sukhoplyuev Pavel Alexandrovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure at the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Filimonov Oleg Viktorovich – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Khabibullina Zilya Nailovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies at the Faculty of Philosophy, Psychology and Sociology of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yanbukhtin Rail Maratovich – Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

El. No FS77-84275 dated December 8, 2022.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 79094.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

Literary editors: Yu. R. Ismagilova, technical layout by Yu. R. Ismagilova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru

(marked: «Society, law, statehood: retrospective and perspective»).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 19.03.2026. Release date: 30.03.2026.

Electronic text data 702 MB (1,26 MB). 1 electronic optical disk (CD-R). System requirements: IBM PC, 1 GHz; 512 mb RAM; 3 mb RAM; CD/DVD-ROM drive; operating system

Windows XP and above; Adobe Reader 8.0 and above.

Title from the screen. Circulation 10 copies. Order no. 34. The price is free.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Кобец П. Н.</i> Развитие системы профессиональной подготовки милицейских кадров в учебных заведениях НКВД СССР в период 1941–1945 гг.	10
---	----

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Чурикова А. Ю.</i> Типология и правовое регулирование цифровых платформ	20
--	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Гиззатуллин Р. Х., Владимиров И. А., Иксанов Р. А.</i> Проблемы судебной практики по преступлениям в сфере компьютерной информации	29
<i>Голубева Л. А.</i> Характерные особенности личности жертвы преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий	39
<i>Каац М. Э.</i> Об особенностях досудебного периода уголовного судопроизводства Турецкой Республики	49
<i>Латыпов В. С.</i> Статус показаний в современном российском уголовном процессе	58
<i>Мозговой Я. С.</i> Взаимодействие следователя с органами дознания при расследовании уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами	67
<i>Мухаметшин Т. Р.</i> Депонирование показаний как средство обеспечения безопасности участников досудебного производства по уголовным делам	75

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Музалёва Т. И., Белова С. Н.</i> Особенности составления и представления бюджетной отчетности органами внутренних дел Российской Федерации	84
---	----

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Янбухтин Р. М.</i> Проблема личности в социологии: вопросы методологии исследования	99
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Килимник Е. В.</i> Философия и политика России в формировании многополярного мироустройства	108
--	-----

Памятка	119
----------------------	-----

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Kobets P. N.</i> Development of the system of professional training of militia personnel in educational institutions of the NKVD of the USSR in 1941–1945	10
--	----

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Churikova A. Yu.</i> Typology and legal regulation of digital platforms	20
--	----

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Gizzatullin R. Kh., Vladimirov I. A., Iksanov R. A.</i> Problems of court practice in crimes in the field of computer information	29
<i>Golubeva L. A.</i> Characteristic features of the personality of the victim of crimes in the field of information and communication technologies	39
<i>Kaats M. E.</i> On the peculiarities of the pre-trial period of the criminal proceedings of the Republic of Türkiye	49
<i>Latypov V. S.</i> The status of evidence in contemporary Russian criminal proceedings	58
<i>Mozgovoy Ya. S.</i> Interaction between an investigator and bodies of inquiry while investigating cases on evasion of military duties through simulation of a disease or other means	67
<i>Mukhametshin T. R.</i> Deposition of testimony as a means of ensuring the safety of participants in pre-trial criminal proceedings	75

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

<i>Muzaleva T. I., Belova S. N.</i> Features of budget reporting by internal affairs bodies of the Russian Federation	84
---	----

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Yanbukhtin R. M.</i> The problem of personality in sociology: issues of research methodology	99
---	----

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

<i>Kilimnik E. V.</i> Russia's philosophy and politics in the formation of a multipolar world order	108
---	-----

Instruction	119
--------------------------	-----

Научная статья

УДК 377.12:351.74(470)"1941/1945"

Пётр Николаевич Кобец

*Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России, Москва, Россия,
pkobets37@rambler.ru*

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
МИЛИЦЕЙСКИХ КАДРОВ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
НКВД СССР В ПЕРИОД 1941–1945 ГГ.**

Аннотация. В данной статье автором проведен обзор и анализ процессов, связанных с профессиональной подготовкой и квалифицированным обучением работников милиции в период 1941–1945 гг. Актуальность выбранной темы вызвана тем, что рассматриваемый временной промежуток был одним из наиболее трудных и весьма напряженных в отечественной истории как в целом для страны, так и для укрепления кадрового потенциала милиции и деятельности ее учебных заведений. Автор акцентирует внимание на том, что несмотря на возникающие трудности в военные годы, благодаря подготовке правоохранительного кадрового потенциала и его последующей работе в сфере охраны правопорядка и противодействия преступности, была обеспечена государственная работоспособность и жизнедеятельность всей страны. В течение всего военного периода в стране не произошло серьезных нарушений в сфере охраны правопорядка, хотя военная ситуация была напряженной и сложной. В процессе исследования автором делается вывод о том, что во время Великой Отечественной войны милицмейское образование подверглось существенной реорганизации, начиная от изменений в учебном процессе и заканчивая режимом служебной деятельности. Также обращается внимание на то, что ведомственным учебным заведениям отводилась важная роль в деле подготовки милицмейского кадрового потенциала. В этот исторический период не прекращался поиск наиболее оптимальных моделей и результативных вариантов и способов профессионального обучения работников милиции.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, милицмейские учебные организации, образовательная деятельность, военное положение, исторический опыт, кадровый потенциал милиции, правоохранительная практика, общественная безопасность

Для цитирования: Кобец П. Н. Развитие системы профессиональной подготовки милицмейских кадров в учебных заведениях НКВД СССР в период 1941–1945 гг. // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 10–19.

Original article

Petr N. Kobets

*All-Russian Research Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
pkobets37@rambler.ru*

**DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF PROFESSIONAL TRAINING
OF MILITIA PERSONNEL IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF THE NKVD OF THE USSR IN 1941–1945**

Abstract. The article provides a review and analysis of the processes related to the professional training and qualified education of militia officers from 1941 to 1945. The relevance of this topic is due to the fact that this time period was one of the most difficult and challenging in Russian history, both for the country as a whole and for strengthening the personnel potential of militia and the activities of its educational institutions.

© Кобец П. Н., 2026

The author emphasizes that, despite all the difficulties that arose during the war years, the training of law enforcement personnel and their subsequent work in maintaining law and order and combating crime ensured the functioning of the entire country. Throughout the war, no serious violations in the field of law enforcement occurred in the country, despite the tense and complex military situation. The author concludes that during the Great Patriotic War, militia education underwent significant reorganization, ranging from changes in the organization of the educational process to changes in the regime of official activities. It is also noted that departmental educational institutions played a key role in developing militia personnel. During this historical period, the search for the most optimal models and effective options and methods for professional training of militia personnel continued.

Keywords: professional training, militia training organizations, educational activities, martial law, historical experience, militia personnel potential, law enforcement practice, public safety

For citation: Kobets P. N. Development of the system of professional training of militia personnel in educational institutions of the NKVD of the USSR in 1941–1945 // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 10–19. (In Russ.)

Введение

В условиях нового тысячелетия активно проходят процессы реформирования органов внутренних дел, в ходе которых повышенное внимание уделяется проблематике подбора, обучения и в целом дальнейшего формирования высококвалифицированного кадрового потенциала. По большей части это обусловлено тем, что в системе МВД России активно разрабатываются вопросы повышения качества подготовки и обучения личного состава, которому в настоящее время приходится решать сложные процессуальные и технико-криминалистические вопросы, а также развивать взаимодействие с гражданами. К современным правоохранителям предъявляются все новые требования, которые так необходимы для успешного противодействия вызовам и угрозам в сфере охраны правопорядка. В сложившейся ситуации одним из таких требований становится их большая инициативность и принятие самостоятельных обоснованных решений.

Дальнейшее стабильное развитие профессиональной образовательной системы МВД России не может быть осуществлено без изучения положительного исторического опыта и проведения теоретической научной работы в сфере подготовки кадров правоохранных органов. Проведя историко-педагогический анализ, изучив и переосмыслив подходы к организации образовательного процесса в ведомственных образовательных организациях, возможно будет создать основу для их развития и со-

вершенствования. К примеру, заслуживает особого внимания историческое исследование, в частности обзор и анализ процессов, связанных с профессиональной подготовкой и квалифицированным обучением работников милиции в 1941–1945 гг. Как видит-ся автору, этот временной промежуток был одним из наиболее трудных и весьма напряженных в отечественной истории как для укрепления обороноспособности страны, защиты ее суверенитета и целостности, так и в целом государственного строительства. Кроме того, обозначенный период был не менее насыщенным и динамичным для системы профессионального обучения и подготовки работников милиции.

Методы

Объектом данного исследования выступили процессы, связанные с обзором и анализом процедуры профессиональной подготовки и квалифицированного обучения работников милиции в 1941–1945 гг. Автор использовал конкретно-исторические подходы, а также общенаучные, в частности анализ, синтез, обобщение, конкретизацию, индукцию, дедукцию, а также специальные, такие как статистический, формально-юридический, хронологический, сравнительно-правовой методы познания. Такая научно-исследовательская стратегия и методика сделали возможным в полном объеме рассмотреть и учесть все обстоятельства, в которых проводилась работа учебных заведений Народного комиссариата внутренних дел СССР (далее – НКВД СССР) в период Великой Отечественной войны.

Результаты

Военный период превратился в этап чрезвычайно тяжелой проверки результативности многих государственных сфер, в том числе и правоохранительной. Максимально полная активизация и концентрация были востребованы от абсолютно всех направлений жизнедеятельности страны. Народному комиссариату внутренних дел руководством страны была поставлена задача незамедлительно, в весьма кратчайший срок не только реорганизовать, но и оптимизировать организацию всей своей работы согласно нормам, предписаниям и указаниям военного положения. Работники милиции должны были находиться в постоянной готовности к разного рода действиям, связанным с ликвидацией немецких диверсантов. Кроме того, в существенной степени возросла трудовая загруженность по основному (профильному) направлению милицейской работы – охране правопорядка и противодействию преступным проявлениям. И несмотря на то, что работники милиции прикладывали максимум усилий для того, чтобы криминогенная ситуация в стране оставалась стабильной, в 1942 г. общий рост преступных проявлений составил 22 % по сравнению с 1941 г., а в 1943 г. возрос еще на 20,9 % в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. Преимущественно подобное положение дел было вызвано существенным сокращением численности хорошо обученных и квалифицированных специалистов в связи с их уходом на фронт [1, с. 184].

С момента возникновения в 1934 г. Главного управления рабоче-крестьянской милиции, входившего в структуру НКВД СССР, организация работы, связанная с подготовкой квалифицированных специалистов для прохождения службы в органах милиции, являлась первоочередной задачей. Поставленные руководством страны перед рассматриваемым ведомством задачи, а также обозначенный широкий круг исполняемых служебных обязанностей подчеркивали особую важность работы с кадрами и требовали от руководителей кадровых подразделений тщательного подхода в процессе подбора

персонала [2, с. 55]. Им также было необходимо развивать компетенции и повышать образовательный уровень работников милиции. К примеру, только в 1940/1941 учебном году, в соответствии с имевшимися планами для прохождения дальнейшего обучения, нужно было направить 53 тыс. работников милиции [3, с. 255].

Для оптимизации процессов, связанных с наращиванием кадрового потенциала и усовершенствованием организации обучения персонала, «18 марта 1941 г. было организовано Управление учебными заведениями НКВД СССР» [4, с. 14], которое занималось организацией деятельности образовательных учреждений.

Следует подчеркнуть, что все эти вопросы еще в довоенный период были чрезвычайно значимыми и еще более актуализировались для Советского Союза сразу же с началом Великой Отечественной войны. Подобное положение дел в рассматриваемой сфере объяснялось несколькими причинами, важнейшей из которых был огромный отток милицейских профессиональных кадров в первые дни войны, обусловленный массовым стремлением работников уйти в числе добровольцев на фронт для борьбы с врагом. Не менее важным обстоятельством, снизившим подготовку в рассматриваемых учебных заведениях в начале войны, было то, что пришлось приостановить работу некоторых из них, что, в свою очередь, привело к существенному сокращению выпускников милицейских школ [5, с. 11].

Еще в предвоенные годы, хорошо понимая, к чему может привести агрессивная политика западных стран в отношении СССР, рассматриваемые образовательные организации приступили к подготовке обучающихся в них лиц с учетом весьма суровых условий, которые ожидали страну в будущем. Подготовка кадров стремились вести довольно активно, чтобы успеть до начала военных действий сформировать необходимый кадровый потенциал начальствующего милицейского звена. Кроме того, в целях обмена положительным опытом обучающиеся милицейских школ стали чаще встречаться

с коллегами, проходившими обучение в других регионах страны, принимали участие в ежегодных лагерных сборах, во время которых действующие работники милиции проводили с ними различные практические занятия [6, с. 38]. Подобный подход, основанный на оптимизации и реформировании перед войной большинства процессов управленческой и образовательной деятельности, смог оказать положительное воздействие на качественную подготовку кадрового потенциала и его эффективную работу в военное время.

С первых дней войны НКВД СССР был подготовлен приказ «О перестройке работы учебных заведений НКВД СССР на период военного времени» [7, с. 98]. В данном документе был изложен комплекс мер, направленный в первую очередь на изменение подходов к организации работы учебных заведений НКВД СССР. В частности, была отмечена важность перехода в сжатые сроки на формат более ускоренной подготовки кадрового командного состава. Перед началом Великой Отечественной войны работа, связанная с подготовкой таких кадров, была возложена на Высшую школу НКВД СССР. Кроме того, в рассматриваемый исторический период работала сеть специальных средних школ милиции в таких городах, как Ленинград, Новосибирск, Новочеркасск, Омск, Саратов, Сталинград, Ташкент, а с 1943 г. заработала школа в Москве [8, с. 11]. Уже в преддверии осени 1941 г. практически на 50 % пришлось сократить численность образовательных организаций, готовивших кадровый милицкий состав, поскольку их персонал уходил воевать на фронт, а также в существенной степени происходило сокращение переменного состава. Поэтому в сложившихся столь непростых для страны условиях увеличивалась значимость подготавливаемых в оставшихся образовательных организациях квалифицированных, но немногочисленных милициских кадров. Именно по этим причинам, в отличие от предшествующих войне лет, общая численность обучающихся курсантов в сентябре 1941 г. уменьшилась вчетверо. Кроме того,

уже через год перестали заниматься подготовкой кадров милициские школы в Полтаве, Воронеже, Новочеркасске, Харькове.

При таком положении дел первоочередной задачей и главной обязанностью ведомственной системы профессионального обучения стало проведение ускоренных курсов обучения и подготовки кадрового резерва в учебных заведениях в объеме, необходимом для полного обеспечения запросов и нужд всех милициских служб. Поставленная руководством страны задача решалась различными доступными методами. Во-первых, пришлось увеличить рабочий день курсантов до 12 часов, не обошлось и без пересмотра учебных планов всех рассматриваемых образовательных организаций. Во-вторых, ускоренный выпуск пришлось провести в милициских межобластных школах. В-третьих, в учебных заведениях стали применять ряд новых способов обучения – экстернат и краткосрочные курсы. В-четвертых, в сжатые сроки были подготовлены новые образовательные программы по всем учебным дисциплинам, которые стали полностью отвечать всем необходимым требованиям военного времени. В-пятых, пришлось сократить срок обучения во всех милициских школах. В частности, встал вопрос о сокращении срока обучения курсантов в образовательных организациях НКВД СССР, его пришлось снизить с 24 месяцев до 9.

Так, уже с первых дней начала Великой Отечественной войны были проведены мероприятия, направленные на перестройку всей работы Центральной высшей школы рабоче-крестьянской милиции (далее – ЦВШ РКМ) НКВД СССР, она приступала к подготовке высококвалифицированных кадров в условиях военного положения. Для реализации намеченных задач обучение пришлось сократить до 8 месяцев, а также был введен ряд специальных программ обучения. Режим дня был установлен в соответствии с условиями военного периода – 8 занятий по 50 минут каждое и 4-часовая самоподготовка. Вне учебы слушателей привлекали к работе по охране правопорядка [9, с. 712]. Немаловажно отметить, что соглас-

но положениям Постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 2 июля 1941 г. для слушателей стали преподавать основы противовоздушной и противохимической обороны¹. С июля 1943 г. персоналом ЦВШ РКМ НКВД СССР в новом статусе Высшей школы НКВД СССР осуществлялось обучение работников, направленных из республиканских, краевых и областных НКВД и УНКВД с образованием не ниже 7 классов и не старше 35 лет, а для переподготовки кадров направлялись руководящие работники до 45 лет, которых планировали выдвигать на вышестоящие должности [10, с. 66]. С 1944 г. на базе этого учебного заведения была организована работа 2-месячных курсов шифровальщиков, а в последний военный год проводилось обучение слушателей на трех курсах. Следует акцентировать внимание на том, что в процессе трансформации этого учебного заведения было не только изменено название, но в соответствии с постоянно меняющимися условиями военного времени произошло глубокое, всестороннее и системное переосмысление имевшихся ранее подходов к подготовке кадров НКВД СССР.

В течение первого года войны Ленинградская школа милиции практически не работала, а со второй половины 1942 г. при ней организовали работу круглосуточных курсов, готовивших оперативный милицкий состав. Прошедшие обучение на этих курсах работники милиции в дальнейшем вели решительную борьбу со всеми противоправными проявлениями, которые были на тот момент в блокадном городе. Им удалось выявить и задержать не только несколько тысяч преступных элементов, но и большое количество различного оружия и взрывных устройств [11, с. 36]. В соответствии с приказом НКВД СССР от 17 августа 1944 г. № 995 открыли Ленинградскую оперативную школу НКВД СССР, учебный процесс в которой начался в ноябре 1944 г. При этом ежегодно в ней подготавливалось

порядка 500 специалистов, одновременно в ней функционировало отделение по переподготовке работников милиции, в зависимости от учебных программ они обучались от 4 до 6 месяцев. Кроме того, с момента открытия этой образовательной организации в ней в течение двух лет работало отделение переводчиков немецкого языка [12, с. 485].

В первые дни Великой Отечественной войны преподаватели и учащиеся Омской школы в качестве добровольцев отправились на фронт, вслед за ними через некоторое время ушла воевать еще часть постоянного личного состава. Ускоренный выпуск данной образовательной организацией был проведен уже осенью 1941 г. За весь военный период Омская школа подготовила несколько тысяч высококвалифицированных кадров, в дальнейшем отправленных для прохождения службы в различные регионы страны. Им приходилось нести службу также на территориях, временно оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, охраняя правопорядок, организовывая борьбу с бандитским подпольем и бывшими немецкими прислужниками, которые укрывались долгие годы в лесах [13, с. 519].

С первых дней войны Горьковская школа милиции приступила к выполнению поставленных государством задач. Ее постоянный и переменный состав активно боролся с проявлениями бандитизма и спекуляцией, причем не только в Горьковской области, но также в процессе командирования для выполнения специальных заданий в различных областях страны, включая Смоленскую и Ленинградскую. С 1942 г. Горьковской школе милиции НКВД СССР был придан статус межобластной, ее выпускников стали распределять по всему Советскому Союзу. За время войны ее выпускниками стали 715 человек. В военный период на базе этого учебного заведения были организованы краткосрочные курсы для подготовки и переподготовки работников милиции [14, с. 2453].

¹ О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне : постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 2 июля 1941 г. № 1812 // Собр. Пост. СССР. 1941. № 16, ст. 314.

После начала Великой Отечественной войны пришлось временно приостановить подготовку кадров для белорусской милиции. Личный состав этих учебных заведений был направлен на фронт, а также выполнял специальные задачи, связанные с ликвидацией регулярных частей немецко-фашистских войск. После того как территории Беларуси, оккупированные немецко-фашистскими захватчиками, постепенно стали освобождаться войсками Красной Армии, активизировались процессы по восстановлению системы милицейского профессионального образования в Белорусской Советской Социалистической Республике (далее – БССР). И поскольку большинство квалифицированных милицейских кадров воевали на фронтах Великой Отечественной войны, Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии принял постановление «О курсах резерва партийных и советских работников для освобождающихся районов Белоруссии». В соответствии с данным постановлением приступили к широкому использованию этих курсов для обучения на них работников милиции [15, с. 246]. С 1 декабря 1944 г. Минская школа НКВД БССР занялась подготовкой и переподготовкой начальствующего состава милиции. При этом «для вновь принятых сотрудников устанавливался годовой срок обучения, срок переподготовки – от трех до пяти месяцев» [16, с. 189]. С марта 1945 г. «в Гомельской областной школе милиции приступили к занятиям по повышению квалификации, а также обучению рядового и оперативно-начальствующего состава райотделов этого областного центра» [17, с. 51].

Важно указать на то, что если до начала военных действий 1941–1945 гг. ряд школ среднего и начальствующего состава милиции были межобластными учебными заведениями, то в военный период часть из них, как, например, в Иркутске, стали региональными курсами подготовки младшего и среднего начальствующего состава [18, с. 30]. В этих учебных заведениях во время войны обучали 3 месяца и 20 дней. Их

функции ограничивались переподготовкой личного состава органов милиции, который был принят на работу вместо милиционеров, вступивших в ряды Красной Армии. С начала и до окончания войны на эти курсы ежегодно набирали большое количество курсантов.

Практически сразу же с началом Великой Отечественной войны все правоохранительные структуры страны пришлось комплектовать лицами женского пола, которые стали на замену мужской части населения страны, ушедшей воевать. Подобная ситуация была характерной и для образовательных организаций НКВД СССР. Так, уже в 1941 г. межобластная школа милиции, которая находилась в Ташкенте, полностью была укомплектована обучающимися – лицами женского пола. Два курса Сталинабадской милицейской школы также пришлось укомплектовать женщинами-курсантами.

Заключение

Подводя итоги обзора процессов, связанных с профессиональной подготовкой и квалифицированным обучением работников милиции в 1941–1945 гг., хотелось бы отметить, что система милицейских учебных заведений начала складываться в сложное для советской страны время, а именно в период, когда на повестке дня стояли вопросы, связанные с коллективизацией и индустриализацией, а также мобилизацией всех имеющихся у страны ресурсов, так необходимых государству, решающему масштабные задачи. Уже в первые дни войны коммунисты ряда школ милиции провели партийные собрания, на которых были озвучены приоритетные направления в работе по подготовке милицейских кадров в военный период: улучшение в целом всей учебной работы и оптимизация образовательного процесса; приоритетное значение следовало отводить навыкам огневой подготовки; особое внимание уделять укреплению дисциплины и повышению воинских знаний; всем освоить нормы ГТО, а обучающему персоналу также было необходимо сфокусироваться на проведении постоян-

ной информационно-разъяснительной работы с обучаемыми лицами.

В целях оптимизации функционирования и подготовки кадрового потенциала во время Великой Отечественной войны всем рассматриваемым нами образовательным организациям пришлось акцентировать внимание на важности новых подходов к образовательной деятельности и обратиться к реформированию и улучшению образовательного процесса, при этом укладываясь в новые сроки обучения. В этот период не прекращался постоянный поиск наиболее оптимальных моделей и результативных вариантов и способов профессионального обучения и подготовки милицейских кадров. В ходе учебной деятельности гораздо больше внимания стали уделять изучению различных военных наук, в первую очередь таких, как тактическая военная и огневая подготовка. Кроме того, были организованы занятия по светомаскировке и санитарному делу, а также в сфере противохимической и противовоздушной обороны.

В военный период постоянный и переменный состав школ милиции преодолели все сложности и испытания, с которыми им пришлось столкнуться как на фронте, так и в тылу, и выполнили все задачи, поставленные перед ними руководством страны, а также НКВД СССР. Среди сложных и порой кажущихся нерешаемыми для работников милиции вопросов были кадровый дефицит, возросшие задачи и новые обязанности, од-

нако это не помешало им выполнить с честью свой долг перед Родиной.

В результате всех усилий, направленных на профессиональную подготовку и квалифицированное обучение работников милиции, подготавливаемые в военный период рассматриваемыми учебными заведениями специалисты могли решать многие вопросы, обусловленные вызовами и угрозами военного времени, и поэтому не допустили разного рода сбоев в системе безопасности Советского Союза. Эти учебные заведения превратились в важные для своего времени площадки – кадровые школы, которые готовили специалистов нового поколения, умеющих компетентно и квалифицированно решать разнообразные правоохранительные задачи и успешно справляться с возникающими трудностями. Кроме того, процесс осуществления профессиональной подготовки и обучения работников милиции в полной мере стали соответствовать требованиям советской профессиональной школы.

Учитывая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что ведомственным учебным заведениям на протяжении всего военного периода отводилась важная роль в деле подготовки милицейского кадрового потенциала. При этом осуществляемая учебными заведениями НКВД СССР профессиональная подготовка специалистов и милицейское обучение внесли значительный вклад в скорейшее окончание войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горбатенко Г. В. Профессиональное образование сотрудников ОВД СССР во второй половине 30-х – начале 50-х годов XX века // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 4. С. 183–188.
2. Кобец П. Н. Нормативные и управленческие основы оптимизации взаимодействия органов НКВД СССР и общественных правоохранительных объединений во время Великой Отечественной войны // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 2 (63). С. 50–57. <https://doi.org/10.37523/SUI.2025.63.2.007>.
3. Органы и войска МВД России : краткий исторический очерк / А. В. Борисов, М. Г. Детков, И. С. Кузьмин [и др.] ; гл. ред. А. Г. Горлов. М. : Объед. ред. МВД России, 1996. 462 с.
4. Исаков В. М., Мельник Е. В. НКВД и милиция Советского государства в условиях военного и послевоенного времени (1941–1950 гг.) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 14–17.

5. Герман Р. Б., Герман Р. С. Подготовка кадров для российской милиции в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 11–14.
6. Андреев С. М., Андреева И. А., Кожевина М. А. Омская академия МВД России. 90 лет. Омск : Омская академия МВД России, 2010. 206 с.
7. Николаев П. Ф. Омская высшая школа милиции МВД СССР: к 50-летию со дня основания. [1920–1970] / под ред. комиссара милиции 3 ранга И. Р. Алексеева ; М-во внутр. дел СССР. Омская высш. школа милиции. Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во. Омское отд-ние, 1969. 214 с.
8. Беда А. М., Янаев С. И. Московская милиция : материалы к лекциям по курсу «Социально-политическая история XX в.» / М-во внутр. дел РСФСР, Высш. юрид. заоч. М. : Б. и., 1991. 51 с.
9. Беляева Л. И., Княжев В. Б. Центральная школа рабоче-крестьянской милиции в годы Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы междунар. науч. конф. : в 2 ч., Санкт-Петербург, 28–29 апр. 2020 г. / под ред. Н. С. Нижник ; сост. Н. С. Нижник, С. А. Никифорова. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. Ч. 1. С. 711–716.
10. Кретов О. Г. Академия управления МВД России и ее начальники в годы Великой Отечественной войны // E-Scio. 2022. № 10 (73). С. 61–70.
11. Санкт-Петербургская специальная средняя школа милиции МВД России : краткий исторический очерк к 80-летию юбилею / рук. – канд. юрид. наук, полк. милиции Г. В. Бондаренко и др. СПб., 1998. 86 с.
12. Нижник Н. С., Стоцкий А. П. Учебные заведения НКВД: милицейское образование и деятельность в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : материалы XXII междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч., Санкт-Петербург, 24–25 апр. 2025 г. / сост. : Е. С. Зайцева, Е. Н. Козинникова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. Ч. 1. С. 482–488.
13. Огорелков Д. А. Вклад в дело Великой Победы Омской межобластной школы рабоче-крестьянской милиции // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : материалы XXII междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч., Санкт-Петербург, 24–25 апр. 2025 г. / сост. : Е. С. Зайцева, Е. Н. Козинникова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. Ч. 1. С. 517–521.
14. Варенцова Л. Ю. Горьковская межобластная школа милиции НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : материалы XX междунар. науч.-теорет. конф. : в 2 ч., Санкт-Петербург, 27–28 апр. 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник ; сост. : Н. С. Нижник, М. В. Савельева. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. Ч. 1. С. 2450–2456.
15. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987 / ген.-майор В. Н. Савичев, д. ист. н. А. Ф. Вишневецкий, Г. И. Балашова и др. ; редкол. : д. ист. н. полк. А. Ф. Вишневецкий и др., М-во внутр. дел БССР, Мин. высш. шк. МВД СССР. Минск : Беларусь, 1987. 535 с.
16. Козелецкий И. В., Ермолаев А. В. Становление и развитие профессионального образования сотрудников белорусской милиции 1917–1958 гг // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2017. № 2 (34). С. 187–191.
17. Некрашевич А. Г. Очерк истории Гомельской милиции (1917–1967 годы). Гомель : Bark, 2016. 126 с.
18. Степанов А. Г. Подготовка кадров для правоохранительных органов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Юридическое образование и наука. 2010. № 2. С. 27–32.

REFERENCES

1. Gorbatenko G. V. Professional education of the militia staff of the USSR in the second half of 30s – early 50s of the 20th century // Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 4. P. 183–188. (In Russ.)

2. Kobets P. N. Regulatory and managerial principles of optimizing the interaction between the USSR NKVD bodies and public law enforcement associations during the Great Patriotic War // Bulletin of Samara Law Institute. 2025. No. 2 (63). P. 50–57. <https://doi.org/10.37523/SUI.2025.63.2.007>. (In Russ.)
3. Bodies and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia : brief historical essay / A. V. Borisov, M. G. Detkov, I. S. Kuzmin [et al.] ; editor-in-chief A. G. Gorlov. Moscow : United Editors' Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. 462 p. (In Russ.)
4. Isakov V. M., Melnik E. V. NKVD and the militia of the Soviet state in the conditions of war and post-war time (1941–1950) // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 9. P. 14–17. (In Russ.)
5. German, R. B., German, R. S. Training of personnel for the Russian militia during the Great Patriotic War (historical and legal aspect) // Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 4. P. 11–14. (In Russ.)
6. Andreev S. M., Andreeva I. A., Kozhevina M. A. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 90 years old. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 206 p. (In Russ.)
7. Nikolaev P. F. Omsk Higher Militia School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR: to the 50th anniversary of its foundation. [1920–1970] / ed. by Police Commissioner of the 3rd rank I. R. Alekseev ; Ministry of Internal Affairs of the USSR. Omsk Higher Militia School. Omsk : West-Siberian Book Publishing House. Omsk department, 1969. 214 p. (In Russ.)
8. Beda A. M., Yanaev S. I. Moscow militia : materials for lectures on the course “Social and political history of the 20th century” / Ministry of Internal Affairs of the RSFSR, Higher Law Correspondence Course. Moscow : 1991. 51 p. (In Russ.)
9. Belyaeva L. I., Knyazhev V. B. The Central School of the Workers and Peasants' Militia during the Great Patriotic War // State. Law. War (to the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War) : proceedings of the International scientific conference : in 2 parts, St. Petersburg, April 28–29, 2020 / ed. by N. S. Nizhnik ; compiled by N. S. Nizhnik, S. A. Nikiforova. St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. Part 1. P. 711–716. (In Russ.)
10. Kretov O. G. The Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its chiefs during the Great Patriotic War // E-Scio. 2022. No. 10 (73). P. 61–70. (In Russ.)
11. St. Petersburg Specialized Secondary Police School of the Ministry of Internal Affairs of Russia : a brief historical essay to its 80th anniversary / head – Cand. of Law, Militia Colonel G. V. Bondarenko [et al.]. St. Petersburg, 1998. 86 p. (In Russ.)
12. Nizhnik N. S., Stotsky A. P. Educational institutions of the NKVD: police education and activities in Leningrad during the Great Patriotic War // State and law: evolution, current state, development prospects (to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War) : proceedings of the 22nd International scientific and practical conference : in 2 parts, St. Petersburg, April 24–25, 2025 / comp. by E. S. Zaitseva, E. N. Kozinnikova. St. Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. Part 1. P. 482–488. (In Russ.)
13. Ogorelkov D. A. Contribution to the Great Victory of the Omsk Interregional School of Workers and Peasants' Militia // State and law: evolution, current state, development prospects (to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War) : proceedings of the 22nd International scientific and practical conference : in 2 parts, St. Petersburg, April 24–25, 2025 / comp. by E. S. Zaitseva, E. N. Kozinnikova. St. Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. Part 1. P. 517–521. (In Russ.)
14. Varentsova L. Yu. Gorky Interregional Police School of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945) // State and law: evolution, current state, development prospects (to the 25th anniversary of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia) : proceedings of the 20th International scientific and theoretical conference : in 2 parts, St. Petersburg, April 27–28, 2023 / ed. by N. S. Nizhnik, comp. by M. V. Savelyeva. St. Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. Part 1. P. 2450–2456. (In Russ.)
15. Essays on the history of the militia of the Byelorussian SSR, 1917–1987 / Major General V. N. Savichev, Doctor of History A. F. Vishnevsky, G. I. Balashova [et al.] ; editorial board : Doctor of History Colonel A. F. Vishnevsky [et al.], Ministry of Internal Affairs of the BSSR, Ministry of Higher Schools of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Minsk : Belarus, 1987. 535 p. (In Russ.)

16. Kozeletsky I. V., Ermolaev A. V. Formation and development of professional education of the Belarusian police officers in 1917–1958 // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2017. No. 2 (34). P. 187–191. (In Russ.)

17. Nekrashevich A. G. Essay on the history of Gomel militia (1917–1967). Gomel : Bark, 2016. 126 p. (In Russ.)

18. Stepanov A. G. Training of personnel for law enforcement agencies during the Great Patriotic War of 1941–1945 // Legal education and science. 2010. No. 2. P. 27–32. (In Russ.)

Информация об авторе:

Кобец П. Н. – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

Kobets P. N. – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 19.11.2025; одобрена после рецензирования 18.12.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 19.11.2025; approved after reviewing 18.12.2025; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 34.096

Анна Юрьевна Чурикова

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, a_tschurikova@bk.ru, ORCID: 0000-0003-0299-622X

ТИПОЛОГИЯ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Аннотация. Цифровые платформы стали неотъемлемым элементом современной экономики и социальной коммуникации, что обуславливает актуальность их научной классификации и поиска адекватных моделей правового регулирования. В статье на основе междисциплинарного подхода рассматриваются основные критерии типологизации цифровых платформ: функциональный, технологический (архитектурный) и социально-правовой. Особое внимание уделяется сравнительному анализу транзакционных и нетранзакционных платформ, выявляются тенденции конвергенции их функционала в рамках экосистем. Проводится критический анализ Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». Выявляются правовые дефекты используемого понятийного аппарата и проблемы разграничения сфер действия закона. В заключении статьи сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в части уточнения критериев отнесения платформ к посредническим и устранения коллизий, связанных с совмещением различных видов деятельности на одной цифровой площадке.

Ключевые слова: цифровая платформа, транзакционные платформы, нетранзакционные платформы, маркетплейсы, платформенная экономика, правовое регулирование, посредническая платформа, типология, цифровая экосистема

Для цитирования: Чурикова А. Ю. Типология и правовое регулирование цифровых платформ // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 20–28.

Original article

Anna Yu. Churikova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, a_tschurikova@bk.ru, ORCID: 0000-0003-0299-622X

TYPOLGY AND LEGAL REGULATION OF DIGITAL PLATFORMS

Abstract. Digital platforms have become an essential element of the modern economy and social communication, which determines the relevance of their scientific classification and the search for adequate models of legal regulation. Based on an interdisciplinary approach, the article examines the main criteria for the typology of digital platforms: functional, technological (architectural), and socio-legal. Special attention is paid to the author's comparative analysis of transactional and non-transactional platforms, identifying trends in the convergence of their functionality within ecosystems. The main focus of the research is a critical analysis of Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025 "On Certain Issues of Regulation of the Platform Economy in the Russian Federation". Legal defects in the conceptual framework used and problems of delimiting the scope of the law are identified. In conclusion, proposals are formulated for improving legislation in terms of clarifying the criteria for classifying platforms as intermediary and eliminating conflicts associated with combining different types of activities on a single digital platform.

Keywords: digital platform, transactional platforms, non-transactional platforms, marketplaces, platform economy, legal regulation, intermediary platform, typology, digital ecosystem

For citation: Churikova A. Yu. Typology and legal regulation of digital platforms // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 20–28. (In Russ.)

Введение

Цифровые платформы в современном мире выступают не просто в качестве инструментов коммуникации или торговли, а формируют сложную инфраструктурную основу цифровой экономики. От социальных сетей до маркетплейсов, от облачных сервисов до агрегаторов услуг – платформы проникают во все сферы жизнедеятельности, изменяя традиционные экономические и правовые связи. Многообразие их форм и функций создает значительные трудности для юридической науки и правоприменительной практики, поскольку универсальный подход к регулированию невозможен без четкого понимания типологических особенностей данных объектов.

Несмотря на обилие научных работ, посвященных отдельным аспектам функционирования платформ (экономическим, социальным, технологическим), комплексный правовой анализ, учитывающий их разнородную природу, остается фрагментарным. Принятие Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»¹ (далее – Закон о платформах) актуализировало проблему соотношения научной типологии и законодательной техники. Целью настоящей статьи является систематизация теоретических подходов к классификации цифровых платформ и оценка адекватности их отражения в новейшем российском законодательстве, а также выработка предложений по совершенствованию правового регулирования с учетом выявленных коллизий.

Методы

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специально-юридических методов. Посредством метода системного анализа были выявлены и обобщены существующие в науке

подходы к типологии цифровых платформ (функциональный, архитектурный, социально-правовой). Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления различных классификационных критериев, а также для выявления различий в правовом статусе транзакционных и нетранзакционных платформ. Формально-юридический метод позволил провести детальный анализ текста Закона о платформах, выявить дефекты юридической техники и коллизии в его положениях. Метод правового моделирования использован при разработке предложений по корректировке законодательных дефиниций и критериев регулирования.

Результаты

Подходы к типологии цифровых платформ. Транзакционные и нетранзакционные цифровые платформы

В результате анализа научной литературы установлено, что одним из фундаментальных подходов является функциональный критерий, который предполагает выделение различных типов платформ в зависимости от выполняемых ими функций [1; 2; 3; 4; 5; 6; и др.]. В рамках этого подхода различают:

- коммуникационные платформы (социальные сети, мессенджеры), обеспечивающие обмен информацией между пользователями;
- контент-платформы (видеохостинги, блоги), служащие посредниками в создании и распространении информации;
- платформы электронной коммерции (маркетплейсы, онлайн-магазины), организующие торговлю товарами и услугами;
- образовательные платформы (системы дистанционного обучения), предоставляющие образовательный контент;
- облачные сервисы, предоставляющие инфраструктуру для хранения данных и вычислительных ресурсов.

Такой подход позволяет выявить основные функции платформ и определить

¹ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 31, ст. 4643.

их роль в цифровой экосистеме. В рамках функционального подхода также встречается разделение всех цифровых платформ на транзакционные и нетранзакционные. Кроме того, в современных научных исследованиях цифровые платформы все чаще рассматриваются как компоненты сложных сетевых систем с множеством взаимодействующих элементов [7; 8; 9] (экосистемный подход), что соответствует тенденциям развития цифровых платформ, так как в настоящее время создаются платформенные экосистемы (яркий пример – «Яндекс»).

В рамках данного подхода ученые выделяют транзакционные платформы, инновационные и цифровые промышленные платформы как симбиоз первых двух видов цифровых платформ [10]. Однако, представляется, что, когда речь идет об экосистемах как следующем уровне развития цифровых платформ и цифровых сервисов, их также можно глобально разделить по функциональному признаку на транзакционные и нетранзакционные.

Транзакционные цифровые платформы предназначены для организации и опосредования сделок между пользователями, то есть они создают условия для обмена товарами, услугами или финансовыми ресурсами. Основная их функция – это обеспечение безопасных, прозрачных и эффективных транзакций, а также управление рисками, связанными с заключением договоров.

Ключевыми представителями транзакционных цифровых платформ выступают:

- маркетплейсы (например, Ozon, Wildberries). Эти платформы объединяют продавцов и покупателей в единой среде. Они предоставляют инфраструктуру для размещения товаров или услуг, обработки платежей, логистики и обратной связи. Маркетплейсы выступают как посредники, снижая барьеры входа для продавцов и обеспечивая потребителям широкий выбор;

- агрегаторы услуг (например, «Яндекс.Такси», «Островок»). Эти платформы объединяют поставщиков услуг (отели, такси) с потребителями. Они обеспечивают поиск, сравнение предложений и оформление

заказов. В отличие от классических маркетплейсов, агрегаторы часто берут на себя функции по управлению бронированиями или оплатами;

- финансовые платформы (например, цифровые активы – ПАО СберБанк; Лайтхаус – ООО «Лайтхаус»; А-Токен – АО «Альфа-Банк» и др.): обеспечивают проведение платежных операций между участниками сделок с высокой степенью безопасности и удобства.

Для транзакционных цифровых платформ, как правило, свойственно наличие систем рейтингов, отзывов и гарантийных механизмов; интеграция с платежными системами (возможность проведения оплаты через цифровую платформу); наличие логистических решений и интеграция с ними. Цифровые платформы данных видов выступают в качестве посредников в коммерческих сделках и вносят вклад в развитие электронной коммерции.

Интерес представляют современные тенденции по слиянию данных типов платформ. Например, Ozon, являясь маркетплейсом, стал предлагать своим пользователям бронирование отелей, что подпадает под функционал агрегаторов услуг. Кроме того, базовые маркетплейсы (Ozon, Wildberries) создают свои финансовые продукты (например, Ozon Банк), фактически они стали выступать также и в роли финансовых платформ. «Яндекс» создает различные цифровые продукты, стараясь занять все больше ниш среди транзакционных цифровых платформ («Яндекс Маркет» – маркетплейс, «Яндекс.Такси» – агрегатор услуг). В настоящее время маркетплейсы доминируют среди транзакционных цифровых платформ, расширяя свои возможности и направления деятельности.

В свою очередь, нетранзакционные платформы предназначены для организации взаимодействий между пользователями без опосредования сделок или обмена материальными ценностями как основной цели деятельности. Их основная функция – создание среды для коммуникации, обмена информацией или совместной деятельности.

Среди нетранзакционных цифровых платформ можно выделить:

– социальные сети (например, «ВКонтакте», «Одноклассники»). Они предназначены для обмена личной информацией, фотографиями, видео и коммуникации между пользователями. Посредством использования данных платформ создаются виртуальные сообщества по интересам или географическому признаку;

– мессенджеры (например, Мах и др.). Они обеспечивают мгновенную передачу сообщений в реальном времени между участниками. Часто включают функции групповых чатов, звонков и мультимедийных сообщений;

– поисковые системы (например, Google Search, «Яндекс»). Они представляют собой инструменты поиска информации в Интернете без прямого участия в транзакциях или обмене материальными ценностями.

Нетранзакционные цифровые платформы создают условия для обмена информацией без необходимости заключения сделок, то есть фактически способствуют индивидуальному и социальному взаимодействию; хотя в настоящее время в них практически повсеместно интегрированы платежные средства, но прямых финансовых транзакций они, как правило, не осуществляют; являются публичными, открытыми ресурсами с минимальными ограничениями по доступу.

Нетранзакционные платформы способствуют формированию информационного пространства и социального взаимодействия без непосредственного участия в коммерческих операциях.

Классификация цифровых платформ на транзакционные и нетранзакционные отражает их функциональные особенности и роль в цифровой экономике. Транзакционные платформы выступают как посредники в коммерческих операциях, обеспечивая безопасное проведение сделок. Нетранзакционные же служат средой для коммуникации, способствуя обмену информацией без обязательств по заключению сделок. Понимание этих различий важно для разработки эффективных правовых механизмов регулирования

цифровых экосистем и оценки их влияния на экономическую деятельность общества.

Еще одним критерием систематизации является подход, основанный на анализе технологической структуры платформ (архитектурный) и используемых технологиях [11]. В рамках этого критерия выделяют модульные платформы с независимыми компонентами, интегрированные системы с тесной внутренней связностью функций и децентрализованные модели на базе распределенных реестров (например, блокчейн-технологии). Такой подход позволяет учитывать технологическую сложность и степень интеграции элементов внутри платформенной инфраструктуры.

Кроме того, существует социально-правовой подход к типизации цифровых платформ, в рамках которого критерием выделения типов платформ является режим доступа: открытые публичные системы, закрытые частные или корпоративные решения, а также ограниченные по доступу платформы [12]. Такой критерий важен для определения правового режима регулирования ответственности участников и механизмов защиты прав потребителей.

Современная научная типология цифровых платформ часто предполагает комбинирование указанных подходов для более комплексного анализа. Например, платформа может одновременно выполнять функции контент-платформы и электронной коммерции при использовании децентрализованных технологий и находиться под регулированием как мультисторонняя экосистема.

Таким образом, существующие теоретические подходы к типологии цифровых платформ охватывают широкий спектр критериев, комплексное рассмотрение которых позволяет сформировать системное представление о разнообразии современных цифровых платформ и предложить адекватные правовые механизмы их регулирования.

Проблемы правового регулирования, связанные с определением понятия и видов цифровых платформ

В статье 2 Закона о платформах, положения которого начнут применяться с 1 октября

2026 г., закреплено определение цифровой платформы. Под ней понимается «информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг» (п. 2 ст. 2). Кроме того, эта статья содержит также определение посреднической цифровой платформы, под которой понимается «цифровая платформа, обеспечивающая взаимодействие оператора, партнеров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, предоставляющая технические возможности размещения заказов и (или) карточек товаров, работ, услуг, совершения сделок, осуществления оплаты товара, работы, услуги пользователем в пользу партнера, соответствующая дополнительным критериям, установленным на основании части 4 статьи 4 настоящего Федерального закона, и включенная в реестр посреднических цифровых платформ в соответствии с частью 2 статьи 4 настоящего Федерального закона».

На основе этих определений, в их комплексном толковании совместно с другими положениями данного закона, можно проследить подходы к существу правового регулирования деятельности операторов цифровых платформ, в том числе в зависимости от вида платформы и круга субъектов.

Во-первых, в Законе о платформах не используется термин «транзакционные цифровые платформы», несмотря на то, что преимущественно речь идет о них.

Согласно ч. 4 ст. 3 Закона о платформах «настоящий Федеральный закон и другие федеральные законы, регулирующие использование цифровых платформ, применяются независимо от вида деятельности оператора, сферы деятельности лиц, использующих соответствующую платформу, и информационной технологии, использованной для создания и обеспечения функционирования

такой платформы, за исключением случаев, предусмотренных частями 3 и 4 статьи 1 настоящего Федерального закона», то есть в правовом регулировании отменяются фактически все иные основания типизации цифровых платформ (по таким критериям, как технологический, «архитектурный», режим доступа и т. д.) кроме функционального признака, однако выделение типов цифровых платформ на основе выполняемой функции представлено в усеченном виде (посреднические и иные). При этом понятие «посредническая цифровая платформа» тоже фактически усеченное. Ведь и транзакционные, и нетранзакционные платформы в той или иной степени являются посредниками. Только в первом случае это посредники «гражданско-правового характера», а во втором – информационного, ведь нетранзакционные платформы также предоставляют посреднические услуги по передаче информации от субъекта субъекту или группе лиц. Поэтому использование термина «посреднические цифровые платформы» в таком усеченном виде, когда под ними фактически понимаются только транзакционные платформы, представляется необоснованным.

В части 3 ст. 1 Закона о платформах устанавливается, что данный закон не применяется к отношениям, связанным:

«1) с организацией и осуществлением деятельности аудиовизуальных сервисов, деятельности лиц, являющихся кредитными организациями, некредитными финансовыми организациями, а также лиц, оказывающих профессиональные услуги на финансовом рынке;

2) с предоставлением лицензии на использование программ для электронных вычислительных машин, баз данных посредством программы для электронных вычислительных машин, которая предназначена для поиска, просмотра и приобретения указанных программ, баз данных;

3) с распространением исключительно товаров, услуг, принадлежащих владельцам информационных ресурсов».

В части 4 ст. 1 Закона о платформах фактически приводится перечень видов

цифровых платформ, к регулированию деятельности которых данный закон не применяется: «не распространяется на операторов инвестиционных платформ, операторов государственных и муниципальных информационных систем, операторов иных информационных систем (информационных ресурсов), создаваемых в соответствии с федеральными законами, на операторов электронных площадок и операторов специализированных электронных площадок, функционирующих в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, законодательством Российской Федерации в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) или законодательством Российской Федерации о приватизации».

Анализируя приведенные положения закона, можно выделить несколько потенциальных проблем, которые могут возникнуть при их применении.

Во-первых, если платформа одновременно распространяет свои товары/услуги (исключение) и обеспечивает взаимодействие между партнерами (подпадает под регулирование), то возникает неопределенность в применении данного закона. Как будет применяться исключение в этом случае и будет ли оно вообще применяться, в документе не указано. Следовательно, в дальнейшем могут возникнуть споры, в том числе и судебные, связанные с отсутствием конкретики в правовом регулировании данного вопроса. В настоящее время маркетплейсы не только осуществляют посреднические услуги, но и продают товары, принадлежащие им, выступая как магазин или производитель. В итоге при нарушении законодательства в тех случаях, когда деятельность маркетплейса будет касаться собственных товаров, как именно будут разрешаться вопросы правового регулирования? Будет ли такая ситуация «частичным исключением»?

Данные вопросы в Законе о платформах не разрешены. Это создает риск двойственного толкования.

Следует отметить размытость границ регулирования. Поскольку исключения охватывают широкий спектр деятельности (финансовые услуги, государственные системы, распространение программ), существует риск неоднозначного толкования применимости закона к конкретным платформам. Организации могут столкнуться с трудностями в определении своего статуса и обязательств по закону из-за размытых критериев исключений. Особенно с учетом того, что на одной платформе одной организацией (владельцем) может осуществляться множество видов деятельности, некоторые из которых будут подпадать под исключение, а некоторые – нет. Либо, если владелец платформы реализует через нее свой товар (услугу), но эпизодически осуществляет посредничество в реализации чужих товаров и услуг – будет ли подпадать деятельность такой цифровой платформы под действие данного закона? Из положений закона это также не ясно, что создает потенциальные проблемы в его применении.

Кроме того, возникает проблема монобрендовых платформ. Исключение устанавливается для платформ, распространяющих «исключительно товары, услуги, принадлежащие владельцам информационных ресурсов». Интернет-магазины некоторых брендов под это определение подпадают, так как продают только свой бренд, но большинство являются ритейлерами с собственными товарами (например, М.Видео, где продаются и товары собственных торговых марок, и товары других брендов). Возникает коллизия: если платформа продает товары других брендов и собственных, она уже не подпадает под критерий «исключительно»? Или под словом «принадлежат» будет пониматься не производство данных товаров, а обладание ими на праве собственности? Эти вопросы также остаются неразрешенными и требуют толкования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что определения цифровой платформы

и посреднической цифровой платформы, закрепленные в принятом Законе о платформах, настолько широки и универсальны, что под них подпадает практически любой значительный онлайн-сервис (соцсети, маркетплейсы, агрегаторы, сервисы поездок и доставки, приложения для знакомств и т. д.). Однако закрепленный в ст. 1 блок исключений также чрезвычайно широк и охватывает целые сектора экономики. В результате возникает правовая неопределенность. Оператору сложно понять, распространяется ли на него закон, не дожидаясь разъяснений регулятора или судебной практики. Это создает риски как для бизнеса (неожиданное попадание под регулирование), так и для регулятора (сложность в проведении границ). Отсутствие однозначных критериев для признания платформы посреднической (например, по объему операций или количеству участников) может создавать лазейки для обхода правил.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает необходимость дифференцированного подхода к правовому регулированию цифровых платформ в зависимости от их функционального назначения. Принятие Закона о платформах является важным шагом в формировании правовых основ функционирования цифровых платформ, однако его нормы нуждаются в существенной доработке.

В целях совершенствования действующего законодательства представляется необходимым:

1) внести изменения в ст. 2 Закона о платформах, разграничив понятия «посредническая цифровая платформа (коммерческий посредник)» и «информационная платформа (коммуникационный посредник)», либо распространить действие закона на все виды платформ, выделив для них специальные разделы (главы) с учетом специфики деятельности;

2) дополнить ч. 3 ст. 1 Закона о платформах положением, определяющим порядок действий для гибридных платформ. Например, установить, что, если доля дохода платформы от посреднических операций (обеспечение сделок между третьими лицами) превышает определенный порог (например, 20 % от общего оборота), на платформу в полном объеме распространяется действие данного закона. Это позволит избежать ситуации, когда платформа искусственно маскирует свою деятельность под продажу собственных товаров, уходя от регулирования;

3) разработать и утвердить методику отнесения информационных систем к категории «посреднические цифровые платформы» с учетом количественных показателей (количество пользователей, объем транзакций, число партнеров), что снизит коррупционные риски и обеспечит единообразие правоприменительной практики.

Реализация данных предложений позволит сбалансировать интересы государства, бизнеса и потребителей, создав прозрачные и предсказуемые условия для развития платформенной экономики в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кулагина Н. А., Казаков О. Д., Чепикова Е. М. Классификация цифровых платформ и специфика их функционирования в сложных экономических системах // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (47). С. 145–149.
2. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю. Типология цифровых платформ долевой экономики // *Тетра Economicus*. 2022. Т. 20, № 4. С. 45–58. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-45-58>.
3. Попов Е. В., Симонова В. Л., Гришина В. В. Типология цифровых платформ межфирменных взаимодействий // *Экономический анализ: теория и практика*. 2020. Т. 19, № 7. С. 1231–1248. <https://doi.org/10.24891/ea.19.7.1231>.
4. Поляков М. Л. Основные подходы к типологии цифровых медиаплатформ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика*. 2022. Т. 27, № 2. С. 399–413. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-399-413>.

5. Наролина Т. С., Смотров Т. И., Некрасова Т. А. Анализ современного состояния цифровых платформ // Наука Красноярья. 2020. Т. 9, № 2. С. 184–205. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2020-2-184-205>.
6. Раменская Л. А. Взаимодействие цифровых платформ с ключевыми заинтересованными сторонами: контент-анализ // Управленец. 2021. Т. 12, № 5. С. 96–106. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-5-7>.
7. Володина Н. Л. Преимущества создания цифровой экосистемы // Организатор производства. 2021. Т. 29, № 4. С. 104–111. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2021.95.61.011>. (In Russ.)
8. Тополева Т. Н. Моделирование цифровой платформы инновационной производственной экосистемы региона // Вестник Казанского аграрного университета. 2024. Т. 19, № 4. С. 135–143. <https://doi.org/10.12737/2073-0462-2024-135-143>.
9. Молодчик Н. А., Брагина Д. С. Внешние и внутренние цифровые экосистемы: российские практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 142–158. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.1.11>.
10. Сердюков Р. Д. Роль и место цифровых платформ в развитии промышленных предприятий: экосистемный подход // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 5 (37). С. 249–255. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-537-249-255>.
11. Жевняк О. В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 4 (66). С. 541–561. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-66-541-561>.
12. Жевняк О. В. Цифровые платформы как вид экономических рыночных отношений и отражение этого аспекта в правовом режиме цифровых платформ // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 96–127. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2023.8.43646>.

REFERENCES

1. Kulagina N. A., Kazakov O. D., Chepikova E. M. Classification of digital platforms and specifics of their functioning in complex economic systems // Natural-Humanitarian Sciences. 2023. No. 3 (47). P. 145–149. (In Russ.)
2. Popov E. V., Veretennikova A. Yu. Typology of digital platforms in shared economy // Terra Economicus. 2022. Vol. 20, no. 4. P. 45–58. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-45-58>. (In Russ.)
3. Popov E. V., Simonova V. L., Grishina V. V. A typology of digital platforms of interfirm interaction // Economic analysis: theory and practice. 2020. Vol. 19, iss. 7. P. 1231–1248. <https://doi.org/10.24891/ea.19.7.1231>. (In Russ.)
4. Polyakov M. L. Basic approaches to the typology of digital media platforms // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2022. No. 27 (2). P. 399–413. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-399-413>. (In Russ.)
5. Narolina T. S., Smotrova T. I., Nekrasova T. A. Analysis of the modern state of digital platforms // Krasnoyarsk science. 2020. Vol. 9, no. 2. P. 184–205. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2020-2-184-205>. (In Russ.)
6. Ramenskaya L. A. Interaction between digital platforms and key stakeholders: A content analysis // Upravlenets – The Manager. 2021. Vol. 12, no. 5. P. 96–106. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-5-7>. (In Russ.)
7. Volodina N. L. Advantages of creating a digital ecosystem // Organizer of production. 2021. Vol. 29, no. 4. P. 104–111. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2021.95.61.011>. (In Russ.)
8. Topoleva T. N. Modeling of a digital platform of an innovative production ecosystem of the region // Vestnik of Kazan Agrarian State University. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 135–143. <https://doi.org/10.12737/2073-0462-2024-135-143>. (In Russ.)
9. Molodchik N. A., Bragina D. S. External and internal digital ecosystems: Russian practices // Economics Bulletin. 2023. No. 1. P. 142–158. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.1.11>. (In Russ.)
10. Serdyukov R. D. The role and place of digital platforms in the development of industrial enterprises: ecosystem approach // Natural-Humanitarian Sciences. 2021. No. 5 (37). P. 249–255. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-537-249-255>. (In Russ.)

11. Zhevnyak O. V. Digital platform as a technical-technological phenomenon and its legal significance // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2024. No. 4 (66). P. 541–561. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2024-66-541-561>. (In Russ.)

12. Zhevnyak O. V. Digital platforms as a type of economic market relations and the reflection of this aspect in the legal regime of digital platforms // Legal studies. 2023. No. 8. P. 96–127. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2023.8.43646>. (In Russ.)

Информация об авторе:

Чурикова А. Ю. – доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

Churikova A. Yu. – Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 343.34:004

Равиль Хасанович Гиззатуллин¹, Игорь Александрович Владимиров², Радмир Аузагиевич Иксанов³

^{1, 2, 3} Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

¹ ravil73@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7748-9113

² docentufa@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0891-1573

³ iksanov333@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9216-543X

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам правоприменения в сфере киберпреступлений, квалификации и доказывания по уголовным делам, возникающим в условиях быстрого развития цифровых технологий. Обращается внимание на недостаточную эффективность норм действующего законодательства и методик расследования, отсутствие стандартизации процессов сбора и анализа цифровых доказательств. По мнению авторов, это является одной из причин возникновения пробелов в правоприменительной практике. Судебная практика показывает, что остаются нерешенными множество проблем, связанных с квалификацией преступлений. Например, процесс квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации) нередко вызывает разночтения среди судов относительно завершенности преступления и его материального ущерба. Существует необходимость в разъяснении позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации в вопросах унификации правоприменительной практики по преступлениям в сфере компьютерной информации. Значение для рассмотрения дел по информационным правонарушениям имеет разработка специализированных стандартов экспертиз и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в области цифровых технологий. Актуальным является совершенствование законодательной базы для борьбы с киберпреступностью в условиях меняющейся цифровой среды. Понимание правовых вопросов, касающихся киберпреступлений, становится критически важным для формирования эффективной правоприменительной практики и обеспечения правовой безопасности в цифровом пространстве.

Ключевые слова: компьютерные преступления, уголовная ответственность, судебная практика, компьютерная информация, квалификация, неправомерный доступ

Для цитирования: Гиззатуллин Р. Х., Владимиров И. А., Иксанов Р. А. Проблемы судебной практики по преступлениям в сфере компьютерной информации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 29–38.

Original article

Ravil Kh. Gizzatullin¹, Igor A. Vladimirov², Radmir A. Iksanov³

^{1, 2, 3} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

¹ ravil73@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7748-9113

² docentufa@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0891-1573

³ iksanov333@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9216-543X

PROBLEMS OF COURT PRACTICE IN CRIMES
IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Abstract. The article is devoted to the problems of law enforcement in the field of cybercrimes, the problems of qualification and proof in criminal cases that arise in the context of the rapid development of digital technologies. The authors draw attention to the insufficient effectiveness of the existing legislation and investigation methods, the lack of standardization of the processes of collection and analysis of digital evidence. According to the authors, this is one of the reasons for the gaps in law enforcement practice. Judicial practice shows that a host of problems relating to the qualification of offenses remains unresolved. For example, the process of qualifying unlawful access to computer information (Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation) often leads to differences among courts regarding the completeness of the offense and its material damage. There is a need to clarify the positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the unification of law enforcement practice on crimes in the field of computer information. The importance for the consideration of information crime cases has the development of specialized peer review standards and the upskilling of law enforcement personnel in the field of digital technologies. Improving the legislative framework to tackle cybercrime in the context of the changing digital environment is relevant. Understanding the legal issues surrounding cybercrimes becomes critical to shaping effective law enforcement practice and ensuring legal safety in the digital space.

Keywords: computer crimes, criminal responsibility, trial practice, computer information, qualification, illegal access

For citation: Gizzatullin R. Kh., Vladimirov I. A., Iksanov R. A. Problems of court practice in crimes in the field of computer information // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 29–38. (In Russ.)

Введение

В правоприменительной практике возникают трудности при квалификации преступлений, связанных с использованием компьютерных сетей. По мнению В. В. Полякова, при расследовании и рассмотрении уголовных дел особое внимание уделяется вопросам сбора и оценки доказательств, особенно электронных [1]. Автор выделяет несколько групп компьютерных преступлений:

1) преступления, совершаемые лицами с низкими техническими навыками: большинство преступлений осуществляется людьми, имеющими ограниченное понимание компьютерных технологий. Они используют простые методы, такие как применение стандартных программ для взлома аккаунтов или сетей;

2) преступления, совершаемые лицами с ограниченными техническими знаниями: эта группа включает лиц, имеющих базовые знания в области информационных технологий, которые позволяют им совершать преступления, такие как нелегальное подключение к Интернету или установка пиратского программного обеспечения (далее – ПО);

3) преступления, связанные с незаконным распространением нелицензионного ПО: значительное количество преступлений имеют отношение к нарушению авторских прав посредством распространения контрафактного ПО;

4) высокотехнологические преступления: самая маленькая группа, включающая высококвалифицированных специалистов, способных скрывать свою личность и деятельность, что значительно усложняет расследование.

В. В. Поляковым обозначены некоторые проблемы доказывания, обусловленные недостаточностью нормативных актов и методик расследования, отсутствием единых стандартов для фиксации и анализа цифровых следов, что, в свою очередь, усложняет сбор и оценку доказательств. Трудности с идентификацией электронных доказательств связаны также с тем, что они могут храниться на множестве носителей и не иметь четкого статуса оригинала или копии.

По мнению С. Р. Бикчентеевой и А. В. Васечкиной, существует потребность в разъяснении позиций Верховного Суда

Российской Федерации, направленных на обеспечение единообразия правоприменительной практики в делах о преступлениях в информационной среде [2]. Считаем необходимым акцентировать внимание на важности установления факта посягательства на охраняемую законом компьютерную информацию и правильного оформления доказательств.

Методы

Использованы общенаучные, частнонаучные и специальные методы познания, включая анализ и синтез, логический метод, системно-структурный, сравнительный, функциональный, формально-юридический и статистический методы.

Результаты

Судебная практика по уголовным делам, связанным с преступлениями в сфере компьютерной информации, свидетельствует о наличии проблем квалификации, доказывания и назначения наказаний за подобные правонарушения. Статистика судебных решений по киберпреступлениям, а также данные о количестве осужденных за преступления в сфере компьютерной информации и связанных с ними нарушениях указывают на растущую потребность в разъяснениях и изменениях в законодательстве, вызванную быстрым развитием цифровых технологий и увеличением числа кибератак. Судебная практика подтверждает наличие трудностей в квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ)). Фиксируются разногласия среди судов относительно того, считать ли преступление оконченным сразу после не санкционированного доступа или только после нанесения реального ущерба. Заслуживают внимания ситуации, когда хакеры получают доступ к данным, но не используют их. Здесь мнения судов расходятся: одни

считают это подготовительными действиями, другие квалифицируют как оконченное преступление.

Сложности, связанные с доказательствами киберпреступлений, включают вопросы установления виновности при создании и распространении вредоносных программ (ст. 273 УК РФ). Следует обратить внимание на проблему недостаточной определенности в законодательстве относительно понятий, используемых в киберпреступности, и на отсутствие четких критериев оценки ущерба, нанесенного компьютерам и сетям. Согласимся с мнением Ю. В. Иванова и В. Е. Новичкова, которые в качестве решений некоторых проблем предлагают разработать специализированные стандарты экспертиз, а также обучение сотрудников правоохранительных органов цифровым технологиям и повышение юридической грамотности населения в области информационной безопасности [3].

Разъяснению некоторых аспектов судебной практики по уголовным делам, связанным с преступлениями в сфере компьютерной информации, а также иными преступлениями, совершенными с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, посвящено постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37².

Данным постановлением определено понятие компьютерной информации как любых сведений, представленных в виде электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. К таким средствам относятся персональные компьютеры, мобильные телефоны, планшеты и прочие устройства, способные обрабатывать информацию. Неправомерный доступ к компьютерной информации означает получение или использование информации без

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 дек. 2022 г. № 37 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3.

согласия владельца или в нарушение нормативных требований.

Постановлением разъясняется понятие информационно-телекоммуникационной сети; указано, что Интернет является одной из форм таких сетей. Это необходимо для правильной квалификации преступлений, совершенных с их использованием. Также в данном документе уделяется внимание некоторым правилам территориальной подсудности. Устанавливается правило, согласно которому местом преступления, совершенного с использованием Интернета, является место, где обвиняемый совершил соответствующие действия. Постановлением рекомендована практика привлечения специалистов в области информационных технологий для разрешения сложных технических вопросов, возникающих в процессе судебного разбирательства. Постановление направлено на унификацию подхода судов к рассмотрению дел, связанных с киберпреступностью, и позволяет избежать разночтений в толковании норм права. Таким образом, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 играет важную роль в обеспечении законности и справедливости судебных решений в указанной сфере.

Проблемы квалификации преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, связываются также по признаку их совершения организованной группой. По мнению А. А. Бессонова, значительное число таких преступлений остается нераскрытым, несмотря на широкую распространенность [4]. Основной причиной этого является сложность доказывания факта совершения преступления именно организованной группой. Статистика показывает, что примерно четверть всех преступлений связана с использованием цифровых технологий, большинство из которых совершаются организованными группами. Это создает серьезные

трудности для правоохранительных органов в плане выявления и привлечения к ответственности всех участников таких группировок. Практика квалификации подобных преступлений различается в зависимости от региона и уровня суда. Отсутствие единого подхода к определению понятия «организованная группа» и составляющих его элементов усложняет работу следователей и судей.

Проанализируем апелляционное постановление Свердловского областного суда от 18 декабря 2017 г. по уголовному делу № 22-9487/2017¹, касающееся рассмотрения апелляционных жалоб осужденного и его адвоката на приговор Первоуральского городского суда Свердловской области от 10 октября 2017 г. Осужденный признан виновным в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации, повлекшем ее модификацию, совершенном из корыстной заинтересованности, по ч. 2 ст. 272 УК РФ. Преступление было совершено путем несанкционированного проникновения в электронную почту третьих лиц и отправки поддельных писем с просьбой о пожертвованиях. Решением суда первой инстанции было назначено лишение свободы сроком на 2 года 4 месяца с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. На указанное решение была подана апелляционная жалоба, в которой осужденный и его защитник утверждали, что действия виновного лица следовало квалифицировать как попытку мошенничества, а не как неправомерный доступ к компьютерной информации. Суд апелляционной инстанции отклонил эти аргументы, сочтя квалификацию верной и наказание справедливым. По итогам рассмотрения дела Свердловский областной суд вынес решение (постановление) об оставлении приговора суда первой инстанции без изменения, апелляционные жалобы – без удовлетворения. Таким образом, апелляционное постановление Свердловского областного суда официально

¹ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 18 дек. 2017 г. по делу № 22-9487/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

подтвердило законность решения нижестоящего суда.

Обратимся к определению судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2024 г. по делу № 77-УД23-10-К1¹. В Верховном Суде Российской Федерации рассматривалась кассационная жалоба адвоката на решение нижестоящих судов в отношении подсудимого К., обвиняемого в совершении ряда преступлений, связанных с нарушением авторских прав и неправомерным доступом к компьютерной информации, а именно: в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации (ч. 2 ст. 272 УК РФ), выразившемся в модификации компьютерной информации, вызванной изменением программного обеспечения игровых консолей Sony PlayStation 3, а также в использовании и распространении компьютерных программ, предназначенных для модификации компьютерной информации и нейтрализации средств защиты (ч. 2 ст. 273 УК РФ): в использовании вредоносных программ для запуска нелицензионных игр и обхода защиты производителя.

Гражданин К. приобрел несколько игровых консолей Sony PlayStation 3, установил на них специальные программы для возможности запуска нелицензионных игр, после чего продавал консоли третьим лицам. Действия подсудимого рассматривались как нарушение авторских прав компании «Сони Интерэктив Интертеймент Инк.».

По мнению адвоката, нарушение лицензий не является основанием для квалификации преступлений по ст. 272 УК РФ, поскольку программное обеспечение консолей регулируется нормами авторского права, а не нормами УК РФ, также неправильно определены признаки преступления и осуществлена квалификация деяния. Верховный Суд Российской Федерации согласился с частью аргументов адвоката и от-

менил предыдущие решения, передав дело на новое апелляционное рассмотрение. Основной причиной стало неправильное применение судами понятия «компьютерная информация» и отсутствие четких доказательств наличия специальной защиты, установленной производителем, которая бы подпадала под понятие «охраняемые законом сведения».

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации признал необходимость повторного судебного разбирательства ввиду существенных нарушений процессуального порядка и неправильного применения норм уголовного права. Это судебное решение демонстрирует сложность юридических аспектов, связанных с киберпреступностью и защитой авторских прав в цифровой среде.

Обратимся к апелляционному постановлению Московского городского суда от 25 ноября 2013 г. по делу № 10-11502/2013². Постановление касается уголовного дела, в котором трое обвиняемых осуждены за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший блокировку и нарушение работы системы электронных вычислительных машин (далее – ЭВМ) и их сети. Преступление было совершено группой лиц по предварительному сговору. В начале июля 2010 г. гражданин, будучи генеральным директором закрытого акционерного общества «Х», решил устранить конкурента – общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) «А», обеспечивающего продажу электронных авиабилетов открытого акционерного общества (далее – ОАО) «А». Для этого он поручил сотрудникам создать условия для блокировки работы сайта ООО «А». Была организована DDoS-атака, в результате которой пользователи не смогли приобрести авиабилеты на сайте ОАО «А». В судебном заседании подсудимые признали факт осуществления

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 апр. 2024 г. № 77-УД23-10-К1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 25 нояб. 2013 г. по делу № 10-11502/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

DDoS-атаки, но утверждали, что их действия не привели к доступу к охраняемой законом информации. Однако суд установил, что атака привела к блокировке работы системы ЭВМ ООО «А», что квалифицируется как неправомерный доступ к компьютерной информации. Подсудимые были признаны виновными и осуждены по ч. 2 ст. 272 УК РФ. Им было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два с половиной года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. В апелляционной жалобе адвокаты и осужденные оспаривали приговор, утверждая, что новая редакция ст. 272 УК РФ декриминализует их действия. Однако суд апелляционной инстанции оставил приговор в силе, изменив только вид исправительного учреждения, вследствие чего осужденные должны отбывать наказание в колонии-поселении. Таким образом, апелляционным постановлением подтверждена вина осужденных и правильность решения суда первой инстанции. Незначительные изменения коснулись порядка исполнения наказания.

По мнению М. А. Рухловой, необходимо внедрять современные технические средства защиты информации и организационные меры профилактики преступлений [5]. Следует сфокусироваться на проблемах квалификации и назначения наказания за киберпреступления с целью выработки путей улучшения действующего законодательства.

Изучим значение апелляционного постановления Московского городского суда от 5 августа 2013 г. по делу № 10-7098¹, касающегося рассмотрения апелляционной жалобы адвоката С. В. Никитенкова на приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 19 июня 2013 г. в отношении гражданина Ш. Ш. признан виновным в нарушении авторских прав и использовании вредоносных компьютерных программ, на-

правленных на несанкционированное копирование и нейтрализацию средств защиты компьютерной информации. Он приобрел контрафактную компьютерную программу, установил ее на чужой компьютер, использовал средства обхода защиты программного продукта и получил оплату за установку программы. Суд подтвердил правильность квалификации действий Ш. и назначил наказание в виде лишения свободы условно на 1 год со штрафом в размере 30 тыс. рублей. Решением суда апелляционной инстанции наказание признано справедливым, соответствующим тяжести преступления и данным о личности виновного лица. Таким образом, Московский городской суд оставил первоначальный приговор без изменений, отклонив апелляционные доводы защиты.

Проанализируем кассационное определение Московского городского суда от 24 апреля 2013 г. по делу № 22-2480², касающееся уголовного дела, связанного с кражей, совершенной группой лиц по предварительному сговору, покушением на кражу и неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации. По данному делу два лица были признаны виновными в следующих преступлениях: в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации, повлекшем модификацию и копирование информации, совершенном группой лиц по предварительному сговору; в краже, совершенной группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере; в покушении на кражу, совершенном группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере. Осужденные получили реальные сроки лишения свободы. Суд первой инстанции установил вину осужденных на основе показаний представителей потерпевших, свидетелей, результатов судебных экспертиз и других доказательств, признанных достоверными и непротиворечивыми.

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 5 авг. 2013 г. по делу № 10-7098. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Московского городского суда от 24 апр. 2013 г. по делу № 22-2480. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Довод осужденного М. о снижении наказания и изменении категории преступлений был отклонен, так как суд счел назначение наказания соответствующим тяжести преступлений и данным о личности осужденных. Кассационная инстанция подтвердила правильность выводов суда первой инстанции и оставила приговор без изменений. Анализ конкретных судебных решений иллюстрирует сложность квалификации преступлений, связанных с использованием компьютерной информации и компьютерных сетей.

Обратимся к определению Верховного Суда Российской Федерации¹, которое касается рассмотрения кассационной жалобы адвоката в защиту интересов осужденного С. Дело связано с обвинением последнего в неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации и использовании компьютерных программ, предназначенных для несанкционированного блокирования такой информации. Его вина была признана судом первой инстанции, но впоследствии оспорена в апелляционном и кассационном порядке. Советским районным судом г. Липецка 5 апреля 2022 г. гр. С. был признан виновным по двум статьям УК РФ (ч. 1 ст. 272 и ч. 1 ст. 273). Впоследствии наказание было смягчено апелляционным решением Липецкого областного суда, а кассационная инстанция оставила решение без изменений. Адвокат утверждал, что доказательства виновности его клиента недостаточны и содержат ряд процессуальных нарушений. Например, суд первой инстанции неправильно определил объекты правонарушения и не учел различия между нарушениями прав интеллектуальной собственности и нарушением режима защиты информации. Было отмечено, что программа, установленная на игровую приставку, изначально имела свойство

незащищенности уже до приобретения приставки осужденным, что ставит под сомнение обвинение в нарушении авторских прав.

Верховный Суд Российской Федерации признал, что нижестоящие суды не провели должного анализа обстоятельств дела и допустили серьезные нарушения процессуального порядка. В частности, речь идет о несоответствиях в квалификации деяний и неполноте исследования доказательств. Было принято решение отменить апелляционные и кассационные постановления, дело направить на новое апелляционное рассмотрение другим составом суда.

Изучим определение Московского городского суда от 21 сентября 2011 г. по делу № 22-11347². Оно касается кассационного рассмотрения дела о незаконном использовании объектов авторского права и вредоносных программ для ЭВМ. Суд оставил без изменений приговор Солнцевого районного суда г. Москвы от 15 июня 2011 г., согласно которому подсудимый С. был признан виновным в трех эпизодах незаконного использования объектов авторского права и в незаконном использовании вредоносных программ для ЭВМ, которые привели к несанкционированному копированию информации. Его наказание включало условное лишение свободы на срок шесть месяцев и штрафы. Исковые заявления представителей потерпевших были переданы на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Обратимся к определению Московского городского суда от 5 сентября 2011 г. по делу № 22-11062³. Суд оставил без изменения приговор по делу и установил, что процедура рассмотрения дела была проведена в соответствии с нормами УК РФ и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Суд отметил, что основания

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 апр. 2025 г. № 77-УД25-1-К1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Московского городского суда от 21 сент. 2011 г. по делу № 22-11347. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Московского городского суда от 5 сент. 2011 г. по делу № 22-11062. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон отсутствовали, так как прекращение дела за примирением сторон является правом, а не обязанностью суда. Таким образом, кассационная жалоба адвоката и осужденной была отклонена, а приговор оставлен в силе.

Среди исследований проблем и путей совершенствования уголовно-правового законодательства Российской Федерации в сфере информационной безопасности и борьбы с киберпреступностью интерес представляет работа О. А. Савченко [6]. Автор рассматривает существующие проблемы и противоречия в действующих нормах УК РФ, относящихся к преступлениям в сфере компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных технологий. Автор подчеркивает, что действующая глава 28 УК РФ («Преступления в сфере компьютерной информации») нуждается в модернизации. Заслуживают внимания отдельные труды авторов, исследующих терминологическую неопределенность, приводящую к трудностям в квалификации преступлений [7]. Например, различия между «преступлениями в сфере компьютерной информации» и «преступлениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий» создают путаницу и затрудняют эффективное применение законодательства. Также на квалификацию преступного деяния в сфере компьютерной информации оказывает существенное влияние способ совершения преступлений [8].

Компьютерные преступления включают широкий спектр деяний, начиная от взлома компьютеров и кражи информации до изготовления и распространения вредоносных программ. Они охватывают нарушения авторских прав, мошенничество, создание фальшивых документов и подделку кредитных карт. Эти преступления часто связаны с нарушением прав и интересов частных лиц, организаций и государства.

Проблема компьютерных преступлений приобрела международный масштаб, особенно с развитием Интернета. Специальная конвенция, принятая Советом Европы в 2001 г.¹, направлена на борьбу с киберпреступностью. По мнению К. И. Попова, преступления в киберпространстве характеризуются высокой степенью латентности, достигающей 80 %, что затрудняет выявление и расследование [9]. Массовая доступность компьютеров и широкополосного Интернета способствует росту числа таких правонарушений. К. И. Попов подчеркивает необходимость комплексного подхода к решению проблемы компьютерных преступлений, включая сотрудничество правоохранительных органов разных стран, разработку унифицированных норм и стандартов, а также усиление мер профилактики и защиты информации. А. М. Каримов исследует проблемы правового регулирования преступлений, связанных с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий [10]. Так, автор разграничивает преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Заключение

Анализ проблем судебной практики в области компьютерных преступлений показал, что существует необходимость дальнейшей разработки эффективных методов борьбы с киберпреступностью, включая повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и совершенствование законодательной базы. Понимание правоприменителями меняющейся специфики компьютерных преступлений важно для решения проблем профилактики и пресечения таких видов правонарушений. Выводы исследования имеют важное значение для дальнейшего развития правовой базы, касающейся защиты информационной инфраструктуры государства и общества.

¹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) [рус., англ.] : заключена в г. Будапеште 23 нояб. 2001 г. (с изм. от 28.01.2003). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поляков В. В. Анализ судебной практики Алтайского края по преступлениям в сфере компьютерной информации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право. 2014. Т. 10, № 1. С. 99–103.
2. Бикчентеева С. Р., Васечкина А. В. Актуальные проблемы судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : сб. статей по материалам 78-й науч.-практ. конф. студентов по итогам НИР за 2022 год : в 3 ч., Краснодар, 1–31 марта 2023 г. / отв. за выпуск А. Г. Кощаев. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2023. Ч. 3. С. 41–44.
3. Иванов Ю. В., Новичков В. Е. Некоторые вопросы судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт : сб. статей по материалам 78-я Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 23 июня 2025 г. Белгород : ООО «ГиК», 2025. С. 90–94.
4. Бессонов А. А. Проблемные вопросы установления признаков организованной группы по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 1. С. 108–119. <https://doi.org/10.61205/S160565900027800-4>.
5. Рухлова М. А. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации // Вестник науки. 2025. Т. 1, № 6 (87). С. 589–598.
6. Савченко О. А. Совершенствование уголовно-правового законодательства в сфере компьютерной информации на современном этапе развития информационных технологий // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 156–161.
7. Камалиев Д. С. О соотношении понятий «преступления в сфере компьютерной информации», «компьютерные преступления», «киберпреступления» // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 4-6 (72). С. 87–90.
8. Николаев В. Ю. Способы совершения компьютерных преступлений и использование компьютерных (информационных) технологий как способ совершения преступления // Правовая идея. 2013. № 4. С. 40–44.
9. Попов К. И. Компьютерные преступления – преступления мирового масштаба // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. № 1 (1). С. 28–31.
10. Каримов А. М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1 (51). С. 75–82. <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.93.91.010>.

REFERENCES

1. Polyakov V. V. Analysis of jurisprudence of computer crime for Altai region // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law. 2014. Vol. 10, no. 1. P. 99–103. (In Russ.)
2. Bikchentyeva S. R., Vasechkina A. V. Topical problems of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information // Scientific support for the agro-industrial complex : a collection of articles from the 78th scientific and practical conference of students based on the results of research and development for 2022 : in 3 parts, Krasnodar, March 1–31, 2023 / responsible for release A. G. Koshchaev. Krasnodar : Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, 2023. Part 3. P. 41–44. (In Russ.)
3. Ivanov Yu. V., Novichkov V. E. Some issues of judicial practice in criminal cases in the field of computer information // Science and education: domestic and foreign experience : collection of articles from the 78th International scientific and practical conference, Belgorod, June 23, 2025. Belgorod : ООО “GiK”, 2025. P. 90–94. (In Russ.)
4. Bessonov A. A. Problematic issues of establishing the signs of an organized group for crimes committed using information and telecommunication technologies // Journal of Russian law. Vol. 28, no. 1. P. 108–119. <https://doi.org/10.61205/S160565900027800-4>. (In Russ.)
5. Rukhlova M. A. Criminological and criminal-legal measures to combat crimes in sphere of computer information // Bulletin of science. 2025. Vol. 1, no. 6 (87). P. 589–598. (In Russ.)

6. Savchenko O. A. Improving criminal legislation in the field of computer information at the current stage of information technology development // Law and order in modern society. 2016. No. 29. P. 156–161. (In Russ.)
7. Kamaliyev D. S. On the relationship between the concepts of “crimes in the field of computer information”, “computer crimes”, “cybercrimes” // Topical research in the modern world. 2021. No. 4-6 (72). P. 87–90. (In Russ.)
8. Nikolaev V. Yu. Ways of commission of computer crimes and use of computer (information) technologies as way of commission of crime // Legal idea. 2013. No. 4. P. 40–44. (In Russ.)
9. Popov K. I. Computer crimes as crimes on a world scale // Legal order: history, theory, practice. 2013. No. 1 (1). P. 28–31. (In Russ.)
10. Karimov A. M. Computer crimes and crimes committed through the use of modern technology: a comparative legal aspect // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 14, no. 1 (51). P. 75–82. <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.93.91.010>. (In Russ.)

Информация об авторах:

Гиззатуллин Р. Х. – доктор юридических наук, доцент;
Владимиров И. А. – кандидат юридических наук, доцент;
Иксанов Р. А. – без ученой степени.

Information about the authors:

Gizzatullin R. Kh. – Doctor of Law, Associate Professor;
Vladimirov I. A. – Candidate of Law, Associate Professor;
Iksanov R. A. – no academic degree.

Статья поступила в редакцию 06.11.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 06.11.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 343.988:004

Людмила Александровна Голубева
Санкт-Петербургский университет МВД Рос-
сии, Санкт-Петербург, Россия, ludmigol.
official@gmail.com

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу характерных особенностей личности жертвы преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Автор обосновывает введение и использование термина «жертва» вместо «потерпевший», подчеркивая специфику виктимизации в цифровой среде. В работе детально рассмотрены виктимогенные факторы поведения, выделены типичные модели поведения жертв ИКТ-преступлений. Проведена оценка виктимного потенциала различных социально-демографических групп. Ключевое внимание уделено анализу факторов виктимности и методам социальной инженерии как основному инструменту злоумышленников; представлена авторская модель этапов применения социальной инженерии. Исследование подчеркивает актуальность и необходимость дальнейшего углубленного изучения психологических и поведенческих аспектов виктимности в контексте постоянно эволюционирующих ИКТ-угроз для разработки эффективных профилактических мер.

Ключевые слова: жертвы ИКТ-преступлений, виктимность личности, виктимогенные факторы, модели поведения жертв, социальная инженерия, виктимный потенциал, информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Голубева Л. А. Характерные особенности личности жертвы преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 39–48.

Original article

Lyudmila A. Golubeva
Saint Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg,
Russia, ludmigol.official@gmail.com

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE PERSONALITY OF THE VICTIM OF CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the characteristic features of the personality of the victim of crimes in the field of information and communication technologies (ICT). The author justifies the introduction and use of the term “victim” instead of “complainant”, emphasizing the specifics of victimization in the digital environment. The paper considers victimogenic factors of behavior in detail, identifies typical patterns of behavior of victims of ICT crimes. The victim potential of various socio-demographic groups has been assessed. Key attention is paid to the analysis of victimization factors and social engineering methods as the main tool of intruders; the author’s model of the stages of social engineering application is presented. The study highlights the relevance and necessity of further in-depth study of the psychological and behavioral aspects of victimization in the context of constantly evolving ICT threats in order to develop effective preventive measures.

Keywords: victims of ICT crimes, personal victimization, victimogenic factors, victim behavior patterns, social engineering, victim potential, information and communication technologies

© Голубева Л. А., 2026

For citation: Golubeva L. A. Characteristic features of the personality of the victim of crimes in the field of information and communication technologies // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 39–48. (In Russ.)

Введение

В современном мире, где информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) становятся неотъемлемой частью повседневной жизни, преступления, совершенные с их использованием, приобретают все более актуальный характер. Однако любое преступление, независимо от его природы и методов совершения, не обходится без жертвы. Традиционно в криминологии акцент делается на криминогенных факторах – условиях и обстоятельствах, способствующих совершению преступлений. Тем не менее для более глубокого понимания механизма преступности необходимо также рассматривать виктимогенные факторы, которые включают в себя особенности личности жертвы.

Исследование личностных характеристик жертв преступлений, связанных с информационно-коммуникационными технологиями, позволяет выявить определенные паттерны и уязвимости, которые могут быть использованы преступниками. Психологические аспекты, такие как уровень доверчивости, социальная изоляция или недостаток цифровой грамотности, могут существенно влиять на вероятность того, что индивид станет жертвой. Понимание этих особенностей не только помогает в разработке более эффективных стратегий противодействия преступлениям, но и способствует формированию профилактических мер, направленных на защиту потенциальных жертв.

Методы

Автором при написании данной статьи использовались: метод системного анализа, статистический анализ, контент-анализ, описательный метод, а также другие общенаучные методы познания.

Результаты

Традиционный криминологический подход фокусируется преимущественно на анализе личности преступника, его мотивах, способах совершения преступления и мерах по его задержанию и наказанию. Однако для эффективной борьбы с преступностью, особенно в быстро развивающейся сфере информационно-коммуникационных технологий, следует уделять пристальное внимание и виктимологическому аспекту. Иными словами, необходимо изучать не только преступника, но и жертву преступления, ее характеристики, поведение и обстоятельства, сделавшие ее уязвимой.

Прежде чем говорить о характерных особенностях личности жертвы преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, принципиально важно определить, кого мы относим к данной категории.

В современной науке вопрос об определении понятия «жертва преступления» является предметом активного обсуждения среди исследователей в области криминологии, виктимологии и уголовного права. Такие ученые, как Л. В. Франк, Х. Хентиг, Н. В. Щедрин, Д. В. Ривман и др., внесли значительный вклад в разработку данного термина, раскрывая его содержание с различных позиций.

Еще этнограф и лингвист В. И. Даль дал определение жертвы как «пожираемое, уничтожаемое, гибнущее»¹, а Д. Н. Ушаков как «человек, подвергнувшийся чьему-либо насилию, злему умыслу, пострадавший от кого-, чего-нибудь»². Наиболее распространенным в научной литературе является определение жертвы преступления как физического или юридического лица, которому преступлением причинен физический, материальный или моральный вред. Это

¹ Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / сочинение Владимира Даля. М. : Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1863–1866. Т. 1. С. 1332.

² Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Л., 1935. Т. 1. С. 860.

определение представляется рациональным, поскольку охватывает широкий спектр последствий преступных деяний и учитывает как индивидуальных, так и коллективных потерпевших. Оно также соответствует современным подходам виктимологии, ориентированным на защиту прав пострадавших и анализ их роли в механизме преступления.

Выбор термина «жертва преступления» вместо «потерпевший» в данном исследовании обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, понятие «жертва» шире по своему содержанию и охватывает не только процессуальный статус лица в рамках уголовного судопроизводства (как термин «потерпевший»), но и социально-психологические аспекты, связанные с последствиями преступления. В то время как «потерпевший» – это юридическая категория, закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве и предполагающая формальное признание лица таковым в рамках возбужденного дела, «жертва» может рассматриваться еще до возбуждения уголовного дела или даже в случаях, когда преступление осталось незарегистрированным.

Во-вторых, термин «жертва» активно используется в виктимологии [1] – науке, изучающей поведение, роль и последствия для лиц, пострадавших от преступлений. Это позволяет анализировать не только правовые, но и криминологические, психологические и социальные аспекты виктимизации.

Наконец, в международных документах (например, в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью Организации Объединенных Наций 1985 г.¹) используется именно понятие «жертва», что подчеркивает его универсальность и применимость в сравнительно-правовых исследованиях.

Таким образом, использование термина «жертва преступления» в настоящем исследовании позволяет выйти за рамки строго процессуального подхода и рассмотреть

проблему комплексно, с учетом не только юридических, но и социально-криминологических аспектов.

Однако применительно к преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, традиционное понимание жертвы требует уточнения и адаптации. Это связано со спецификой данных преступлений, которая характеризуется трансграничностью, анонимностью злоумышленников, особыми способами причинения вреда и высокой латентностью. В связи с этим возникает необходимость разработки более узкого, но при этом содержательного определения, которое отражало бы ключевые особенности жертвы именно такого рода преступлений.

Для формулировки авторского определения целесообразно учитывать такие аспекты, как специфика вреда, способы виктимизации и особый статус жертвы.

Так, в отличие от традиционных преступлений, вред жертвам ИКТ-преступлений чаще всего носит имущественный, репутационный или психологический характер, а также может выражаться в нарушении конфиденциальности данных. Помимо этого, потерпевшие в цифровой среде часто не имеют непосредственного контакта с преступником, а их взаимодействие опосредовано техническими средствами, что влияет на восприятие и осознание факта виктимизации.

На основе анализа существующих подходов и с учетом указанных особенностей жертву преступления, совершенного с использованием информационно-коммуникационных технологий, можно определить как физическое или юридическое лицо, которому в результате умышленных противоправных действий, осуществляемых с применением цифровых технологий, причинен имущественный, моральный вред, нарушены права на конфиденциальность данных или нанесен ущерб репутации.

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью : принята резолюцией 40/34 Генер. Ассамблеи ООН от 29 нояб. 1985 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 10.05.2025).

Особенности взаимодействия преступника и жертвы в сфере информационно-коммуникационных технологий формируют уникальную систему криминогенных и виктимогенных факторов.

Криминогенные факторы цифровой среды включают ряд ключевых особенностей, способствующих совершению ИКТ-преступлений. Так, анонимность и трансграничность позволяют преступникам скрывать личность и географическое положение, что значительно снижает психологический барьер и риск разоблачения. Автоматизация атак с применением вредоносного программного обеспечения (далее – ПО) (включая бот-сети) дает возможность одновременно нацеливаться на тысячи потенциальных жертв с минимальными трудозатратами. А постоянно усложняющиеся методы атак, такие как фишинг, социальная инженерия и эксплуатация уязвимостей, требуют от жертв специальных знаний для распознавания угроз, что создает техническую сложность защиты. Кроме того, высокая доходность рассматриваемых преступлений при относительно низких рисках служит значительной экономической мотивацией для их распространения.

Со стороны жертвы можно выделить несколько виктимогенных факторов поведения, повышающих вероятность виктимизации. Цифровая неграмотность, выражающаяся в недостатке знаний о киберугрозах и способах защиты, делает пользователей уязвимыми перед элементарными схемами обмана. Психологические особенности, такие как доверчивость, излишняя уверенность в своей безопасности и импульсивность (например, клики по подозрительным ссылкам из любопытства), также способствуют виктимизации. Поведенческие паттерны в виде использования слабых паролей, пренебрежения обновлением ПО и привычки делиться личной информацией в соцсетях создают дополнительные риски. Особую группу риска составляют сотрудники организаций, работающие с финансами или персональными данными, которые часто становятся целями целенаправленных атак, таких как

таргетированный фишинг или CEO-мошенничество.

В отличие от традиционных преступлений с непосредственным контактом между преступником и жертвой, в цифровой среде такое взаимодействие опосредовано технологиями и развивается по различным сценариям. Таргетированные атаки предполагают тщательное изучение жертвы через соцсети для персонализации атаки и повышения ее эффективности. Некоторые схемы, такие как romance scams (любовная афера), основаны на длительном контакте и постепенном «разогревании» жертвы через продолжительное общение.

Анализ современных угроз в сфере информационно-коммуникационных технологий позволяет выделить несколько типичных моделей поведения жертв:

1. Жертвы с *пассивной виктимностью* не осознают рисков или не предпринимают действий для их минимизации [2, с. 30]. К данной категории относятся неосведомленные пользователи, то есть лица, не обладающие достаточной цифровой грамотностью, чтобы распознать фишинг, мошеннические сайты или вредоносные программы (например, жертвы фишинговых атак, которые не проверяют URL-адреса или вводят конфиденциальные данные на поддельных страницах).

2. В модель *активной виктимности* входят жертвы, чьи действия прямо способствуют совершению преступления, например доверчивые жертвы, перечисляющие деньги мошенникам под предлогом помощи родственникам или выигрыша в лотерее. Такие жертвы часто игнорируют очевидные признаки обмана из-за эмоциональной вовлеченности, так как традиционно эффективная манипуляция строится на обнаружении и последующем использовании человеческой слабости, которая кроется в эмоциональной уязвимости личности [3, с. 378]. Также можно включить сотрудников организаций, которые пересылают конфиденциальные данные через незащищенные каналы или открывают вложения в подозрительных письмах, что приводит к утечке информации.

3. Учитывая предыдущие модели, можно выделить *смешанную*. К данной модели можно отнести такой факт, как игнорирование различных предупреждений. Например, жертвы могут видеть признаки мошенничества (как грамматические ошибки в письмах), но все равно совершают действия, ведущие к ущербу.

4. Модель провоцирующего поведения играет значительную роль в процессе виктимизации, при котором жертва, осознанно или неосознанно, создает условия, облегчающие осуществление преступных действий. В частности, раскрытие избыточной персональной информации в социальных сетях, включая данные документов, финансовую информацию и подробности личной жизни, способствует формированию цифрового профиля, который может быть использован для проведения целенаправленных атак. В массе потенциальных жертв злоумышленник будет искать того, кто привлекает внимание и будет откликаться на заданный сценарий [4, с. 213]. Следует отметить, что хотя указанные сведения могут быть получены злоумышленниками из альтернативных источников, таких как утечки данных и ресурсы сети Даркнет, добровольное предоставление информации пользователем существенно снижает порог реализации атак социальной инженерии, так как предоставляет злоумышленникам верифицированные и актуальные данные.

5. Последнюю модель можно отнести к *профессиональной виктимности*, поскольку люди могут в связи со своей профессиональной деятельностью обладать необходимой информацией для злоумышленников.

Так, мы можем видеть, что виктимность в цифровой среде зависит не только от личностных качеств жертвы, но и от контекста взаимодействия с технологиями.

Исследования в области виктимологии и юридической психологии демонстрируют, что психологические особенности жертв играют ключевую роль в их уязвимости к различным видам ИКТ-преступлений, поэтому можно проследить взаимосвязь между психологическими профилями жертв и

спецификой преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. К примеру, лица, характеризующиеся низким самоконтролем, импульсивностью, склонностью к риску и необдуманным действиям, чаще попадают в ловушки мошенников (переходят по фишинговым ссылкам или раскрывают конфиденциальные данные под давлением). Также жертвы с такими чертами, как высокая доверчивость и отсутствие критического мышления, легче поддаются манипуляциям в схемах социальной инженерии (например, «романтическое» мошенничество или вишинг), а тревожность и заниженная самооценка могут приводить к пассивному виктимному поведению, когда жертва не сопротивляется давлению или не обращается за помощью из-за страха осуждения.

При анализе психологических портретов и различных видов преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий можно проследить, что данные виды эксплуатируют специфические психологические слабости. Так, фишинг и вишинг нацелены на людей с низкой осведомленностью о цифровых угрозах и высокой внушаемостью, а жертвы «романтического» мошенничества часто одиноки и обладают высокой потребностью в эмоциональной близости, что делает их уязвимыми к манипуляциям через сайты знакомств.

Необходимо отметить, что ряд когнитивных ошибок увеличивает риск процесса виктимизации. Например, эффект гипербдительности показывает излишнюю уверенность в своей безопасности («со мной этого не случится»), мешает распознавать угрозы [5]. Помимо этого, жертвы недооценивают вероятность негативного исхода, веря в «легкий заработок» в инвестиционных схемах. И, очевидно, невнимательность к деталям (к URL-адресам или грамматике в письмах) способствует успеху фишинга.

На наш взгляд, оценка виктимного потенциала различных групп населения в контексте ИКТ-преступлений – важная задача для профилактики и снижения рисков.

Виктимологический потенциал включает в себя состояние индивидуальной и групповой виктимизации в конкретный исторический момент, процесс виктимизации, виктимологическую стимуляцию, функциональный механизм соотношения «жертва – преступник» [6, с. 924].

Таким образом, можно выделить несколько ключевых факторов виктимности, такие как социально-демографические, поведенческие, психологические и технические:

1. Социально-демографические факторы:

– *возраст*. В группе риска, согласно исследованию Н. А. Кошкиной, Н. В. Каневой, Е. О. Тетерина, оказываются дети и подростки, поскольку обладают склонностью к рискованному поведению в соцсетях и доверчивостью к мошенническим предложениям, например в онлайн-играх [7, с. 47]. Однако, по мнению Павла Селезнева, декана факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, чаще всего жертвы – это люди среднего возраста, от 30 до 45 лет, со средним уровнем дохода. Пожилых людей тоже много, но не они основные пострадавшие;

– *уровень образования*. Люди с образованием ниже среднего в два раза чаще попадают на фишинг из-за неумения анализировать URL-адреса или письма. Так, согласно опросу, проведенному Банком России в 2022 г. и отраженному в обзоре операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций, по уровню образования жертвы распределились следующим образом: наибольшее количество жертв финансового мошенничества (48 %) составляют люди со средним профессиональным образованием, что свидетельствует о том, что эта группа наиболее уязвима, вероятно, из-за сочетания финансовой активности и недостаточных знаний о киберугрозах. При этом лица с высшим образованием, хотя и реже становятся жертвами (28,9 %), все же остаются в зоне риска, что опровергает стереотип об их полной защищенности, а наименьшая доля пострадавших среди людей с общим образованием (23,1 %) может объяс-

няться их меньшей вовлеченностью в цифровые финансовые сервисы.

2. Поведенческие факторы:

– *активность в соцсетях*. Пользователи регулярно выкладывают фото из отпуска с геометками, подробно рассказывают о своем распорядке дня, публикуют данные о доходах или дорогих покупках, что вполне логично провоцирует злоумышленников на контакт с ними из-за «легкой добычи» информации. Все это приводит к осознанию того, что сегодня каждый является «открытой книгой» для рекламщиков, маркетологов, а также хакеров и киберпреступников, и поэтому насущной задачей для каждого пользователя является понимание рисков, связанных с присутствием в Сети, и контрмер, которые каждый может предпринять, чтобы сохранить собственную реальную и виртуальную идентичность [8, с. 327];

– *цифровая безопасность в повседневной деятельности*: например, отсутствие критичности при онлайн-знакомствах (так, подросток переводит деньги «новому другу» из игры, который просит «помощи на лечение»).

3. Психологические факторы:

– *виктимное мышление*. Жертва получает сообщение от несуществующей «службы безопасности банка» с требованием срочно перевести деньги на «безопасный счет» из-за «утечки данных». Вместо проверки информации (например, звонка в банк) человек сразу выполняет инструкции, так как подсознательно считает, что «эксперты знают лучше». Также установка жертвы «мне всегда не везет» или «я не разбираюсь в технологиях» снижает критичность мышления;

– *импульсивность*. Пользователь получает СМС: «Ваша карта заблокирована! Перейдите по ссылке для разблокировки». Вместо проверки номера отправителя или звонка в банк человек сразу кликает на фишинговую ссылку и вводит данные карты. Таким образом, мы видим, что импульсивные люди склонны поддаваться панике и действовать под давлением «дедлайнов», созданных мошенниками [5, с. 196].

4. Технические факторы:

– *утечки данных*. В России за 2024 год Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций фиксировала 135 случаев утечек баз данных, содержащих свыше 710 млн записей о гражданах.

Таким образом, виктимный потенциал населения в сфере ИКТ-преступлений является динамичным показателем, зависящим от различных факторов, поэтому снижение рисков требует комплексного подхода.

На наш взгляд, для снижения виктимного потенциала необходимы образовательные программы по безопасному поведению в цифровой среде для разных возрастных и социальных групп, технические меры защиты (искусственный интеллект, блокировка звонков, двухфакторная аутентификация и др.), а также пропаганда осознанного поведения в Интернете и критического восприятия подозрительных сообщений.

Рассмотрев оценку виктимологического потенциала в контексте ИКТ-преступлений и подчеркнув необходимость профилактических мер, логично обратить внимание на *социальную инженерию* как ключевой фактор виктимизации, поскольку именно манипуляция человеческим поведением, а не только технические уязвимости, лежит в основе большинства успешных атак в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Социальная инженерия представляет собой комплекс методов, направленных на эксплуатацию психологических механизмов, таких как доверие, страх или авторитет, с целью обхода систем информационной безопасности. В условиях стремительного развития цифровых технологий и усложнения защитных механизмов изучение и предотвращение подобных угроз приобретает критическое значение.

Фишинг, претекстинг и техника «кью про кво» являются примерами методов социальной инженерии, которые, в отличие от технических уязвимостей, воздействуют на когнитивные искажения и уровень осведомленности пользователей.

Для углубленного понимания механизмов функционирования социальной инженерии целесообразно рассмотреть концептуальную модель ее воздействия. Данная модель представляет собой систематизированное представление о последовательности этапов, применяемых в социальной инженерии для достижения своих целей (рис.).

На первом этапе злоумышленниками осуществляется сбор и анализ релевантной информации, включая изучение социальных сетей, открытых источников и персональных данных жертвы, а также привлечение к процессу анализа лиц, обладающих экспертным знанием в данной области. После анализа определяется оптимальный метод воздействия, учитывающий особенности целевой аудитории, также оцениваются стратегии влияния, такие как обман, убеждение и манипуляция, для достижения максимального результата.

На втором этапе основное внимание уделяется формированию доверительных отношений с объектом воздействия. Для этого используются методы легкой беседы, затрагивающей общие темы, а также имитация авторитета для повышения уровня доверия. Создание повода для взаимодействия играет ключевую роль на данном этапе. Это может быть реализовано через различные предлоги, например предложение помощи, проведение опросов или обращение за технической поддержкой, что позволяет инициировать первый контакт и создать предпосылки для дальнейшего взаимодействия.

На третьем этапе применяются различные методы воздействия, направленные на достижение поставленной цели. Одним из таких методов является фишинг, который предполагает использование поддельных электронных писем или сообщений с целью побудить жертву выполнить определенные действия [9, с. 52]. Претекстинг представляет собой еще один эффективный метод, заключающийся в разыгрывании заранее подготовленного сценария [10, с. 95]. Использование эмоционального давления также является

Рис. Модель этапов, применяемых в социальной инженерии

распространенным методом воздействия. Оно может включать в себя манипуляции, направленные на вызов чувства жалости, желание помочь, невнимательность, а также незнание механизмов работы различных систем или ощущения срочности, что способствует более быстрому принятию решения объектом воздействия [11, с. 235].

На четвертом этапе осуществляется непосредственное достижение поставленной цели, которое может включать в себя получение конфиденциальной информации, денежных средств или доступа к определенным ресурсам, после чего необходимо закрепить достигнутый успех. Например, злоумышленник может добиться этого путем убеждения жертвы в законности проведенных действий или мягкого завершения общения, что позволяет избежать нежелательных последствий [12, с. 129].

На последнем этапе общение заканчивают – формально или неформально, в зависимости от ситуации. Также преступники предпринимают действия по сокрытию следов своей деятельности, удаляют конфиденциальную информацию и отзывают фишинговые письма. Кроме того, проводится анализ и обработка полученных данных, что может подразумевать их интеграцию в информационные системы или коммерческое использование на черном рынке, либо непосредственная реализация ранее задуманного плана.

Таким образом, социальная инженерия представляет собой метод манипуляции, основанный на психологии [13, с. 21, 23], а не

на технических уязвимостях. Главная опасность заключается в том, что даже самые защищенные системы уязвимы, если человек по невнимательности или доверчивости раскроет данные. Поэтому, помимо технологической безопасности, критически важны осведомленность и здоровый скептицизм в любой ситуации, требующей передачи конфиденциальной информации.

Заключение

Разнообразие потенциальных жертв ставит перед нами сложную задачу. Невозможно вывести единый портрет, подходящий каждому пострадавшему от фишинга, взлома аккаунта или утечки персональных данных. Соответственно, необходимо понимать, что «жертва преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий» – это крайне гетерогенная группа, объединенная лишь фактом совершенного в отношении нее преступления в цифровой среде. Для более точного анализа и выделения характерных черт личности необходимо учитывать конкретный тип совершенного преступления, от которого пострадал человек.

Тем не менее проведенное исследование позволило выделить ключевые особенности личности жертвы преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также определить факторы, способствующие повышенной виктимности.

Особое внимание в работе было уделено методам социальной инженерии, которые остаются одним из наиболее эффективных инструментов злоумышленников. Манипу-

лятивные техники, основанные на психологическом воздействии, демонстрируют, что даже технически подготовленные пользователи могут стать жертвами при должном уровне убеждения и эксплуатации человеческих слабостей. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к профи-

лактике рассматриваемых преступлений, включающего не только технологические меры защиты, но и повышение осведомленности пользователей о тактиках социальной инженерии. Несмотря на полученные результаты, тема остается актуальной и требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Суханова А. А. К вопросу об объеме и содержании понятия «жертва»: обзор теоретических позиций виктимологической науки // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2020. Т. 5, № 1. С. 27–33. <https://doi.org/10.24411/26188236202015105>.
2. Фещенко П. Н. О возрастании негативных последствий «пассивной» виктимности в современной России // Виктимология. 2020. № 4 (26). С. 28–36.
3. Игнатова Е. С. Манипуляция эмоциональной безопасностью кибермошенниками с применением технологий социальной инженерии: case-study // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 374–390. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-374-390>.
4. Ильин И. С., Рязанова Е. Н. Виктимологическое предупреждение краж и мошенничеств, совершаемых бесконтактным способом // Закон и право. 2024. № 12. С. 208–214.
5. Власова Н. В., Буслаева Е. Л. Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению // Психология и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 194–206. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120214>.
6. Матусевич А. М., Кубышко Л. В. Психологические аспекты виктимности // Молодой ученый. 2014. № 8. С. 924–927.
7. Кошкина Н. А., Канева Н. В., Тетерин Е. О. Киберпреступность в подростковой среде: формы и способы профилактики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8-1 (83). С. 46–50. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-8-1-46-50>.
8. Андреева М. Б. Покажи мне свой аккаунт, и я скажу тебе, кто ты. Про цифровую безопасность и «цифровой след» // Цифровое воспитание: реалии и перспективы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 15 сент. 2022 г. / отв. ред. : Л. Ю. Максимова, Л. А. Григорович. М. : Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский институт психоанализа», 2022. С. 326–330.
9. Какорин И. А. Особенности фишинговых писем // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-9. С. 52–55. <https://doi.org/10.18411/trnio-04-2023-462>.
10. Зотина Е. В. Претекстинг как прием социальной инженерии, используемый телефонными мошенниками: криминологический взгляд на проблему // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 4 (50). С. 93–99. <https://doi.org/10.37973/KUI.2022.55.63.012>.
11. Бойко И. А., Стойчин К. Л. Проблема современных методов социальной инженерии // Безопасность информационного пространства – 2017 : XVI Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Екатеринбург, 12 дек. 2017 г. / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. С. 234–238.
12. Сивчук Е. С. Социальная инженерия как способ мошенничества // Молодой ученый. 2020. № 41 (331). С. 128–130.
13. Ламинина О. Г. Возможности социальной инженерии в информационных технологиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. С. 21–23.

REFERENCES

1. Sukhanova A. A. To the question about the volume and the content of the concept “victim”: a review of the theoretical positions of victimological science // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 27–33. <https://doi.org/10.24411/26188236202015105>. (In Russ.)

2. Feshchenko P. N. On the increasing negative consequences of “passive” victimization in modern Russia // *Victimology*. 2020. No. 4 (26). P. 28–36. (In Russ.)
3. Ignatova E. S. Manipulation of emotional security by cybercriminals using social engineering technologies: a case study // *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2024. No. 3. P. 374–390. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-374-390>. (In Russ.)
4. Ilyin I. S., Ryazanova E. N. Victimological prevention of thefts and frauds committed by contactless means // *Law and right*. 2024. No. 12. P. 208–214. (In Russ.)
5. Vlasova N. V., Buslaeva E. L. Psychological features of individuals prone to cyber victimization // *Psychology and law*. 2022. Vol. 12, no. 2. P. 194–206. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120214>. (In Russ.)
6. Matusevich A. M., Kubyshko L. V. Psychological aspects of victimization // *Young scientist*. 2014. No. 8. P. 924–927. (In Russ.)
7. Koshkina N. A., Kaneva N. V., Teterin E. O. Cybercrime in the teenage environment: forms and methods of prevention // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. No. 8-1 (83). P. 46–50. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-8-1-46-50>. (In Russ.)
8. Andreeva M. B. Show me your account and I'll tell you who you are. About the digital safety and the digital footprint // *Digital education: realities and prospects : proceedings of the International scientific and practical conference, Moscow, September 15, 2022 / ed. by L. Yu. Maksimova, L. A. Grigorovich. Moscow : Non-governmental educational private institution of higher education “Moscow Institute of Psychoanalysis”, 2022. P. 326–330. (In Russ.)*
9. Kakorin I. A. Features of phishing letters // *Trends in the development of science and education*. 2023. No. 96-9. P. 52–55. <https://doi.org/10.18411/trnio-04-2023-462>. (In Russ.)
10. Zotina E. V. Pretexting as a social engineering technique used by telephone scammers: a criminological view of the problem // *Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. Vol. 13, no. 4 (50). P. 93–99. <https://doi.org/10.37973/KUI.2022.55.63.012> (In Russ.)
11. Boyko I. A., Stoichin K. L. The problem of modern methods of social engineering // *Information space security – 2017 : the 16th all-Russian scientific and practical conference for students, postgraduates and young scientists, Yekaterinburg, December 12, 2017 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Yekaterinburg : Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 2018. P. 234–238. (In Russ.)*
12. Sivchuk E. S. Social engineering as a method of fraud // *Young scientist*. 2020. No. 41 (331). P. 128–130. (In Russ.)
13. Laminina O. G. Possibilities of social engineering in information technologies // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2017. No. 2. P. 21–23. (In Russ.)

Информация об авторе:

Голубева Л. А. – адъюнкт.

Information about the author:

Golubeva L. A. – adjunct.

Статья поступила в редакцию 26.07.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 26.07.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 343.13(560)

Марина Эвальдовна Каац
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, renatnasir@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДОСУДЕБНОГО ПЕРИОДА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье анализируются отдельные аспекты осуществления уголовно-процессуальной деятельности на первоначальном этапе производства по уголовным делам в Турецкой Республике; исследуются вопросы стадийной характеристики уголовного судопроизводства Турции, порядок осуществления предварительной проверки сообщений о преступлениях и производства расследования в данной стране, на основании чего делаются выводы о возможности имплементации отдельных позиций турецкого уголовно-процессуального законодательства в российское уголовное судопроизводство в части определения уголовной ответственности должностных лиц за укрывательство преступлений, обозначения временного ограничения права подачи заявления о преступлении, установления обязанности должностных лиц по ознакомлению с материалами доследственной проверки заинтересованных субъектов, а также получения объяснений в период проверки сообщений о преступлениях.

Ключевые слова: уголовный процесс Турции, стадии уголовного судопроизводства Турецкой Республики, полицейская проверка заявления о преступлении в Турции, предварительное расследование в Турецкой Республике

Для цитирования: Каац М. Э. Об особенностях досудебного периода уголовного судопроизводства Турецкой Республики // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 49–57.

Original article

Marina E. Kaats
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, renatnasir@mail.ru

ON THE PECULIARITIES OF THE PRE-TRIAL PERIOD OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF TÜRKIYE

Abstract. The article analyzes certain aspects of the criminal procedural activities at the initial stage of criminal proceedings in the Republic of Türkiye; examines the issues of the stage characteristics of the criminal proceedings in Türkiye, the procedure for conducting preliminary verification of crime reports and investigations in this country. On the basis of analyses the author draws the conclusions about the possibility of implementing certain positions of the Turkish criminal procedure legislation in the Russian criminal proceedings in terms of determining the criminal liability of officials for concealing crimes, designating a temporary restriction on the right to file a crime report, establishing the duty of officials to familiarize themselves with the materials of the pre-investigation check of interested entities, as well as to receive explanations during the verification of reports of crimes.

Keywords: criminal process in Türkiye, stages of the criminal proceedings in the Republic of Türkiye, police verification of the statement about the crime in Türkiye, preliminary investigation in the Republic of Türkiye

For citation: Kaats M. E. On the peculiarities of the pre-trial period of the criminal proceedings of the Republic of Türkiye // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 49–57. (In Russ.)

Введение

Складывающаяся геополитическая обстановка диктует необходимость проведения компаративистских исследований уголовно-процессуального законодательства дружественных Российской Федерации стран исламской цивилизации, к одной из которых относится Турецкая Республика (далее также – Турция), о чем отмечалось в Концепции внешней политики России, утвержденной в марте 2023 г.¹ Российско-турецкое сотрудничество имеет давние исторические и политические корни, оно всегда находилось в центре внимания и по-прежнему является актуальной проблематикой [1]. Базовым документом, лежащим в основе построения российско-турецких отношений, является Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики 1992 г.² Необходимость обмена опытом по юридическим вопросам между Россией и Турцией была подчеркнута Председателем Верховного Суда Российской Федерации И. В. Красновым во время его первой международной встречи с Главным омбудсменом Турецкой Республики Мехметом Аккарджой, проведенной в конце октября 2025 г.³

Турецкое и российское уголовное судопроизводство связано единой исторической составляющей, так как прообразом законодательства данных областей уголовной юстиции двух стран является французское право XIX в. [2, с. 122], в частности «наполеоновский» Кодекс уголовного расследования 1808 г. [3, с. 9].

Специализированным законом, регулирующим уголовно-процессуальную деятельность в Турецкой Республике, является Закон об уголовной процедуре 2004 г. (Ceza

Muhakemesi Kanunu). В литературе верно поднимается вопрос о нецелесообразности использования для обозначения данного нормативного правового акта термина «уголовно-процессуальный кодекс». Приводятся справедливые аргументы в пользу его неприменения по причине отсутствия в нем признака оптимальной кодифицированности, а также простого перевода турецкого слова kanuni на русский язык, означающего «закон» [3, с. 13]. Автор данной статьи также использует в своих работах, посвященных анализу турецкого уголовного судопроизводства, наименование «закон об уголовной процедуре» [4; 5], имея ввиду основной турецкий нормативный правовой акт, устанавливающий правила уголовного судопроизводства данной страны.

Методы

В основе методологической базы исследования лежат общенаучные теоретические приемы познания (анализ, синтез, обобщение, аналогия и др.), а также специальный сравнительно-правовой метод, применение которого позволило провести компаративистский анализ турецкого уголовного судопроизводства в рамках рассматриваемого объекта исследования.

Результаты

Структура и содержание Закона об уголовной процедуре Турции не позволяет четко определить стадии уголовного процесса данной страны. До его принятия в 2004 г. отдельные авторы выделяли три стадии: 1) предварительное расследование; 2) окончательное расследование; 3) исполнение приговора (иного решения) суда⁴. Последний этап был вполне оправданно исключен

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики от 25 мая 1992 г. // МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48617/ (дата обращения: 30.10.2025).

³ Состоялась встреча Председателя Верховного Суда Российской Федерации Игоря Краснова с Главным омбудсменом Турецкой Республики Мехметом Аккарджой // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34782/ (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ Бурмистров В. А., Савонюк Р. Е. Особенности расследования и производства следственных действий по законодательству Турции. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/94243/24-Burmistrov.pdf?sequence=1> (дата обращения: 30.10.2025).

из системы уголовного процесса [6] в связи с принятием Закона об исполнении наказаний и мер безопасности 2004 г. и Закона о тюремном уголовном праве 2006 г. Отсюда на сегодняшний момент в уголовном судопроизводстве Турции устанавливаются две стадии (этапы): 1) расследование; 2) судебное преследование [3, с. 19].

В статье 2 Закона об уголовной процедуре, обозначающей основные понятия турецкого уголовного процесса, расследование (*soruşturma*) расшифровывается как «стадия, включающая в себя период от обнаружения подозрения в совершении преступления до принятия обвинительного заключения» (п. е ст. 2). Под судебным преследованием (*kovuşturma*) понимается «этап, который начинается с принятия обвинительного заключения и продолжается до вынесения приговора» (п. f ст. 2).

Несовершенство турецкого законодательства в этой понятийной части видится в том, что, с одной стороны, судебное преследование должно заканчиваться вынесением итогового решения по делу, с другой – о нем продолжает идти речь в законе и в период апелляционного разбирательства (ч. 4 ст. 12, ч. 2 ст. 79, ч. 3 ст. 90, ч. 1 ст. 96, ч. 2 ст. 103, ч. 4 ст. 151, ч. 1 ст. 171, ч. 8 ст. 223, ч. 1 ст. 247 Закона об уголовной процедуре). В литературе отмечается, что в теории уголовного процесса Турции этап кассационного производства также включается в понятие судебного преследования, что вызывает обоснованную критику российских исследователей [3, с. 21].

Таким образом, можно заключить, что турецкий уголовный процесс обобщенно делится на досудебное и судебное производство, подобно тому, как на аналогичные группы классифицируются стадии отечественного уголовного судопроизводства.

Процесс предварительного расследования регулируется книгой второй Закона об уголовной процедуре. Характерно, что первая норма данной части закона (ст. 157)

содержит указание на закрытость (конфиденциальность) турецкого досудебного производства. В российском уголовном процессе сведения, образующиеся в рамках предварительного расследования, также признаются конфиденциальными в подзаконном нормативном правовом акте¹, а для их обережения действует такое общее условие, как недопустимость разглашения данных предварительного расследования (ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), предусматривающее, в случае его нарушения, уголовную ответственность по ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Порядок подачи заявления о преступлении в Турецкой Республике регулируется всего лишь двумя нормами закона – ст. 158 и 159 Закона об уголовной процедуре.

Заявление или жалоба могут быть поданы достаточно широкому кругу субъектов, в том числе лицам (организациям), не входящим в систему правоохранительных органов. К ним, в частности, относятся губернатор, префектура, местная администрация, посольства и консульства Турции, суд, Генеральная прокуратура, правоохранительные органы (включая органы судебной полиции) (чч. 1–4 ст. 158 Закона об уголовной процедуре). В случае получения сообщения о преступлении не субъектами уголовной юстиции последние должны перенаправить его в прокуратуру.

Традиционно заявление, жалоба могут быть поданы в письменной или устной форме для внесения содержащейся в ней информации в протокол (ч. 5 ст. 158 Закона об уголовной процедуре).

Примечательно, что в Уголовном кодексе Турции предусмотрена уголовная ответственность государственных чиновников (должностных лиц) и медицинских работников за несообщение ими о преступлении, информация о котором стала известна в связи с выполнением профессиональных обя-

¹ Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера : указ Президента Рос. Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 // Рос. газ. 1997. 14 марта.

занностей (ст. 279, 280 Уголовного кодекса Турции). В Российской Федерации такая ответственность установлена для всех лиц (кроме близких родственников), не сообщивших о ряде преступлений террористической направленности, против основ конституционного строя и безопасности государства, преступлениях против мира и безопасности человечества (ст. 205.6 УК РФ)¹ [7; 8].

Также в ст. 73 Уголовного кодекса Турции установлен общий срок давности для всех заявителей, в течение которого они могут подать сообщение о преступлении, — шесть месяцев с момента, когда заявителю стало известно о совершенном преступном действии и он имел реальную возможность известить об этом соответствующие органы. По истечении данного срока проверка сообщения о преступлении не начнется. Если событие преступления обнаружено самими правоохранительными органами либо имело место преступление сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, данное правило не действует. В таких случаях вопрос о дальнейшем расследовании и судебном преследовании решается в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности, который определяется нормами уголовного права [3, с. 83–83].

В турецком законодательстве установлен отдельный правовой «режим работы» с сообщением о подозрительной смерти. Согласно ст. 159 Закона об уголовной процедуре при наличии обстоятельств, вызывающих подозрение в том, что смерть наступила не по естественным причинам, или если личность умершего не может быть установлена, сотрудник правоохранительных органов, сельский староста или лица, занимающиеся вопросами здравоохранения или похоронным делом, обязаны немедленно сообщить об этом Генеральному прокурору Турецкой Республики². В этом случае захоронение

умершего зависит только от письменного разрешения, выданного последним.

Заявление и приложенные к нему документы регистрируются в Реестре правонарушений — единой электронной базе данных, доступ к которой имеют правоохранительные органы. Подобные единые реестры досудебных расследований ведутся органами уголовного преследования многих государств постсоветского пространства [9, с. 33–34]. «Присвоенный уникальный номер сообщается заявителю, который, сообщив его уполномоченному должностному лицу, может получить информацию о ходе проверки жалобы. При наличии технической возможности орган, в который подано сообщение, по ходатайству заявителя может вручить ему электронные копии поданных документов» [3, с. 82–83].

Проверку заявления о преступлении (полицейскую проверку) проводят прокуратура или судебная полиция (по поручению прокурора). Относительно деятельности судебной полиции в этой части органы прокуратуры составляют ежегодный отчет и направляют его местным властям (ст. 166 Закона об уголовной процедуре).

Закон об уголовной процедуре не оговаривает период осуществления подобной проверки, однако по общим правилам она должна осуществляться в разумный срок. Данная проверочная деятельность, сравниваемая с российской стадией возбуждения уголовного дела, имеет скорее административный, нежели уголовно-процессуальный характер. По этой причине она не только не выделяется в отдельный этап уголовного судопроизводства, но и не включается в стадию предварительного расследования. Аналогичный подход к определению правовой природы института доследственной проверки долгое время был присущ и российскому уголовному процессу [10]. Согласно турецкому законодательству решения, принятые

¹ Всего 20 составов преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 281, 281.1, 281.2, 281.3, 360 и 361 УК РФ.

² В данном абзаце статьи перевод норм Закона об уголовной процедуре Турции представлен максимально дословно с сохранением специфики юридической лингвистики Турецкой Республики.

по результатам проверки, «обжалуются лишь в административном порядке соответствующему территориальному прокурору, при этом такая жалоба рассматривается не по нормам Закона об уголовных процедурах, а в соответствии с Законом о государственных служащих. К тому же ряд положений, связанных с рассматриваемой проверкой, регулируется Законом о целях и обязанностях полиции» [3, с. 20].

При проведении проверки могут быть осуществлены любые не запрещенные законом действия (включая прямо не упомянутые в законе об уголовной процедуре), не требующие судебного разрешения. Исключение составляет производство допроса или экспертизы (такие процессуальные действия допустимы только после принятия прокурором решения о проведении расследования). Однако орган судебной полиции вправе провести опрос любого лица, которое, по мнению этого органа, может располагать информацией, имеющей отношение к проверяемому событию. Опрос проводится по правилам, установленным для допроса, за исключением приведения опрашиваемого к присяге. Ход и результаты его производства фиксируются в отчете. Альтернативой проведения экспертизы на данном этапе выступает возможность обращения за консультацией к специалистам. Полученные в ходе полицейской проверки результаты используются в основном как ориентирующая для последующего расследования информация и не имеют доказательственного значения на этапе судебного преследования, за исключением результатов процессуальных действий, которые не могут быть повторены судом в процессе судебного преследования или повторение которых даст заведомо иной, нежели ранее, результат (например, осмотр места происшествия) [3, с. 83–84]. В этой связи следует обратить внимание на неоднозначность подхода российского законодательства и правоприменительной практики к определению доказательственного потенциала результатов процессуальной деятельности специалиста. Последние воспринимаются в большинстве своем как

«квазидоказательства», не имеющие полноценного доказательственного значения, независимо от того, на каком этапе уголовного процесса были получены [11].

Материалы полицейской проверки, согласно турецкому законодательству, по ее завершении направляются соответствующему прокурору (по территориальности) для принятия им дальнейшего решения о проведении расследования. В случае положительного решения прокурор наделен правом непосредственного проведения расследования или поручения его производства тем же органам судебной полиции с учетом их специализации. Существуют уголовные дела, по которым расследование правомочен осуществлять исключительно прокурор. К ним, согласно ст. 58 Закона об адвокатах, относятся те, по которым преследованию подвергаются представители адвокатской профессии. В подобном процессе также обязательно присутствие представителя Ассоциации адвокатов [3, с. 90]. Таким образом, мы находим подтверждение высказанной в начале статьи мысли о том, что Закон об уголовной процедуре не является кодифицированным нормативным правовым актом, так как отдельные нормы, непосредственно регулирующие порядок уголовного судопроизводства, содержатся и в других законах Турецкой Республики.

Характерно, что судебная полиция на этапе предварительного расследования обязана исполнять даже устные указания прокурора, в случае если они подаются в неотложных ситуациях (ч. 3 ст. 161 Закона об уголовной процедуре).

В турецком законодательстве предусмотрен еще один субъект, правомочный проводить расследование, – мировой судья по уголовным делам. Согласно ст. 163 Закона об уголовной процедуре он вправе провести расследование, если совершено очевидное преступление, по которому лицо задержано с поличным, а прокурор не имеет непосредственной возможности вступить в уголовный процесс. Мировой судья по уголовным делам вправе также поручить проведение расследования судебной полиции. Таким образом,

указанный представитель судебного органа фактически может заменить прокурора.

В процессе производства расследования должностными лицами проводятся классические следственные и процессуальные действия (задержание, арест, помещение под судебный контроль, обыск, выемка и др.). Примечательно, что цель их проведения связана с необходимостью достижения истины по делу (п. в ч. 3 ст. 52, ч. 1 ст. 129, ч. 1 ст. 160 Закона об уголовной процедуре), что было свойственно советскому уголовному судопроизводству и поддерживается отдельными российскими учеными в настоящее время [12; 13].

По окончании расследования прокурор принимает одно из следующих решений:

- об отсутствии оснований для судебного преследования;
- об отсрочке выдвижения публичного обвинения;
- о составлении обвинительного заключения и передаче дела в суд.

Первый вид решения аналогичен российскому институту прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Оно может быть обжаловано потерпевшим в порядке так называемой процедуры оппозиции в соответствующий апелляционный суд в течение 15 суток [3, с. 100].

Второй вид решения немного схож с российским условным осуждением, за исключением ряда правовых последствий. Отсрочка предоставляется прокурором на срок до пяти лет по уголовным делам о преступлениях, максимальный срок за совершение которых не превышает трех лет (ч. 1 ст. 171 Закона об уголовной процедуре). Если в этот период «подозреваемый совершит любое новое преступление, его действие прекращается и в суд направляется обвинительное заключение как по вновь совершенному преступлению, так и по тому, в связи с которым принималось решение об отсрочке» [3, с. 102].

Принятие решения о составлении обвинительного заключения, согласно турецкому законодательству, именуется возбуждением судебного преследования. Сам итоговый обвинительный документ подается на имя

официального и компетентного суда (ч. 3 ст. 171 Закона об уголовной процедуре), а его содержание сравнимо с аналогичным российским документом.

Заключение

Таким образом, в рамках данной статьи были рассмотрены отдельные особенности досудебного периода производства по уголовным делам Турецкой Республики, дана характеристика осуществления полицейской проверки сообщений о преступлениях в данной стране, раскрыты некоторые особенности производства и окончания расследования. Можно заключить, что досудебное производство Турецкой Республики, так же как первоначальные стадии уголовного процесса Российской Федерации, классическим образом характеризуется «интенсивной деятельностью государственных органов, осуществляющих уголовное преследование, по формированию доказательственной базы по совершенному преступлению» [14, с. 67]. Схожесть подхода к определению сущности рассмотренного этапа уголовного судопроизводства обусловлена историко-правовыми и социально-политическими аспектами развития данных стран. Вместе с тем сфера уголовной юстиции Турции обладает рядом особенностей, на которые следует обратить внимание, рассмотрев возможность их имплементации в российское законодательство.

В частности, внести норму об уголовной ответственности должностных лиц за укрывательство преступлений любой категории тяжести, для чего дополнить гл. 31 УК РФ ст. 316.1 «Укрывательство преступлений государственными служащими, должностными лицами и медицинскими работниками». Относительно медицинских работников поддержим высказанное в юридической литературе суждение о назревшей необходимости наделения данной категории лиц статусом государственного или муниципального служащего [15].

В российском законодательстве следует проработать вопрос о возможности внесения изменений в гл. 19 УПК РФ, касающихся обозначения временного ограничения права подачи заявления о преступлении

лицами, которым стало известно о совершенном преступном действии и они имели реальную возможность известить об этом соответствующие правоохранительные органы. В данных поправках должны найти свое отражение позиции о категории преступлений, специфике пострадавших, времени подачи заявления, а также раскрыто понятие «реальная возможность сообщения».

Следует предусмотреть обязанность должностных лиц при наличии ходатайства лица, чьи интересы были затронуты проведенной доследственной проверкой, ознакомить его с собранными материалами, для чего ст. 145 УПК РФ необходимо дополнить частью пятой следующего содержания: «По ходатайству лица, заявленного в порядке ст. 119 УПК РФ, ему предоставляется право

на ознакомление с материалами проверки, проведенной по заявлению или сообщению о преступлении, непосредственно затрагивающими его права и свободы». Данное предписание будет корреспондировать конституционным установкам, отраженным в ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации, а также в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации¹.

Подобно турецкому законодательству, на процедуру взятия объяснений на стадии возбуждения уголовного дела предлагаем распространить некоторые общие правила проведения допроса, предусмотренные ст. 189 УПК РФ, что будет способствовать приданию данному процессуальному действию более легитимного и, соответственно, доказательственного характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шангараев Р. Н., Поспелов Н. В. Россия и Турция: исторические особенности взаимодействия и перспективы сотрудничества // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3, № 4. С. 80–85.
2. Таньпетер Я. П. Опыт правового регулирования законодательства по обеспечению общественно-го порядка в Турецкой Республике // Молодой ученый. 2019. № 42 (280). С. 120–123.
3. Григорьев В. Н., Сумин А. А. Введение в уголовный процесс Турции : моногр. М. : Юрлитинформ, 2018. 192 с.
4. Каац М. Э. Особенности института доказывания в уголовном процессе отдельных государств исламской правовой семьи // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2024. № 1 (66). С. 35–40.
5. Каац М. Э. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе отдельных стран Ближнего Востока // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 2 (56). С. 119–127. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16>.
6. Сумин А. А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 79–81. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10016>.
7. Петрикова С. В. Уголовная ответственность за несообщение о преступлении // Социально-политические науки. 2017. № 1. С. 126–128.
8. Сабатов С. А. Уголовно-правовая характеристика несообщения о преступлении (статья 205.6 УК РФ) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 89–93. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2018_1_89.
9. Корнелюк О. В., Вагин Д. М. Необходимость стадии возбуждения уголовного дела // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2020. № 5 (74). С. 32–34.
10. Баловина И. В. Дореволюционный этап развития процессуального института доследственной проверки // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 2 (14). С. 8–16.
11. Ежова Е. В., Акбаров И. И. Некоторые вопросы участия специалиста в производстве по уголовным делам // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 79–87.

¹ Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 29 сент. 2011 г. № 1251-О-О ; Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 5 июня 2014 г. № 1309-О ; и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Свиридов М. К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–106.

13. Эстерле Т. А. Быть или не быть истине в уголовном процессе? // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 359–361.

14. Латыпов В. С. Правовой институт содействия правосудию: вопросы существования и дальнейшего расширения // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 65–71.

15. Сучкова Т. Е. К вопросу о необходимости наделения врачей статусом государственного или муниципального служащего // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 212–216.

REFERENCES

1. Shangaraev R. N., Pospelov N. V. Russia and Türkiye: historical peculiarities of interaction and prospects for cooperation // History and modern worldview. 2021. Vol. 3, no. 4. P. 80–85. (In Russ.)

2. Tanpeter Ya. P. Experience of legal regulation of legislation on ensuring public order in the Republic of Türkiye // Young scientist. 2019. No. 42 (280). P. 120–123. P. 122. (In Russ.)

3. Grigorev V. N., Sumin A. A. Introduction to the Turkish criminal procedure. Moscow : Yurlitinform, 2018. 192 p. (In Russ.)

4. Kaats M. E. Features of the institution of proof in the criminal proceedings of individual states of the Islamic legal family // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (66). P. 35–40. (In Russ.)

5. Kaats M. E. Certain issues of recognizing evidence as inadmissible in the criminal proceedings of certain countries of the Middle East // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (56). P. 119–127. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-16>. (In Russ.)

6. Sumin A. A. Stage of enforcement of the sentence should not be present in the system of stages of criminal proceedings // Bulletin of economic security. 2019. No. 1. P. 79–81. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10016>. (In Russ.)

7. Petrikova S. V. Criminal responsibility for failure to report a crime // Sociopolitical sciences. 2017. No. 1. P. 126–128. (In Russ.)

8. Sabatov S. A. Criminal and legal characteristics of failure to report a crime (article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Vestnik of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (30). P. 89–93. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2018_1_89. (In Russ.)

9. Kornelyuk O. V, Vagin D. M. The necessity of the stage of initiation of criminal proceedings // Eurasian Union of Scientists. 2020. No. 5 (74). P. 32–34. (In Russ.)

10. Balovina I. V. Pre-revolutionary stage of development of procedural institution of pre-investigation verification // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. No. 2 (14). P. 8–16. (In Russ.)

11. Ezhova E. V., Akbarov I. I. Some issues of participation of a specialist in criminal proceedings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 79–87. (In Russ.)

12. Sviridov M. K. The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure // Tomsk State University Journal of Law. 2013. No. 2 (8). P. 101–106. (In Russ.)

13. Esterle T. A. To be or not to be true in criminal proceedings? // Young scientist. 2023. No. 2 (449). P. 359–361. (In Russ.)

14. Latypov V. S. Legal institution for promotion of justice: issues of existence and further expansion // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 67. 65–71. (In Russ.)

15. Suchkova T. E. On the issue of the need to grant doctors the status of state or municipal employees // Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 23. P. 212–216. (In Russ.)

Информация об авторе:

Каац М. Э. – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Kaats M. E. – Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 21.01.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 343.123.51(470)

Вадим Сагитьянович Латыпов
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, Vadi-Latypov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3166-8527

СТАТУС ПОКАЗАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье осуществляется комплексный анализ показаний как вида доказательств в российском уголовном процессе. На основе изучения современных научных работ исследуется эволюция признания обвиняемым своей вины от «царицы доказательств» инквизиционного процесса до элемента системы доказательств в состязательной модели. Особое внимание уделяется проблеме обеспечения достоверности и добровольности показаний, полученных на предварительном следствии, и недопустимости злоупотреблений со стороны правоприменителей.

Автор рассматривает критические предложения по реформированию института признания вины, включая идею переквалификации показаний с признанием вины в информационные сведения. Анализируются смежные институты, такие как депонирование доказательств, особенности допроса лиц с когнитивными особенностями, а также разграничение процессов собирания и исследования доказательств.

В работе обосновывается, что современные вызовы, включая цифровизацию и необходимость защиты прав личности, требуют дальнейшего развития доказательственного права в направлении усиления гарантий достоверности показаний и процессуальных механизмов их проверки.

Ключевые слова: показания, доказательства, признание вины, обвиняемый, свидетель, достоверность, допустимость, состязательность, допрос, депонирование доказательств, адвокатское расследование

Для цитирования: Латыпов В. С. Статус показаний в современном российском уголовном процессе // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 58–66.

Original article

Vadim S. Latypov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, Vadi-Latypov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3166-8527

THE STATUS OF EVIDENCE IN CONTEMPORARY RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of testimony as a type of evidence in a Russian criminal trial. Based on the study of modern scientific works, the evolution of the accused's admission of guilt is investigated from the “queen of evidence” of the inquisition process to an element of the evidence system in the adversarial model. Particular attention is paid to the problem of ensuring the reliability and voluntariness of testimony obtained during the preliminary investigation, and the inadmissibility of abuse by law enforcement officers.

The author considers critical proposals for reforming the institution of admission of guilt, including the idea of reclassifying testimony with a confession of guilt into information. Related institutions are analyzed, such as the deposition of evidence, the features of the interrogation of persons with cognitive characteristics, as well as the differentiation of the processes of collecting and examining evidence.

© Латыпов В. С., 2026

The work proves that modern challenges, including digitalization and the need to protect individual rights, require further development of evidentiary law in the direction of strengthening guarantees of the reliability of testimony and procedural mechanisms for their verification.

Keywords: testimony, evidence, confession of guilt, accused, witness, reliability, admissibility, adversarial, interrogation, deposition of evidence, lawyer investigation

For citation: Latypov V. S. The status of evidence in contemporary Russian criminal proceedings // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 58–66. (In Russ.)

Введение

Показания участников уголовного судопроизводства традиционно занимают центральное место в системе доказательств, являясь непосредственным источником информации о расследуемом событии. Однако именно этот вид доказательств наиболее подвержен субъективным влияниям, ошибкам восприятия и памяти, а в условиях доминирования обвинительного уклона – прямому давлению и злоупотреблениям. Современный этап развития уголовно-процессуального права России, формально базирующийся на состязательной модели (ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), характеризуется острым доктринальным и практическим противоречием между декларируемым равенством сторон и сохраняющейся «следственной» монополией на формирование доказательственной базы в ходе досудебного производства.

Данное противоречие не является случайным или поверхностным; оно отражает глубинный методологический конфликт между формальной состязательностью и реально доминирующими разыскными началами, определяющими структуру российского уголовного процесса [1]. Современное судопроизводство представляет собой область существующего противоречия между формально закрепленной состязательной идеологией и устойчивыми разыскными (инквизиционными) началами, исторически присущими континентальной модели и сохраняющими доминирующие позиции на досудебных стадиях. В существующей модели российского уголовного процесса досудебное производство остается сферой реализации властной деятельности должностных лиц по собиранию доказательств, где фи-

гура следователя как «хозяина дела» предопределяет асимметрию в возможностях формирования и легитимации доказательственной базы, в том числе и ключевого ее элемента – показаний участников уголовного судопроизводства [2, с. 200]. Таким образом, проблема обеспечения достоверности и допустимости показаний должна рассматриваться не только через призму тактических ошибок или злоупотреблений, но и как конкретное проявление этой фундаментальной двойственности процесса, что требует поиска решений, адекватных его типу [3].

Это противоречие с особой силой проявляется в сфере получения и оценки показаний, прежде всего показаний обвиняемого и подозреваемого. В рамках настоящей статьи предпринята попытка, опираясь на анализ современных научных публикаций, проследить эволюцию статуса показаний, выявить ключевые проблемы, связанные с обеспечением их достоверности и допустимости, и рассмотреть перспективные направления совершенствования процессуальных механизмов работы с этим видом доказательств в условиях сформировавшейся состязательности.

Методы

В основу настоящего исследования положен комплекс общенаучных и частнонаучных методов, применение которых позволило осуществить системный анализ статуса показаний в современном уголовном процессе России. Ведущую роль играл диалектический метод, давший возможность рассмотреть эволюцию доказательственного значения признания вины как процесс преодоления противоречия между исторически сложившимися разыскными началами и формально внедренной состязательной моделью. В рамках историко-право-

вого метода была проанализирована трансформация подхода к признанию вины от исключительного вида доказательств инквизиционного процесса до элемента системы доказательств в современном УПК РФ. Использование формально-логического и сравнительно-правового методов позволило провести критическую оценку предложений по реформированию института показаний, сопоставить концепции депонирования в различных правовых системах и выявить специфику российской процессуальной реальности. Основной эмпирической базой выступил метод системного анализа научной литературы и нормативных источников, который обеспечил целостное осмысление проблем достоверности, допустимости и процессуальных гарантий при получении и проверке показаний в контексте идеологического дуализма современного производства.

Результаты

Исторический анализ, представленный в работе М. А. Корчагина, наглядно демонстрирует радикальную трансформацию роли признания вины. В розыском (инквизиционном) процессе, господствовавшем в России с Соборного уложения 1649 г. вплоть до 1864 г., признание являлось «лучшим свидетельством на свете», своего рода «царицей доказательств» [4, с. 44]. Его получение, часто сопряженное с законными в тот период пытками и психологическим насилием, фактически прекращало производство по делу. Судебная реформа 1864 г. и Устав уголовного судопроизводства 1864 г. ознаменовали переход к состязательной модели, где «если обвиняемый отказывается от дачи показаний, то расследователь должен найти иные средства для достижения истины» [4, с. 44].

В современном российском процессе, согласно ст. 77 УПК РФ, признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении совокупностью других доказательств. Формально это уравнивало признание обвиняемым своей вины с иными доказательствами. Однако, как справедливо отмечает М. А. Корчагин, на практике сохраняется «явный приоритет данному виду доказательств среди

других» со стороны некоторых правоприменителей, что порождает злоупотребления и давление на обвиняемого с целью получения «нужных» показаний [4, с. 43]. Это указывает на глубоко укорененный в следственной ментальности инквизиционный подход, когда признание продолжает восприниматься как ключ к быстрому и «успешному» разрешению дела, несмотря на прямое противоречие принципу презумпции невиновности и праву не свидетельствовать против себя (ст. 51 Конституции Российской Федерации).

Критический анализ существующего положения приводит ряд процессуалистов к неоднозначным предложениям. Так, несколько революционной выглядит идея А. С. Барабаша, предлагающего переформулировать п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ таким образом, чтобы доказательствами признавались только показания подозреваемого, обвиняемого, в которых они свидетельствуют о своей невиновности. Признание же вины предлагается рассматривать не как доказательство, а лишь как «информационный источник для проведения иных следственных действий», что, по мнению автора, лишит следователя незаконного интереса в его получении [5, с. 46].

С данной позицией можно согласиться лишь в части, направленной против порочной практики. Однако полное изъятие показаний с признанием вины или кардинальное изменение их статуса игнорирует их потенциальную доказательственную ценность при условии гарантированной добровольности. Признание, особенно детализированное и содержащее информацию, не известную следствию, может быть мощным ориентиром для проверки и установления объективной истины. Проблема заключается не в самом наличии такого доказательства, а в отсутствии эффективных «процессуальных фильтров», отсекающих показания, добытые под давлением. Нормы о недопустимости показаний, данных без защитника (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), недостаточны на досудебных стадиях, где давление наиболее вероятно.

Представляется, что одним из перспективных механизмов, способных уравнивать

возможности сторон и гарантировать сохранение доказательств, в том числе показаний, в их первоначальном виде, является институт депонирования. Как отмечает М. А. Сильнов, в широком смысле депонирование доказательств можно понимать как «процессуальные средства обеспечения относимости, допустимости и достоверности доказательств в целях их дальнейшего использования» [6, с. 105]. В классическом понимании – это письменное показание под присягой, полученное с соблюдением прав сторон на перекрестный допрос, которое может быть использовано в суде при невозможности последующей явки свидетеля.

Именно институт депонирования показаний представляет особый теоретический и практический интерес в условиях развития состязательного уголовного процесса. Несмотря на отсутствие прямого нормативного закрепления в УПК РФ, дискуссии о целесообразности его имплементации носят оживленный и аргументированный характер. В этой связи целесообразным представляется обращение к сравнительно-правовому анализу законодательных решений отдельных государств постсоветского пространства, где данный инструмент уже нашел свое нормативное закрепление. Так, легальные дефиниции и порядок применения депонирования детализированы в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, ст. 691 Уголовно-процессуального кодекса Эстонии. Особый интерес представляет ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, которая не только закрепляет институт депонирования показаний, но и детально регламентирует его процедуру. Согласно данной норме, депонирование осуществляется по ходатайству стороны или по инициативе суда в ходе судебного заседания с обязательным участием сторон, обеспечивая тем самым право на перекрестный допрос (конфронтацию) в момент фиксации доказательства. Анализ казахстанского опыта наглядно демонстрирует, что введение подобного института в российский процесс неминуемо повлечет за собой не просто пополнение арсенала

следственных действий, но и качественное обогащение процессуальной системы. Это предполагает, во-первых, появление нового процессуального участника – судебного или следственного должностного лица, ответственного за организацию и проведение процедуры депонирования, наделенного четким кругом полномочий по обеспечению прав сторон. Во-вторых, формируется комплекс новых процедурных последовательностей: от возбуждения ходатайства и оценки судом его обоснованности до проведения заседания по фиксации показаний и последующего хранения материалов. Следовательно, рецепция данного института представляет собой целенаправленное усложнение процессуальной формы в интересах достижения более высокого уровня гибкости, эффективности и соответствия международным стандартам справедливого судопроизводства.

При этом нами ранее уже отмечалось, что существующая возможность оглашения показаний по ст. 281 УПК РФ не является аналогом депонирования, так как не обеспечивает право стороны защиты на перекрестный допрос на этапе фиксации показания, превращая его, по сути, в показания «с чужих слов» (hearsay) [7, с. 118].

Однако М. А. Сильнов считает, что успешная имплементация этого института невозможна без глубокого реформирования досудебного производства в сторону реальной состязательности [6, с. 106]. Альтернативой или дополнением могло бы стать расширение полномочий нотариуса в сфере обеспечения доказательств, включая осмотр информации в сети Интернет, что уже отчасти предусмотрено основами законодательства о нотариате [6, с. 106].

Таким образом, успешная имплементация института депонирования показаний возможна лишь в русле предлагаемой стратегии эволюционной конвергенции, направленной не на революционную ломку, а на последовательное формирование законодательно оформленных процедур, сочетающих элементы состязательности с усилением публично-правовых гарантий. Внедряемое под судебным контролем и с обеспечени-

ем права на перекрестный допрос, депонирование способно стать эффективным механизмом фиксации доказательств, нейтрализующим риск изменения или утраты показаний и восполняющим информационную асимметрию сторон. Однако его роль должна определяться не абстрактными принципами заимствованной состязательности, а конкретными задачами обеспечения достоверности доказательств в рамках отечественной следственно-разыскной модели. Только будучи встроенным в систему усиленного судебного контроля и строгих процессуальных формальностей, данный институт сможет выполнять свою основную функцию – служить инструментом объективного установления обстоятельств дела, укрепляя тем самым легитимность правосудия и защиту национального интереса как высшей ценности уголовного судопроизводства.

Однако внедрение депонирования требует тщательной процессуальной регламентации, исключающей его использование как инструмента для «закрепления» показаний, полученных под давлением. Необходимы гарантии своевременного доступа защиты к процедуре и возможности заявления ходатайств о повторном допросе в случае изменения обстоятельств.

Если институт депонирования призван гарантировать сохранность и процессуальную чистоту уже полученных показаний, то не менее важной является задача обеспечения их изначальной достоверности на этапе получения. В этом контексте фундаментальное значение приобретает качество процесса их формирования, что ставит вопрос о разграничении собирания и исследования доказательств.

В этой связи фундаментальное значение имеет работа С. Б. Россинского, посвященная разграничению собирания и исследования доказательств. Автор убедительно доказывает, что это не взаимопоглощающие, а автономные компоненты доказывания. Собирание – это процедурно-накопительная деятельность по юридическому преобразованию информации в допустимые

доказательства (формирование через следственные действия или приобщение готовых объектов). Исследование же – сугубо познавательная (когнитивная) деятельность по восприятию, изучению и анализу содержания доказательств [8, с. 59–61].

Применительно к показаниям это разграничение крайне важно. Допрос как следственное действие представляет собой классический пример интеграции «когнитивности» (исследования – восприятия информации от допрашиваемого) и «ритуальности» (собирания – оформления протокола). Однако в реальности дознаватель или следователь часто вынуждены исследовать уже собранные доказательства (например, протоколы допросов, проведенных коллегами, заключения экспертов). В суде же исследование доказательств, в том числе показаний, через их оглашение, допрос подсудимого, свидетелей является центральным компонентом судебного следствия (ст. 240, 274, 275 УПК РФ) [8, с. 62]. Таким образом, качество первоначального «исследования» в ходе допроса предопределяет доказательственную ценность «собранного» протокола. Недостатки тактики, психологическая некомпетентность, игнорирование особенностей личности допрашиваемого на этапе собирания не могут быть в полной мере компенсированы на стадии последующего судебного исследования.

При этом вопрос качества «исследования» в ходе допроса становится критическим при работе с лицами, имеющими возрастные когнитивные изменения. Исследование Л. В. Бертовского восполняет существенный пробел в научной доктрине, обращаясь к особенностям допроса лиц старших возрастных групп (от 75 лет и выше). Особую актуальность данная возрастная группа приобретает в современных реалиях, когда «целевой аудиторией» интернет-мошенников являются лица данной возрастной группы. Автор констатирует, что, в отличие от несовершеннолетних, процессуальный закон практически не содержит специальных гарантий для пожилых участников процесса, хотя объективные психофизиологические

изменения (снижение скорости обработки информации, ухудшение эпизодической памяти, сужение внимания, возможные речевые расстройства вроде амнестической афазии) серьезно влияют на полноту и точность их показаний [9, с. 1103–1104, 1113].

Л. В. Бертовский предлагает комплекс тактических рекомендаций: тщательное изучение личности и состояния здоровья; выбор времени и места допроса (предпочтительно утренние часы, по месту пребывания); ограничение продолжительности (не более часа без перерыва); привлечение специалиста-геронтопсихолога; обеспечение участия законного представителя (при необходимости – опеки) и адвоката; предварительное информирование о теме допроса для активизации памяти; использование наглядных материалов [9, с. 1107–1110]. Эти меры направлены не только на получение более полной информации, но и на защиту прав уязвимого участника процесса. Данные рекомендации имеют универсальное значение и подчеркивают необходимость персонализированного, научно обоснованного подхода к тактике допроса, что напрямую коррелирует с обеспечением достоверности получаемых показаний.

Наряду с совершенствованием классических процедурных и тактических методов работы с показаниями современные вызовы требуют учета потенциала цифровых технологий. Если тактика допроса фокусируется на человеческом факторе получения информации, то цифровизация предлагает инструменты для ее последующего аналитического контроля. В этом ключе обозначаются перспективы и риски применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в оценке показаний. Уже сегодня разрабатываются системы, способные анализировать большие массивы текстовых и аудиовизуальных данных (показаний) на предмет выявления противоречий, слабых аргументов, паттернов лжи или предубеждений [10, с. 242]. Пилотные проекты, например, в Шанхае (Китай) или Нидерландах, демонстрируют потенциальную способность ИИ помогать в анализе доказательств [10, с. 242–243].

Однако, как верно отмечает А. Ю. Чурикова, в обозримой перспективе ИИ может выступать лишь помощником, но не заменой следователя или судьи. Сложности связаны с необходимостью формализации социальных, моральных, контекстуальных критериев оценки; рисками ошибок в алгоритмах; проблемой непрозрачности принятия решений; угрозами внешнего вмешательства и кибератак [11, с. 57–59]. Тем не менее развитие технологий анализа данных – объективная реальность. Это ставит перед процессуальной наукой задачу разработки правовых и этических рамок использования подобных инструментов, чтобы они служили цели достижения назначения уголовного судопроизводства, а не становились источником новых ошибок или инструментом тотального контроля.

Таким образом, технологии анализа данных могут стать дополнительным инструментом проверки согласованности (внутренней и внешней непротиворечивости) показаний, но их применение должно быть подчинено общей задаче обеспечения достоверности в рамках государственно-центрированной модели доказывания.

Заключение

Проведенный анализ эволюции статуса и современных проблем, связанных с показаниями, выявил устойчивую зависимость их достоверности от глубинных характеристик процессуальной формы. Это позволяет сформулировать основной тезис, имеющий принципиальное значение для дальнейшего развития доказательственного права. Современное состояние уголовного процесса, формально базирующееся на состязательной модели (ст. 15 УПК РФ), на деле характеризуется устойчивым противоречием между заимствованной состязательной идеологией и сохраняющими доминирование на досудебных стадиях розыскными (инквизиционными) началами, исторически присущими континентальной системе [12]. Существующее противоречие предопределяет, что механизмы работы с наиболее уязвимым и субъективным видом доказательств – показаниями не могут быть эффективно рефор-

мированы путем простого механического заимствования англо-американских состязательных стандартов.

Основная мысль заключается в том, что правовой режим показаний в современном российском уголовном судопроизводстве должен формироваться не на основе абстрактной, заимствованной состязательности, а исходя из реалий смешанного, следственно-разыскного типа процесса. Это требует отказа от жесткого противопоставления «состязательность vs. розыск» в пользу стратегии эволюционной конвергенции, под которой понимается постепенное внедрение состязательных элементов при сохранении и усилении судебного и государственного контроля как системообразующего начала. Данная стратегия направлена на создание законодательно оформленных элементов состязательности в рамках конкретных производств.

В контексте работы с показаниями такой подход воплощается в двух взаимосвязанных направлениях.

Во-первых, необходима институционализация механизмов, обеспечивающих достоверность и сохранность показаний на досудебных стадиях, где сохраняется «следственная монополия» на формирование доказательственной базы. Ключевым инструментом здесь видится введение института судебного депонирования показаний. Депонирование, осуществляемое следственным судьей по ходатайству стороны с обязательным участием защиты и обвинения, позволило бы зафиксировать показания, особенно уязвимых свидетелей или потерпевших (при угрозе безопасности, тяжелой болезни), в процедурно безупречной форме, гарантируя их последующую допустимость и достоверность. Это не копирование англо-американской модели, а создание адаптированного

механизма усиленного судебного (государственного) контроля за процессом доказывания, отвечающего потребности в сохранении доказательств и нейтрализации обвинительного уклона.

Во-вторых, усиление государственных начал должно выражаться в последовательном утверждении принципа национального интереса как системообразующего ориентира уголовно-процессуальной политики [13, с. 25–26]. Обеспечение достоверности показаний и подлинного равенства сторон [14] в их исследовании является не самоцелью, а условием достижения справедливого судебного решения, что укрепляет легитимность правосудия и отвечает высшим публично-правовым целям. В этом свете развитие «адвокатского расследования» должно трактоваться не как создание «параллельного» следствия по образцу стран общего права, а как законодательная формализация полномочий защитника по формированию альтернативной доказательственной базы в рамках действующей процедуры [15]. Это позволит защитнику эффективно представлять суду доказательства, в том числе показания, опровергающие обвинение, что реализует состязательность в ее материальном смысле, но без разрушения целостности государственно-центрированной модели досудебного производства.

Только такой сбалансированный, эволюционный путь, отвергающий как консервацию инквизиционных пережитков, так и некритическое заимствование чуждых состязательных конструкций, способен обеспечить достоверность показаний, защиту прав личности и в конечном итоге достижение объективной истины в русле стратегических национальных интересов Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конев А. Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России : моногр. М. : Проспект, 2021. 416 с.
2. Азарёнок Н. В., Давлетов А. А., Чарьков А. В. Обусловленность места и роли адвоката-защитника типу уголовного производства // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 198–204. <https://doi.org/10.17223/15617793/494/21>.

3. Шуров А. Ю. Разыскные начала современного уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2026. 34 с.
4. Корчагин М. А. Оценка показаний обвиняемого, данных на предварительном расследовании // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3. С. 43–52.
5. Барабаш А. С. Совершенствование уголовно-процессуального механизма защиты граждан от незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 17–18 нояб. 2005 г. : в 5 ч. / отв. ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2006. Ч. 4. С. 45–48.
6. Сильнов М. А. О депонировании доказательств как о способе обеспечения уголовно-процессуального доказывания // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2023. № 11. С. 103–108.
7. Терехов А. Ю., Латыпов В. С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1 (43). С. 115–121. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.20.58.018>.
8. Россинский С. Б. Собираение и исследование доказательств: каковы критерии их разграничения? // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 2. С. 58–65. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-58-65>
9. Бертовский Л. В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Юридические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 1100–1121. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-4-1100-1121>.
10. Липская С. А. Показания: перспективы применения искусственного интеллекта // Правовая культура в современном обществе : сб. трудов конф., Могилев, 20 мая 2022 г. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь ; отв. ред. : И. А. Демидова. Могилев : Могилев институт МВД, 2022. С. 242–246.
11. Чурикова А. Ю. Практика и проблемы регулирования использования технических средств в уголовном процессе // Российский судья. 2025. № 4. С. 56–60. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-4-56-60>.
12. Шуров А. Ю. Новый взгляд на противоречие между состязательностью и розыском // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 70, № 2. С. 294–296.
13. Латыпов В. С. Национальный интерес в контексте прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу: теоретико-правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. : Право. 2025. Т. 25, № 4. С. 22–31. <https://doi.org/10.14529/law250403>.
14. Асадуллина А. А. Принцип равенства всех перед законом и судом: проблемы и гарантии в уголовном судопроизводстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 36–42.
15. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : моногр. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023. 528 с.

REFERENCES

1. Konev A. N. Ideological foundations of modern criminal proceedings in Russia : monograph. Moscow : Prospekt, 2021. 416 p. (In Russ.)
2. Azarenok N. V., Davletov A. A., Charkov A. V. Conditionality of a defense lawyer's place and role by the type of criminal proceedings // Tomsk State University Journal 2023. No 494. P. 198–204. (In Russ.)
3. Shurov A. Yu. Wanted beginnings of modern criminal proceedings : dis. ... Cand. of Law. Nizhny Novgorod, 2026. 34 p. (In Russ.)
4. Korchagin M. A. Assessment of the testimony of the accused given at the preliminary investigation // Ural journal of legal research. 2022. No. 3. P. 43–52. (In Russ.)
5. Barabash A. S. Improving the criminal procedure mechanism for protecting citizens from illegal violence by law enforcement officers // Ensuring human and civil rights and freedoms : materials of International scientific and practical conference, Tyumen, November 17–18, 2005 : in 5 parts / ed. by G. N. Chebotareva. Tyumen : Publishing House of Tyumen State University, 2006. Part 4. P. 45–48. (In Russ.)

6. Silnov M. A. On the deposit of evidence as a way to ensure criminal procedure evidence // Problems of legal and technical protection of information. 2023. No. 11. P. 103–108. (In Russ.)
7. Terekhov A. Yu., Latypov V. S. The need to deposit witness and victims evidence in complex criminal cases // Bulletin of Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, no. 1 (43). P. 115–121. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.20.58.018> (In Russ.)
8. Rossinskiy S. Accumulation and monitoring of evidence: what are the criteria for distinguishing them? // Juridical journal of Samara University. 2025. Vol. 11, no. 2. P. 58–65. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-58-65>. (In Russ.)
9. Bertovsky L. V. Features of interview of elderly people // RUDN Journal of Law. 2020. Vol. 24, no. 4. P. 1100–1121. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-4-1100-1121>. (In Russ.)
10. Lipskaya S. A. Indications: prospects for the use of artificial intelligence // Legal culture in modern society : collection of articles from a conference. Mogilev, May 20, 2022 ; ed. by I. A. Demidova / Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. Mogilev : Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2022. P. 242–246. (In Russ.)
11. Churikova A. Yu. Practice and problems of regulating the use of technical means in criminal proceedings // Russian judge. 2025. No 4. P. 56–60. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-4-56-60> (In Russ.)
12. Shurov A. Yu. A new look at the contradiction between adversarialism and search // Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. 70, no. 2. P. 294–296. (In Russ.)
13. Latypov V. S. National interest in the context of termination of criminal prosecution in connection with conscription: theoretical and legal aspect // Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”. 2025. Vol. 25, no. 4. P. 22–31. <https://doi.org/10.14529/law250403> (In Russ.)
14. Asadullina A. A. The principle of equality of all before the law and the court: problems and guarantees in criminal proceedings // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 36–42. (In Russ.)
15. Davletov A. A., Azarenok N. V. The criminal process of Russia: historical roots, current state, prospects for evolutionary development : monograph. Yekaterinburg : Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, 2023. 528 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Латыпов В. С. – доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

Latypov V. S. – Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.01.2026; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 06.01.2026; approved after reviewing 23.01.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 343.132:343.343.5(470)

Ярослав Сергеевич Мозговой

*Военное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Центральному Военному округу, Самара, Россия,
Iar.mozgowoi2012@yandex.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УКЛОНЕНИЯ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПУТЕМ СИМУЛЯЦИИ БОЛЕЗНИ ИЛИ ИНЫМИ СПОСОБАМИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам взаимодействия следователя военных следственных органов с органами дознания при расследовании уголовных дел об уклонении от исполнения обязанностей военной службы, совершенных путем симуляции болезни или иными способами. Актуальность темы обусловлена тем, что именно дознаватели, назначенные приказом командира воинской части, первыми выявляют подобные преступления. В исследовании автор рассматривает формы взаимодействия, раскрывает их содержание и предлагает свои пути совершенствования некоторых из них.

Ключевые слова: орган дознания, следователь, уклонение, расследование, взаимодействие, поручение

Для цитирования: Мозговой Я. С. Взаимодействие следователя с органами дознания при расследовании уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 67–74.

Original article

Yaroslav S. Mozgovoy

*Military Investigative Department of the
Investigative Committee of the Russian Federation
in the Central Military District, Samara, Russia,
Iar.mozgowoi2012@yandex.ru*

INTERACTION BETWEEN AN INVESTIGATOR AND BODIES OF INQUIRY WHILE INVESTIGATING CASES ON EVASION OF MILITARY DUTIES THROUGH SIMULATION OF A DISEASE OR OTHER MEANS

Abstract. This article is devoted to the issues of interaction between investigators of military investigative bodies and bodies of inquiry when investigating evasion of military duties, committed by simulating an illness or other means. The relevance of the topic is due to the fact that it is the investigators appointed by the order of the commander of the military unit who are the first to identify such crimes. In the study, the author examines the forms of interaction, reveals their content, and suggests ways to improve some of them.

Keywords: body of inquiry, investigator, evasion, investigation, interaction, order

For citation: Mozgovoy Ya. S. Interaction between an investigator and bodies of inquiry while investigating cases on evasion of military duties through simulation of a disease or other means // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 67–74. (In Russ.)

Введение

Вопросам взаимодействия следователя военного следственного органа с органом до-

знания уделяется особое внимание, поскольку в большинстве случаев сообщение о преступлении поступает от должностных лиц

воинских частей, организаций в составе вооруженных сил, должностных лиц военной полиции. Отечественному законодательству известны такие способы уклонения от исполнения обязанностей военной службы, как симуляция болезни, причинение себе какого-либо повреждения (членовредительство), подлог документов, иной обман. Механизм совершения преступления в каждом случае специфичен, но в зависимости от выбранного способа, орудия и средства совершения такие преступления могут длительное время оставаться невыявленными. Это связано с тем, что все перечисленные способы в своей основе содержат обман, зачастую сложно отграничиваемый от правомерных действий или неосторожности. Выявляют подобные преступления в большинстве случаев дознаватели воинских частей, следовательно, взаимодействие обусловлено необходимостью выполнения этими должностными лицами процессуальных и организационных действий. По справедливому утверждению А. Н. Халикова, нормативной сущностью досудебного производства является принятие решения о выявлении преступления и определение виновности лица (пусть предварительной) в его совершении путем собирания, проверки и оценки доказательств [1, с. 218]. Применительно к исследуемому нами составу преступления именно взаимодействие, налаженное должным образом, в конечном итоге призвано обеспечить качественную проверку сообщения и дальнейшее предварительное расследование.

Методы

Работа базируется на положениях материалистической диалектики, позволяющей всесторонне изучить проблемы взаимодействия следователя с органом дознания и установить те формы, при которых результаты выявления преступления, фиксация следов, производство следственных действий на всех этапах расследования. Общенаучные методы (анализ, обобщение) применялись при изучении эмпирического материала. Системно-структурный метод реализован при анализе конкретных форм взаимодействия. В совокупности примене-

ние обозначенных методов дало возможность на основе обобщения эмпирических данных сформировать целостное представление о взаимодействии следователя с органами дознания по уголовным делам об уклонении от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами.

Результаты

В научных источниках авторы преимущественно рассматривают взаимодействие в контексте деятельности субъектов, наделенных полномочиями по производству следственных, процессуальных или розыскных действий, подчиненной единой цели раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [2, с. 13–32; 3, с. 17–18].

Взаимодействие военных следственных органов с другими должностными лицами и правоохранительными органами при расследовании преступлений представляет собой систему взаимосвязей между ними, которые выражаются в проведении требуемых действий, принятии конкретных мер в строго установленное время. Совокупность таких действий и образует содержание взаимодействия, которое проявляется вовне в определенных формах и обуславливается в первую очередь воздействием внешних факторов [4, с. 8–9]. К внешним факторам следует отнести обособленное расположение воинских частей, удаленность военнослужащих от места производства предварительного расследования, особые отношения внутри воинского коллектива, желание отдельных командиров не предавать огласке факты преступления.

При изучении уголовных дел нами отмечено, что в каждом случае имело место взаимодействие со следующими участниками:

- органом дознания в лице командира воинской части или соединения, начальника органа военной полиции, начальника военного учреждения или гарнизона;
- дознавателями военной полиции или офицерами-дознавателями. В соответствии со ст. 3 Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск,

воинских формирований и органов (далее – Инструкция), утвержденной приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 150, командир воинской части приказом назначает дознавателей из числа «наиболее подготовленных и дисциплинированных подчиненных ему офицеров»¹. Для контроля и дальнейшего взаимодействия копия приказа о назначении направляется военному прокурору и руководителю военного следственного органа. Однако к назначенным офицерам-дознавателям отношение неоднозначное, большинство авторов указывают на то, что выполнение уголовно-процессуальных обязанностей с одновременным исполнением обязанностей по должности может породить коллизию между интересами военной службы и уголовного преследования [5, с. 91].

Обращаясь к авторам, избравшим предметом своих научных исследований проблемы взаимодействия на различных этапах расследования, можно отметить, что в основном они выделяют следующие его виды: процессуальное, непроцессуальное (организационное) [6, с. 93; 7, с. 81]. К процессуальным формам относятся:

- направление через военного прокурора руководителю военного следственного органа уголовного дела после производства по нему неотложных следственных действий;

- поручение органу дознания производства отдельных следственных действий;

- получение от органа дознания содействия при осуществлении следственных, процессуальных действий, а также при принятии розыскных мер (процессуально-розыскное сопровождение расследования);

- поручение производства оперативно-розыскных мероприятий.

К непроцессуальным (организационным) формам следует отнести:

- информационный обмен по расследуемому уголовному делу;

- консультативную помощь.

Различие во взаимодействии при расследовании каждого из изученных уголовных дел заключалось лишь в формах реализации. И бесспорным является то, что в современных условиях практически ни одно расследование не строится только лишь на потенциале следователя [8, с. 113]. Это тем более справедливо по отношению к предмету нашего исследования, поскольку взаимодействие следователя военного следственного органа с органом дознания Вооруженных Сил Российской Федерации имело место в каждом расследуемом уголовном деле. Обусловлено это тем, что первичная информация о фактах возможного членовредительства, симуляции болезни, подлога или обмана в целях уклонения от исполнения обязанностей военной службы изначально поступает командованию воинских частей. Дальнейшее направление взаимодействия зависит от того, какое из двух процессуальных решений будет принято:

- 1) передача руководителю военного следственного органа сообщения о преступлении для производства предварительной проверки;

- 2) поручение органом дознания, в соответствии со своими полномочиями, подчиненным ему дознавателям проверки сообщения о преступлении и после производства неотложных следственных действий направление уголовного дела через военного прокурора руководителю военного следственного органа. На практике такая ситуация не является распространенной (7,7 % расследованных уголовных дел). В этом случае взаимодействие со следователем также начинается с этапа проверки сообщения о преступлении. Руководитель следственного органа, уведомленный о возбуждении уголовного дела, назначает следователя, который контактирует с дознавателем, оказывая консультативную помощь. Дальнейшее взаимодействие ведется в форме непрерывного обмена информацией и с дознавателем,

¹ Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов : приказ Генпрокуратуры России от 23 окт. 2014 г. № 150. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и с командиром воинской части. К моменту передачи уголовного дела руководитель военного следственного органа и следователь обладают всей полнотой информации, позволяющей заблаговременно наметить план дальнейшего расследования.

На последующих этапах совместная деятельность включает уведомление о поведении подозреваемого (обвиняемого) при исполнении меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части; обеспечение производства следственных действий (пропуск на территорию воинской части; доставление к месту производства следственного действия; освобождение от выполнения задач военной службы на время производства следственного действия); сбор документов, характеризующих личность военнослужащего [9, с. 159]; выполнение поручений следователя о производстве следственных действий и принятии розыскных мер.

Последняя из названных форм взаимодействия на практике вызывает ряд вопросов. Во-первых, как мы указали выше, возбуждение уголовного дела и производство по нему неотложных следственных действий дознавателями – это редкое явление. Во-вторых, проведение процессуальных действий в качестве дознавателя не является определяющим в профессиональной деятельности офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации [10, с. 95]. Однако это не мешает называть осуществление полномочий органа дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации одним из важных направлений деятельности [11, с. 21].

Начнем с того, что на законодательном уровне сложились не все предпосылки для включения дознавателей в процесс расследования преступлений: поручение о производстве следственных действий, направленное в адрес командира воинской части или начальника органа военной полиции для исполнения, передается назначенному офи-

церу-дознавателю, дознавателю военной полиции, на такую возможность указывает п. «ж» ст. 11 Инструкции. Однако дознавателя Вооруженных Сил Российской Федерации Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не называет в числе лиц, осуществляющих расследование в форме дознания. В полном соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации¹ также подчеркивает исключение функции производства расследования в форме дознания, что позволяет их полномочия назвать «усеченными» по сравнению с другими органами дознания, перечисленными в ст. 40 УПК РФ.

Указанные выше нюансы оказывают влияние на реализацию процессуальных форм взаимодействия и, безусловно, подлежат учету. Проблема видится в том, что органу дознания Вооруженных Сил Российской Федерации отводится вспомогательная роль в реализации полномочий и обязанностей органа дознания [12, с. 124]. Отсюда закономерно и отношение военных дознавателей к производству следственных и процессуальных действий: они не рассматривают деятельность по расследованию преступлений в качестве основной. По этой причине следователь не может поручать производство допросов подозреваемого, свидетелей при прогнозе конфликтной ситуации; сложных осмотров мест происшествия, как это бывает при подозрении на членовредительство, когда внимание концентрируется на негативных обстоятельствах; производство обысков. Дознаватели, в силу специфики возложенных на них полномочий, не обладают навыками и умениями, достаточными для выполнения таких поручений. Полагаем, что даже обладая хорошими теоретическими знаниями, без систематической вовлеченности в процессуальную деятельность, невозможно приобрести навыки производ-

¹ Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 25 марта 2015 г. № 161. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ства следственных действий и применения тактических приемов.

Учитывая, что в названных нормативных правовых актах органы дознания наделяются полномочиями по производству неотложных следственных действий, С. В. Маликов пишет, что на первоначальном этапе расследования при необходимости дознаватель может производить такие следственные действия, как: освидетельствование; опознание; следственный эксперимент; проверка показаний на месте; выемка документов, в том числе содержащих сведения, составляющие государственную тайну, а также предметов; обыск; задержание подозреваемого и др. [13, с. 143]. Если указанные следственные действия дознаватель может проводить в качестве неотложных, то, исходя из позиции автора, они же в случае надобности могут быть поручены следователем по находящемуся у него в производстве уголовному делу.

Мы не вполне разделяем это мнение, некоторые из перечисленных следственных действий сложны в организационном и тактическом плане, например следственный эксперимент, проверка показаний на месте, и поручение их производства дознавателю вряд ли возможно.

В данном случае мы соглашаемся с Л. П. Плесневой, считающей, что следователю не следует давать поручения органу дознания на производство таких следственных действий, которые направлены на оценку доказательств, либо которые являются важными и неповторимыми, либо те, которые требуют от сотрудника органа дознания большого опыта в производстве следственных действий или глубоких знаний материалов уголовного дела [14, с. 54].

Практика расследования уклонения от исполнения обязанностей военной службы показывает, что в своем большинстве дознавателям поручалось производство несложных следственных действий: выемки, допроса свидетелей и осмотра предметов (документов). Относились такие поручения к сравнительно небольшому количеству случаев (21 % изученных уголовных дел). Данный пока-

затель не позволяет говорить о достаточном развитии взаимодействия в форме выполнения поручения о производстве следственных действий. Если учесть удаленность следователя от места расположения воинской части, недостаточную осведомленность относительно внутриколлективной обстановки в ней, то именно поручение дознавателю производства следственных действий позволило бы решить ряд организационных и процессуальных вопросов.

Налаженным в полной мере можно называть взаимодействие, которое нами предлагается обозначить как процессуально-розыскное сопровождение расследования. Полагаем, что в общепринятом понимании оперативного сопровождения при расследовании уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами оно не осуществляется, объясняется это отсутствием полномочий у органа дознания Вооруженных Сил Российской Федерации на производство оперативно-розыскных мероприятий. Авторы называют это обстоятельство в числе основных проблем низкой эффективности взаимодействия военных следственных органов с органами военной полиции [15, с. 51].

Необходимость в сопровождении расследования возникает по следующим причинам:

- большой объем работы в ходе одного следственного действия;
- производство нескольких следственных действий в сжатые сроки;
- нахождение лиц, подлежащих допросу, вне места производства следственных действий;
- удаленное расположение воинской части (полевого лагеря), военных медицинских организаций.

Сопровождение расследования включает следующие действия:

- содействие при поиске личных вещей военнослужащего, подозреваемого в совершении преступления, орудий и средств совершения преступления (дознавателю известно расположение казарменных, склад-

ских и иных функциональных зон, следовательно, поиск в ходе обыска будет носить целенаправленный характер);

– установление лиц, которым что-либо известно о подготовке военнослужащего к совершению преступления;

– изъятие на основании запроса документов из медсанчасти, необходимых для назначения экспертизы (роль дознавателя сводится к получению документов, перечисленных в запросе, и безотлагательной их передаче следователю);

– истребование копий документов воинского учета (задача дознавателя состоит в техническом изготовлении копий и их доставлении к следователю);

– обеспечение явки лиц из числа военнослужащих для участия в следственных действиях;

– доставление свидетелей, подозреваемого к месту производства следственных действий;

– обеспечение присутствия понятых, статистов;

– сбор характеризующего материала на подозреваемого (истребование у командования воинской части служебной характеристики, выписок из приказа, послужного списка и т. д.);

– контроль за поведением подозреваемого (обвиняемого) при избрании меры пресечения, не связанной с заключением под стражу (на орган дознания возложена обязанность по охране и поддержанию должной дисциплины подозреваемого, обвиняемого).

Заключение

Взаимодействие следователей военных следственных органов с органом дознания начинается с момента проверки сообщения о совершении уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами и продолжается на всех этапах расследования в различных формах. Наиболее востребованным и налаженным является взаимодействие в форме процессуально-розыскного сопровождения расследования. В качестве фактора, снижающего результативность взаимодействия, называется отсутствие полномочий у органа дознания Вооруженных Сил Российской Федерации на производство оперативно-розыскных мероприятий. Наше исследование показало, что и к поручению производства следственных действий дознавателям следователи военных следственных органов прибегают крайне редко. В общей массе расследованных уголовных дел такие случаи незначительны, тогда как на практике существует объективная необходимость в таком взаимодействии. В связи с изложенным в целях повышения качества взаимодействия на уровне ведомственных нормативных актов следует определить перечень неотложных следственных действий, которые обязаны производить дознаватели по исследуемому нами составу преступления. К их числу предлагаем отнести освидетельствование, осмотр места происшествия, осмотр предметов (документов), выемку, допрос свидетелей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Халиков А. Н. Сущность и значение досудебного производства в системе уголовно-процессуального права России // Юрист-Правовед. 2024. № 3 (110). С. 215–220.
2. Кривенко А. И. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно розыскную деятельность. М. : Юрлитинформ, 2006. 192 с.
3. Травкин Е. А. Взаимодействие следователей следственного комитета с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.
4. Щедринов К. С. Взаимодействие военных следственных органов с другими правоохранительными органами при расследовании преступлений в районах вооруженного конфликта : моногр. М. : Издатель Воробьев А. В., 2010. 228 с.
5. Минтягов С. А. Совершенствование организационно-штатной структуры военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2024. № 3 (85). С. 96–105.

6. Малахова Л. И. Принципы, содержание и процессуальные аспекты взаимодействия следователя и органов дознания // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 92–99.
7. Бражников Д. А., Бычков В. В. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при раскрытии и расследовании преступлений // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 3 (21). С. 80–85.
8. Полстовалов О. В. Виды и формы организационного и организационно-тактического взаимодействия в ходе осуществления расследования // Право и государство: теория и практика. 2007. № 12 (36). С. 113–121.
9. Кругликова О. В., Шебалин А. В. О деятельности органа дознания при расследовании преступлений против военной службы // Закон и право. 2018. № 12. С. 157–160. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10294>.
10. Савин И. Г. Особенности деятельности органов дознания и дознавателей в воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2016. № 6 (228). С. 94–102.
11. Петров О. В. Краткий анализ современного правового регулирования деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2015. № 4 (214). С. 21–30.
12. Сазонова И. Г. О необходимости реформирования органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 123–127.
13. Маликов С. В. О производстве неотложных следственных действий органом дознания при расследовании преступлений против военной службы // Закон и право. 2019. № 1. С. 142–143. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10030>.
14. Плеснева Л. П. О содержании поручения следователя органу дознания при производстве предварительного следствия // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Иркутск, 2 дек. 2022 г. / отв. ред. Л. П. Плеснева. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. С. 52–56.
15. Тылис И. Л. Отдельные аспекты взаимодействия следователей военных следственных органов с военной полицией // Вестник военного права. 2024. № 4. С. 49–53.

REFERENCES

1. Khalikov A. N. The essence and significance of pre-trial proceedings in the system of Russian criminal procedure law of Russia // Yurist-Pravoved. 2024. No 3 (110). P. 215–220. (In Russ.)
2. Krivenko A. I. Interaction between an investigator and bodies carrying out operational search activities. Moscow : Yurlitinform, 2006. 192 p. (In Russ.)
3. Travkin E. A. Interaction between investigators of the investigative committee and bodies of inquiry in the disclosure and investigation of crimes : abstract of Dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2011. 23 p. (In Russ.)
4. Shchedrinov K. S. Interaction of military investigative agencies with other law enforcement agencies in the investigation of crimes in areas of armed conflict : monograph: A. V. Vorobyov Publisher 2010. 228 p. (In Russ.)
5. Mintyagov S. A. Improving the organizational and staff structure of the military police of the armed forces of the Russian Federation // Military law. 2024. No. 3 (85). P. 96–105. (In Russ.)
6. Malakhova L. I. Principles, content, and procedural aspects of interaction between the investigator and the investigative bodies // Judicial power and criminal procedure. 2012. No. 1. P. 92–99. (In Russ.)
7. Brazhnikov D. A., Bychkov V. V. Interaction between investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation with the bodies carrying out operational search activities in the disclosure and investigation of crimes // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2019. No. 3 (21). P. 80–85. (In Russ.)
8. Polstovalov O. V. Types and forms of organizational and tactical interaction during the process of investigation // Law and state: theory and practice. 2007. No. 12 (36). P. 113–121. (In Russ.)
9. Kruglikova O. V., Shebalin A. V. Regarding the activities of the body of inquiry in the investigation of crimes against military service // Law and legislation. 2018. No. 12. P. 157–160. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10294>. (In Russ.)

10. Savin I. G. Features of the activities of bodies of inquiry and investigators in Military Units of the Armed Forces of the Russian Federation // Law in the Armed Forces – Military legal review. 2016. No. 6 (228). P. 94–101. (In Russ.)
11. Petrov O. V. A brief analysis of the current legal regulation of the activities of the inquiry bodies of the Armed Forces of the Russian Federation // Law in the Armed Forces – Military legal review. 2015. No. 4 (214). P. 21–30. (In Russ.)
12. On the necessity of reorganization of inquiry bodies in the armed forces of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2016. No. 7 (139). P. 123–127. (In Russ.)
13. Malikov S. V. On the issue of urgent investigative actions of the body of inquiry in the investigation of crimes against military service // Law and legislation. 2019. No. 1. P. 142–143. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10030>. (In Russ.)
14. Plesneva L. P. On the content of the investigator's instruction to the investigation body during the preliminary investigation // Topical problems of criminal procedure: proceedings of the all-Russian scientific and practical conference with an international participation, Irkutsk, December 2, 2022 / ed. by L. P. Plesneva. Irkutsk : Irkutsk Law Institute of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2023. P. 52–56. (In Russ.)
15. Tylis I. L. Some aspects of military investigative bodies and military police interaction // Bulletin of military law. 2024. No. 4. P. 49–53. (In Russ.)

Информация об авторе:

Мозговой Я. С. – соискатель.

Information about the author:

Mozgovoy Ya. S. – applicant for a degree.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 12.11.2025; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 343.1

Тимур Ришатович Мухаметшин
Казанский юридический институт МВД Рос-
сии, Казань, Россия, tamerlan_9@mail.ru

ДЕПОНИРОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства ряда стран ближнего зарубежья автором исследуется проблематика внедрения в российское уголовное судопроизводство института депонирования показаний. Обозначается, что благодаря данной процедуре утрачивает смысл физическое устранение лиц, дающих показания с их последующим депонированием, что позволяет позитивно оценить перспективу использования потенциала этого института в качестве меры обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Автор с учетом необходимости введения процедуры депонирования показаний изучает аспекты обеспечения прав уголовно преследуемых лиц в части возможности допроса показывающих против них свидетелей и потерпевших, приводит правовые позиции Европейского Суда по правам человека в качестве ориентира в оценке баланса охраняемых ценностей: жизни дающих показания лиц и реализации права обвиняемого на справедливый суд.

Ключевые слова: депонирование показаний, обеспечение безопасности участников уголовного процесса, свидетель, потерпевший, право на справедливый суд

Для цитирования: Мухаметшин Т. Р. Депонирование показаний как средство обеспечения безопасности участников досудебного производства по уголовным делам // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 75–83.

Original article

Timur R. Mukhametshin
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Kazan, Russia, tamerlan_9@
mail.ru

DEPOSITION OF TESTIMONY AS A MEANS OF ENSURING THE SAFETY OF PARTICIPANTS IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. Based on the analysis of the criminal procedure legislation of a number of neighboring countries, the author examines the problems of introducing the institution of deposition of testimony into the Russian criminal proceedings. It is indicated that due to this procedure, the physical elimination of persons testifying with their subsequent deposition becomes meaningless, which makes it possible to positively assess the prospect of using the potential of this institution as a measure to ensure the safety of participants in the criminal process. Taking into account the need to introduce a deposition procedure, the author studies aspects of ensuring the rights of criminally prosecuted persons in terms of the possibility of questioning witnesses and victims who testify against them, and cites the legal positions of the European Court of Human Rights as a guideline in assessing the balance of protected values: the lives of those testifying and the realization of the accused's right to a fair trial.

Keywords: deposition of testimony, ensuring the safety of participants in criminal proceedings, witness, victim, right to a fair trial

For citation: Mukhametshin T. R. Deposition of testimony as a means of ensuring the safety of participants in pre-trial criminal proceedings // Society, law, statehood: retrospective and prospect. 2026. No. 1 (25). P. 75–83. (In Russ.)

© Мухаметшин Т. Р., 2026

Введение

После принятия в ряде стран на постсоветском пространстве обновленных национальных уголовно-процессуальных кодексов, зафиксировавших построение досудебного производства по состязательному формату с участием следственного судьи в доказательственных процедурах, научный интерес к этим новациям вызвал бурную дискуссию в юридической печати. Российские и зарубежные авторы анализировали эту уголовно-процессуальную данность – состязательную модель досудебного производства, обращая внимание на обеспечивающие ее правовые институты, ранее не известные соответствующим национальным уголовно-процессуальным культурам.

Весьма притягательным в этом контексте было явление депонирования показаний участников уголовного процесса. Так, обращение с поисковым запросом о депонировании показаний в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU дает информацию о наличии на этой платформе более 100 статей, посвященных данной проблематике, начиная с 2014 г., что объясняется возросшим интересом к указанному институту благодаря принятию Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан¹ (далее – УПК РК), а потом возобновлением ее актуализации на фоне вступления в силу с 1 января 2019 г. Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики² (далее – УПК Кыргызской Республики). При этом справедливости ради подчеркнем, что о депонировании показа-

ний имелись соответствующие нормы и в Уголовно-процессуальном кодексе Эстонии³ (принят 1 июля 2004 г., воспринявшем институт депонирования 1 сентября 2011 г.), и в Уголовно-процессуальном кодексе Украины 2012 г.⁴, и в Уголовно-процессуальном кодексе Молдовы⁵ (далее – УПК Молдовы), и в Уголовно-процессуальном кодексе Грузии⁶ (далее – УПК Грузии), однако в большей степени внимание научного сообщества было сосредоточено на соответствующих институтах уголовно-процессуального права Республики Казахстан [1; 2; 3] и Кыргызской Республики [4; 5; 6; 7].

В любом случае и законодателями, и правоприменителями, и учеными депонирование воспринималось, прежде всего, как один из атрибутов состязательной модели досудебного производства, позволявших представить независимому арбитру (следственному судье) показания для их закрепления с целью сохранения их информационной составляющей и юридической силы для последующих адресатов доказывания [1, с. 135; 5, с. 45; 6, с. 175]. Безусловно, такое прочтение предназначения депонирования показаний отвечает современному тренду демократически выстроенных процессуальных моделей, в основе которых лежит принцип состязательности, реально «работающий» не только в судебном производстве, но и на предшествующих ему досудебных стадиях.

Методы

При подготовке материала статьи автор использовал, наряду с традиционными

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=780;-46#pos=780;-46 (дата обращения: 22.12.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февр. 2017 г. № 20 (утратил силу) // ИС Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36313326 (дата обращения: 22.12.2025).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии : принят 12 февр. 2003 г. RT I 2003, 27, 166. Вступил в силу 1 июля 2004 г. // ВОИС. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16682> (дата обращения: 22.12.2025).

⁴ Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апр. 2012 г. № 4651-VI // ИС Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения: 22.12.2025).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV // ИС Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=2268;-56&sdoc_params=text%3D%25D0%25B4%25D0%25B5%25D0%25BF%25D0%25BE%25D0%25BD%25D0%25B8%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25B0%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25B5%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30397729%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (дата обращения: 22.12.2025).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 окт. 2009 г. № 1772-Ис. URL: <http://jurytrial.ru/media/files/library/file895.pdf> (дата обращения: 22.12.2025).

гносеологическими методами познания, сравнительно-правовой, исторический, формально-юридический методы.

Обсуждение

В процедуре депонирования показаний нам видится серьезный потенциал в системе мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Именно в этом «инструментальном» ключе (как средстве обеспечения безопасности¹) хотелось бы видеть внедрение депонирования показаний в современном российском уголовном судопроизводстве.

Дело в том, что несмотря на объявление Конституционным Судом Российской Федерации всеобъемлющего распространения принципа состязательности сторон на все уголовное судопроизводство², досудебные стадии в российском уголовном процессе включают в себя состязательные процедуры исключительно в ограниченном объеме (в части проведения судебно-контрольных заседаний). Поэтому полностью заимствовать депонирование показаний как инструмент, как гарантию обеспечения состязания сторон на досудебных стадиях отечественный уголовный процесс не может – это потребует смены всей парадигмы уголовного процесса, его коренной трансформации и, само собой, отнесения его к иному историческому типу согласно общепринятой типологии. Думается, к подобным революционным преобразованиям отечественного уголовного судопроизводства правоприменители не готовы [9, с. 8–9]. Да и такое переформатирование досудебного производства не соответствует российским традициям. В связи с изложенным процедуру депониро-

вания показаний следует встроить не в механизм состязательной модели досудебного производства, а в механизм обеспечения безопасности участников процесса, для целей которого данная процедура видится нам весьма ценнымобретением.

Почему мы считаем важным рецепировать депонирование в отечественный уголовный процесс в этом качестве? Если обратиться к этимологии слова «депонирование», то можно обнаружить, что словари в основном его толкуют как «передачу на хранение»³, что подразумевает консервацию свойств объекта, защиту их от изменений [11, с. 117]. С точки зрения информации это весьма ценный процесс, который позволяет обеспечить последующую передачу информационного сигнала в неизменном виде. С точки зрения доказывания подобная процедура обладает рядом важных преимуществ:

1) позволяет сохранить информационную составляющую доказательства для последующего адресата доказывания без искажения информационного сигнала;

2) гарантирует допустимость сохраненной информации благодаря удостоверению ее качеств представителем судебсого корпуса – независимого, не заинтересованного в деле должностного лица (в таком качестве выступает *следственный судья*, как это предусмотрено ч. 3 ст. 32 УПК Кыргызской Республики⁴, ч. 2 ст. 75 УПК РК, или *судья по уголовному преследованию* согласно ст. 41 УПК Молдовы, или *судья-магистрат* в соответствии со ст. 114 УПК Грузии);

3) делает бессмысленным физическое устранение, а также запугивание лиц, чьи показания депонируются.

¹ Вопросы обеспечения безопасности участников досудебного производства длительное время находятся в фокусе внимания автора настоящей статьи [8].

² См.: По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровской, А. Я. Карпинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 февр. 2000 г. № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 8, ст. 991.

³ Толковый словарь С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6362> ; Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://gufo.me/amp/dict/efremova/> (дата обращения: 22.12.2025).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 окт. 2021 г. № 129 (с изм. и доп. по сост. на 01.01.2026) // ИС Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004#pos=924;-30 (дата обращения: 22.12.2025).

Именно последнее обстоятельство в наибольшей степени является аргументом в пользу необходимости нашему законодателю присмотреться к данной процедуре с точки зрения ее места в деле обеспечения безопасности участников уголовно-процессуальных отношений.

Вспомним недалекое прошлое, когда вступил в силу действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ), закрепивший неоднозначное регулирование вопросов, связанных с оглашением в суде показаний не явившихся на заседание потерпевших и свидетелей в первоначальной редакции ст. 281. Эта противоречивая регламентация вызвала прямо противоположные взгляды на возможность оглашения таких показаний. Например, в 2002 г. Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации 10 октября 2002 г. вынесла известное определение № 16-о02-81 по делу И. В. Кобыльникова, в котором поясняла, что суд первой инстанции действовал правомерно, в соответствии с принципом состязательности, огласив показания потерпевшего и свидетелей по инициативе *одной из сторон*, что «другое толкование закона приведет к невозможности (при отсутствии согласия сторон) оглашения тех показаний потерпевшего и свидетелей, которые могут как уличать, так и оправдывать обвиняемого, и не будет способствовать назначению уголовного судопроизводства»². По справедливому замечанию В. Горобца, такая трактовка нормы «лишает суд четких

ориентиров» [10]. Сейчас подобная интерпретация ст. 281 УПК РФ невозможна в силу сложившейся практики, которой известны случаи «блокирования» оглашения показаний, на что обращают внимание представители адвокатского сообщества³. «С точки зрения ежедневного правоприменения в судебной практике указанная проблематика обладает непреходящей актуальностью, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что после введения в действие УПК РФ конституционность отдельных положений ст. 281 УПК РФ была предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ неоднократно» [12, с. 51]⁴.

При этом первоначальная редакция ст. 281 УПК РФ⁵ фактически создавала условия для запрета оглашения показаний не явившихся в суд свидетелей и потерпевших, если сторона защиты возражала (вне зависимости от уважительности причин их неявки – даже в случае их смерти, которая, кстати, могла запросто возникнуть не по естественным причинам при наличии подобного нормативного регулирования), что приводило иногда к физическому устранению этих участников процесса как самому «эффективному» способу блокировки оглашения их показаний в суде. Косвенным подтверждением опасности существовавшего нормативного регулирования даже после введения в 2003 г. в текст ст. 281 УПК РФ положений, расширяющих перечень уважительных причин для оглашения не явившихся в суд свидетелей и потерпевших, служит

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 17.12.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921 ; О внесении изменения в статью 401-4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 15 дек. 2025 г. № 472-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512150037?index=2> (дата обращения: 15.12.2025).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 окт. 2002 г. № 16-о02-81. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Парламентарии глубоко погрузились в проблему // ФПА РФ. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/parlamentarii-gluboko-pogruzilis-v-problemu/> (дата обращения: 15.12.2025).

⁴ По крайней мере, на период принятия новой редакции ст. 281 УПК РФ было более 13 определений Конституционного Суда Российской Федерации, затрагивающих данную проблематику.

⁵ Такая редакция действовала целый год, вплоть до введения в действие расширенного перечня уважительных обстоятельств для оглашения показаний судом по своей инициативе – до июля 2003 г. (см.: О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 27 (ч. 1), ст. 2706).

содержание пояснительной записки к законопроекту № 73514-6, внесенному в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации М. В. Емельяновым и Д. Н. Гасановым, в которой отмечалось, что ч. 2 указанной статьи не предусматривает в числе таковых «случаи исчезновения без вести потерпевшего или свидетеля», а «это может способствовать попыткам заинтересованных лиц устранить нежелательного свидетеля или потерпевшего путем имитации их исчезновения, нередко даже убийства и впоследствии в судебном заседании воспрепятствовать оглашению их показаний»¹. При этом обнажилась и другая очевидная проблема: «необходимость получения показаний лица с соблюдением права сторон на конфронтацию (допрос лица противоположной стороной)», на что справедливо указывают А. Ю. Терехов и В. С. Латыпов [11, с. 117]. Именно по этой причине были введены очередные изменения в ст. 281 УПК РФ², согласовавшие положения указанной процедуры с требованиями п. d ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции по правам человека³ (далее – ЕКПЧ).

Наличие в арсенале стороны защиты права допрашивать лиц, показывающих против подсудимого, «или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него»⁴ –

эти конвенционные положения несколько затрудняют введение процедуры депонирования показаний, особенно на ранних этапах расследования, когда в поле зрения лиц, осуществляющих должностное уголовное преследование⁵, только попало конкретное заподозренное лицо, еще не поставленное в статус подозреваемого со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. Кроме того, даже при наличии в уголовном деле «процессуально оформленного» подозреваемого, обвиняемого возникает как бы конкуренция интересов, для защиты которых были закреплены положения ст. 6 и ст. 8 ЕКПЧ. Думается, что ориентиром в решении указанного непростого вопроса в части конкуренции установлений ст. 6 и ст. 8 ЕКПЧ может выступать правоприменительная практика самого Европейского Суда по правам человека⁶ (далее – ЕСПЧ). Так, «статья 6 специально не требует принимать в расчет интересы свидетелей. Однако, когда на карту ставится жизнь, свобода или безопасность человека, тогда, по общему правилу, вопрос попадает в сферу действия статьи 8 Конвенции. Подобные интересы свидетелей и жертв защищаются в принципе другими статьями Конвенции, согласно которым Договаривающиеся государства должны организовать свое судопроизводство по уголовным делам таким образом, чтобы эти интересы не оказывались под угрозой. В таких обстоятельствах принципы справедливого

¹ Пояснительная записка к законопроекту «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Паспорт законопроекта № 73514-6. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=73514-6&02> (дата обращения: 22.12.2025).

² См.: О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 10, ст. 1314.

³ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163. Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 г. (Федеральный закон от 28 февр. 2023 г. № 43-ФЗ).

⁴ Там же.

⁵ Более подробно о должностном уголовном преследовании см.: [13].

⁶ «Постановления Европейского Суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в Российской Федерации» (О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 24, ст. 3940), что не исключает использования для обоснования решений правовых позиций ЕСПЧ, выраженных до 15 марта 2022 г.

судебного разбирательства требуют также, чтобы в соответствующих случаях интересы защиты соизмерялись с интересами тех свидетелей или жертв, которых вызвали в суд для дачи показаний»¹.

Приведенная правовая позиция ЕСПЧ показывает, как можно выстраивать модель нормативного регулирования депонирования показаний в российском уголовном процессе с учетом обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших: защита их жизни и здоровья выступает большей ценностью в сравнении с предоставлением права обвиняемому допрашивать показывающих против него лиц. А это означает, что в первую очередь необходимо обеспечить безопасность свидетелей и потерпевших путем применения мер государственной защиты и уголовно-процессуальных мер безопасности, затем задепонировать их показания в одном из двух форматов: 1) с реализацией права обвиняемого, вытекающего из ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ; 2) без предоставления обвиняемому такого права в интересах безопасности охраняемого свидетеля (потерпевшего) либо ввиду отсутствия в деле лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Рассмотрим кратко обе ситуации. Если на момент готовности защищаемого свидетеля или потерпевшего давать показания по уголовному делу в процессуальных действиях уже участвует подозреваемый или обвиняемый, то реализация им права допрашивать показывающих против него лиц возможна посредством видео-конференц-связи (далее – ВКС). При этом нужно учитывать, какие меры безопасности применены к защищаемым лицам. Если фигура потерпевшего не составляет секрета для подозреваемого (обвиняемого), то использование ВКС в целях безопасности не создает особых трудностей для реализации права

уголовно преследуемого лица. Однако, если о личности свидетеля подозреваемый или обвиняемый не располагает сведениями, то последовательное применение системы мер безопасности (процессуальных и непроцессуальных) делает несколько затруднительным предоставление им права допрашивать свидетеля. При засекречивании данных о личности допрашиваемого логично осуществлять допрос на сеансе ВКС с изменением внешности и голоса допрашиваемого, исключаяющего его узнавание.

Вторая ситуация – с отказом в предоставлении права лично допрашивать свидетеля и потерпевшего (и даже с отказом сообщить ему о наличии свидетеля или потерпевшего) – может возникнуть в случае, когда по соображениям безопасности уголовно преследуемое лицо не должно знать о выжившем потерпевшем или об имеющемся свидетеле. Особую важность сохранение такой тайны приобретает при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами, отличающимися сплоченностью, информированностью, наличием обширных криминальных связей. И именно для таких случаев вполне подходит обозначенный ЕСПЧ в деле «Доорсон против Нидерландов» баланс охраняемых ценностей. В этой ситуации депонирование показаний будет являться гарантией сохранения жизни защищаемых лиц.

Что касается случаев, когда в деле отсутствует лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, то для обеспечения прав потенциального уголовно преследуемого лица можно применить порядок, установленный примечанием к ст. 190.1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Абхазия² по обеспечению участия в допросе назначенного органами предварительного расследования защитника³, обеспечивая при

¹ Решение по делу: Доорсон против Нидерландов от 26 марта 1996 г. (Reports, 1996-II). С. 470, п. 70 // Европейский Суд по правам человека. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57972> (дата обращения: 23.12.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Абхазия от 30 дек. 2007 г. № 1947-с-IV : принят Народным Собранием – Парламентом Республики Абхазия 25 дек. 2007 г. (ред. от 04.08.2023) // Администрация Президента Республики Абхазия. URL: <http://presidentofabkhazia.org/doc/codecs/> (дата обращения: 23.12.2025).

³ Статья 190.1. Депонирование показаний (введена Законом Республики Абхазия от 15.06.2015 № 3792-с-V).

этом должный уровень безопасности допрашиваемого лица.

Заключение

Естественно, для легитимности процедуры депонирования необходимо ее осуществление судьей¹, что потребует дополнения полномочий судьи, предусмотренных ст. 29 УПК РФ, новой частью 3.1 следующего содержания: «3.1. Суд в ходе досудебного производства на основании ходатайства следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в случаях и порядке, которые предусмотрены статьей 189.2 настоящего Кодекса, осуществляет депонирование показаний потерпевших, свидетелей и лиц, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве»².

Соответственно, УПК РФ нуждается в дополнении отдельной статьей «189.2. Особенности допроса с депонированием пока-

заний», содержание которой должно предусматривать процедуры депонирования с учетом интересов присутствующего в уголовном деле обвиняемого или подозреваемого – в формате, обозначенном нами при анализе двух ситуаций выше. Разработка проектной нормы об этих процедурах требует больше объема материала и не позволяет в рамках настоящей статьи обосновать отдельные ее компоненты.

Безусловно, положения главы 37 УПК РФ, регулирующие порядок судебного следствия в суде первой инстанции, также нуждаются в дополнении отдельной статьей 281.1 «Оглашение депонированных показаний».

Думается, что обозначенный в данной публикации подход позволит поднять дискуссию о депонировании показаний на новый уровень – с учетом места этой процедуры в системе мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Молбасин С. И. Депонирование показаний в системе средств доказывания по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 132–138. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.IBCD>.
2. Темирбекова А. А. Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе // Международный журнал экспериментального образования. 2019. № 6. С. 72–76. <https://doi.org/10.17513/mjeo.11927>.
3. Жармагамбетова Д. А. К вопросу о процессуальном порядке депонирования показаний потерпевшего и свидетеля // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2020. № 13. С. 273–280.
4. Депонирование показаний как одна из новелл уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики / Е. Т. Атамкулова, М. П. Оролбаев, У. А. Есенов, Ш. А. Эсенкулов // Theoretical & Applied Science. 2018. № 2 (58). С. 114–117. <https://doi.org/10.15863/TAS.2018.02.58.24>.
5. Лапатников М. В. Отдельные вопросы введения института депонирования показаний в уголовно-процессуальное право Кыргызской Республики // Юрист-Правовед. 2018. № 2 (85). С. 45–49.
6. Шестакова С. Д., Иманалиева У. Э. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Кыргызской Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 176–182. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-1-176-182>.

¹ И тут мы не согласны с мнением А. А. Попова, который пишет: «...является наличие в уголовном судопроизводстве фигуры следственного судьи непременным условием для включения в досудебное производство института депонирования показаний? В принципе, думается, что нет» [14, с. 197].

² Обеспечение безопасности указанного лица видится нам не менее важной задачей, чем защита интересов потерпевшего и свидетеля – с учетом значимости его показаний в деле борьбы с организованной преступностью. Не случайно В. С. Латыпов относит этого участника к группе лиц, выполняющих функцию содействия правосудию [15, с. 15, 47–48], которого он предлагает именовать «особым свидетелем» [15, с. 286].

7. Алымкулова Э. С. Депонирование показаний потерпевшего в уголовном процессе Кыргызской Республики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 8-1 (95). С. 127–130. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-8-1-127-130>.
8. Мухаметшин Т. Р. Правовое регулирование применения мер безопасности личности на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2022. 215 с.
9. Зайцева Е. А. Уголовный процесс России: «есть у революции начало, нет у революции конца»? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 4–9.
10. Горобец В. Законность, обоснованность и справедливость приговора в условиях состязательности процесса // Российская юстиция. 2003. № 8.
11. Терехов А. Ю., Латыпов В. С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1 (43). С. 115–121. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.20.58.018>.
12. Зайцева Е. А. Дополнения ст. 281 УПК: очередная попытка достичь разумного баланса в состязательном уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 5 (979). С. 51–54.
13. Бондарь М. М. Должностное уголовное преследование на современном этапе развития досудебного уголовного производства России : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2025. 286 с.
14. Попов А. А. Проблемы регламентации досудебного депонирования показаний в уголовном процессе (компаративистский подход) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 196–200.
15. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы : дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2023. 507 с.

REFERENCES

1. Molbasin S. I. Depositing testimonies in proving procedure according to the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan // Journal of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. No. 2 (49). P. 132–138. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.IBCD>. (In Russ.)
2. Temirbekova A. A. Judicial deposit of indications in the modern criminal process // International journal of experimental education. 2019. No. 6. P. 72–76. <https://doi.org/10.17513/mjeo.11927>. (In Russ.)
3. Zharmagambetova D. A. On the issue of the procedure for depositing the testimony of the victim and the witness // Problems of strengthening the rule of law and order: science, practice, trends. 2020. No. 13. P. 273–280. (In Russ.)
4. Depositing evidence as one of the novels of the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic / E. T. Atamkulova, M. P. Orolbaev, U. A. Esenov, Sh. A. Esenkulov // Theoretical & Applied Science. 2018. No. 2 (58). P. 114–117. <https://doi.org/10.15863/TAS.2018.02.58.24>. (In Russ.)
5. Lapatnikov M. V. The separate questions of introduction of the institute of the deposition of evidence to the procedural criminal law of the Kyrgyz Republic // Yurist-Pravoved. 2018. No. 2 (85). P. 45–49. (In Russ.)
6. Shestakova S. D., Imanalieva U. E. Deposition of victim and witness testimony as a new institution in the criminal procedure of the Kyrgyz Republic // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (93). P. 176–182. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-1-176-182>. (In Russ.)
7. Alymkulova E. S. Deposition of the victim's testimony in criminal proceedings of the Kyrgyz Republic // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. Vol. 8-1 (95). P. 127–130. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-8-1-127-130>. (In Russ.)
8. Mukhametshin T. R. Legal regulation of the application of personal security measures at the stage of initiation of a criminal case : dis. ... Cand. of Law. Ulyanovsk, 2022. 215 p. (In Russ.)
9. Zaytseva E. A. The Russian criminal procedure: 'The revolution has a beginning, the revolution does not have an end'? // Criminal Judicial Proceeding. 2018. No. 1. P. 4–9. (In Russ.)
10. Gorobets V. Legality, validity and fairness of a verdict in an adversarial process // Russian justice. 2003. No. 8. (In Russ.)
11. Terekhov A. Y., Latypov V. S. The need to deposit witness and victims evidence in complex criminal cases // Bulletin of Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, no 1. P. 115–121. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.20.58.018>. (In Russ.)

12. Zaitseva E. A. The Amendments to article 281 of the Code of Criminal Procedure of Russia: another attempt to reach a reasonable equilibrium in adversary criminal proceedings // *Zakonnost*. 2016. No. 5 (979). P. 51–54. (In Russ.)
13. Bondar M. M. Official criminal prosecution at the current stage of development of pre-trial criminal proceedings in Russia : dis. ... Cand. of Law. Volgograd, 2025. 286 p. (In Russ.)
14. Popov A. A. The problems of regulation of depositing testimony in criminal proceedings (comparative approach) // *Gaps in the Russian legislation*. 2014. No. 6. P. 196–200. (In Russ.)
15. Latypov V. S. Assistance to the administration of justice in criminal procedure in Russia: conceptual and regulatory foundations : dis. ... Doctor of Law. Ufa, 2023. 507 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Мухаметшин Т. Р. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Mukhametshin T. R. – Candidate of Science.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 27.12.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 27.12.2025; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 657(470)

Татьяна Ивановна Музалёва¹, Светлана Николаевна Белова²

^{1, 2} Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹ *tmuzaleva@mail.ru*, ORCID: 0000-0002-5044-1109

² *cweta@inbox.ru*, ORCID: 0000-0002-3306-9405

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ ОТЧЕТНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей составления и представления бюджетной отчетности органами внутренних дел Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности использования бюджетных средств в правоохранительной сфере и совершенствования системы государственного финансового контроля.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации специфических особенностей бюджетной отчетности органов внутренних дел (далее – ОВД), а также в разработке предложений по совершенствованию ее составления и представления.

Выявлены ключевые особенности бюджетной отчетности ОВД: необходимость соблюдения требований режима секретности при обеспечении прозрачности бюджетного процесса; наличие значительной доли специфических расходов, характерных для правоохранительной деятельности; многоуровневая структура системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, усложняющая процессы консолидации отчетных данных; имеющаяся степень вариативности некоторых расходов, связанная с отсутствием возможности их прогнозирования, а также с учетом возможного внепланового выполнения оперативно-служебных задач.

Основными проблемами определены: ограничения в раскрытии информации, в том числе персонализированной, сложность учета специфических расходов, недостаточное взаимодействие между подразделениями. Предложены конкретные пути решения выявленных проблем, включающие совершенствование нормативно-методического обеспечения, внедрение современных информационных технологий и развитие системы внутреннего финансового контроля.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов для совершенствования ведомственного нормативного регулирования, организации финансового планирования инвестиций в информационных системах и повышения эффективности контрольных процедур.

Ключевые слова: бюджетная отчетность, государственный финансовый контроль, бюджетное планирование, правоохранительные органы, МВД России, бюджетные средства, финансовое управление

Для цитирования: Музалёва Т. И., Белова С. Н. Особенности составления и представления бюджетной отчетности органами внутренних дел Российской Федерации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 84–98.

Original article

Tatyana I. Muzaleva¹, Svetlana N. Belova²

^{1, 2} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ *tmuzaleva@mail.ru*, ORCID: 0000-0002-5044-1109

² *cweta@inbox.ru*, ORCID: 0000-0002-3306-9405

FEATURES OF BUDGET REPORTING BY INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article examines the specifics of budget reporting by internal affairs agencies of the Russian Federation. The relevance of this study stems from the need to improve the efficiency of budgetary funds used in law enforcement and to streamline the state financial control system.

The objective of this study is to identify and systematize the specific features of budget reporting by internal affairs agencies and to develop proposals for improving its preparation and presentation.

The key features of budget reporting by internal affairs agencies are identified: the need to comply with secrecy requirements while ensuring transparency of the budget process; the presence of a significant share of specific expenses characteristic of law enforcement activities; the multi-level structure of the Russian Ministry of Internal Affairs system, which complicates the consolidation of reporting data; the existing degree of variability in some expenses due to the lack of forecasting capabilities, as well as the potential for unscheduled operational and service tasks.

The main problems identified existing limitations in the disclosure of information, including personalized information; the difficulty accounting for specific expenses; and insufficient interaction between departments. Specific solutions to the identified problems were proposed, including improving regulatory and methodological support, implementing modern information technologies, and developing an internal financial control system.

The practical significance lies in the potential use of the results to improve departmental regulatory frameworks, organize financial investment planning in information systems, and enhance the effectiveness of control procedures.

Keywords: budget reporting, state financial control, budget planning, law enforcement agencies, Ministry of Internal Affairs of the Russia, budget funds, financial management

For citation: Muzaleva T. I., Belova S. N. Features of budget reporting by internal affairs bodies of the Russian Federation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 84–98. (In Russ.)

Введение

Современная система государственного финансового управления в Российской Федерации характеризуется повышенными требованиями к прозрачности и эффективности использования бюджетных средств. Органы внутренних дел (далее – ОВД), являясь неотъемлемой частью системы обеспечения национальной безопасности, выступают крупными получателями бюджетных ассигнований федерального уровня. Расходы на содержание Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) на период 2023–2025 гг. ежегодно составляют порядка 1 300 млрд рублей¹, что подчеркивает значимость применения эффективного управления финансовыми ресурсами в данной сфере.

Специфика деятельности ОВД обуславливает особые требования к организации

бюджетного процесса и, соответственно, к его этапам, включая составление и представление бюджетной отчетности. В отличие от иных организаций государственного сектора (неправоохранительной направленности), МВД России и его территориальные подразделения должны соблюдать установленные требования режима секретности при одновременном соблюдении принципов бюджетного процесса, установленных бюджетным законодательством Российской Федерации, по обеспечению полноты отражения, эффективности использования бюджетных средств, прозрачности и открытости для общества, достоверности финансовой информации, необходимой в том числе для органов государственного финансового контроля.

Проблематика исследования обусловлена противоречием, связанным с необходи-

¹ О распределении бюджетных ассигнований на 2023–2025 годы // МВД России. URL: <https://www.mvd.rf> (дата обращения: 01.12.2025).

мостью обеспечения прозрачности использования бюджетных средств и спецификой деятельности ОВД, предполагающей ограничения в раскрытии определенных видов информации. Данное противоречие порождает комплекс методических и организационных вопросов, требующих научного осмысления и практического решения.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации особенностей составления и представления бюджетной отчетности органами внутренних дел Российской Федерации, а также в выработке предложений по совершенствованию данного процесса.

Методы

Выбор методов исследования обусловлен спецификой объекта изучения и необходимостью получения достоверных данных в условиях ограниченного доступа к информации, связанной с деятельностью правоохранительных органов. Методологическую основу составляет системный подход с применением методов сравнительного анализа и изучения практики составления отчетности.

Так, сравнительный анализ требований к отчетности различных государственных органов применялся для выявления общих и специфических черт (отличительных особенностей) бюджетной отчетности ОВД. Сопоставление проводилось с отчетностью Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, а также гражданских организаций федерального уровня. Данный подход позволил определить уникальные особенности отчетности ОВД и обосновать необходимость специальных подходов к ее организации.

Изучение практики составления отчетности осуществлялось на примере территориальных подразделений МВД России с учетом результатов проведенного анкетирования сотрудников (работников) финансовых подразделений. Выбор объектов исследования основывался на принципе репрезентативности исходя из различий в структуре расходов, численности личного состава и специфике решаемых задач. Ана-

лиз включал изучение внутренних регламентов, должностных инструкций сотрудников финансово-экономических служб, а также фактических данных бюджетной отчетности за период 2020–2023 гг.

Ограничения исследования связаны с наличием требований по соблюдению режима секретности, распространяющихся на отдельные аспекты деятельности ОВД, что потребовало использования в работе только открытых источников информации и данных, не содержащих сведений ограниченного доступа.

Результаты

Практика применения общих требований к специфике деятельности ОВД показывает необходимость адаптации унифицированных форм отчетности к особенностям функционирования правоохранительных органов. Основные направления такой адаптации включают:

1) модификацию кодов бюджетной классификации (КБК) для отражения специфических видов расходов ОВД, включающую дополнительную детализацию кодов классификации операций сектора государственного управления (далее – КОСГУ) для учета расходов на специальную технику, вооружение, средства связи и другое специальное имущество, используемые в МВД России;

2) установление особого порядка отражения в отчетности расходов, связанных с обеспечением требований режима секретности. Такие расходы отражаются в агрегированном виде без детализации по конкретным направлениям использования средств, что обеспечивает соблюдение требований законодательства о государственной тайне при сохранении общего контроля за целевым использованием бюджетных ассигнований;

3) разработку специальных процедур внутреннего финансового контроля качества бюджетной отчетной информации. Учитывая многоуровневую структуру системы МВД России, включающую центральный аппарат, территориальные органы на региональном и местном уровнях, а также образовательные, научные и иные органы, организации, подразделения, особое значение приобретает обеспечение единообразия

применения учетной политики и методов составления бюджетной отчетности.

При этом результаты анкетирования (опрошено порядка 70 специалистов финансовых подразделений), проведенного в 2024–2025 гг. в рамках обучения по дополнительной программе профессионального образования руководителей (заместителей руководителей) управлений (отделов) центров финансового обеспечения, финансово-экономических отделов территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях по теме «Организация финансово-экономической деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации», показали следующие основные проблемные аспекты:

- наличие нетиповых форм бюджетной отчетности, априори необходимых руководителям для оперативного анализа и принятия управленческих решений, на заполнение которых тратится значительное время (методики по их составлению отсутствуют). При этом такая отчетность (например, таблица № 28 включает подробную расшифровку сведений об остатках счета 105 «Материальные запасы», включая обороты по нему; таблица № 79 содержит сведения о дебиторской задолженности по доходам, в том числе по объемам списанной безнадежной к взысканию задолженности и др.) должна содержать достоверные данные, быть сопоставимой с предоставляемой бюджетной отчетностью для всех организаций государственного сектора, а также иметь возможность проверки и (или) подтверждения достоверности данных (верификации);

- недостаточный уровень развития и внедрения в правоохранительной сфере единых программных продуктов, позволяющих минимизировать риски искажения бюджетной отчетности при ее составлении и представлении (перенос данных из программы бухгалтерского учета в программу сдачи отчетности вручную с потерей времени и риском допущения ошибок при вводе данных. Например, в 2025 г. при формировании отчетности в ведомственной программе «Свод ПБС» данные заносятся преимущественно вручную.

С 1 января 2026 г. планируется возобновление опыта внедрения формирования бюджетной отчетности с использованием программного обеспечения «1С: Предприятие 8.3», который был приостановлен в 2022 г.) и другие вопросы, в том числе касающиеся нехватки профессиональных кадров.

Анализ судебной практики по вопросам бюджетной отчетности ОВД показывает, что основные споры возникают в связи с различной трактовкой требований нормативных актов территориальными органами Федерального казначейства и подразделениями МВД России. Наиболее часто предметом разногласий становятся вопросы отнесения расходов к соответствующим кодам бюджетной классификации Российской Федерации и обоснования отклонений от плановых показателей.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что динамичное развитие бюджетного законодательства и изменение приоритетных задач, стоящих перед ОВД, требуют постоянной актуализации ведомственных нормативных актов и методических рекомендаций.

Бюджетная отчетность ОВД представляет собой сложную систему взаимосвязанных документов, отражающих различные аспекты финансово-хозяйственной деятельности МВД России и его территориальных подразделений. Структура данной отчетности формируется на основе общих требований бюджетного законодательства с учетом специфических особенностей функционирования правоохранительных органов [1, с. 25].

Система бюджетной отчетности ОВД включает стандартный набор форм, установленных для всех главных распорядителей (распорядителей) и получателей бюджетных средств (далее – ГРБС (РБС) и ПБС соответственно), а также специализированные формы, разработанные с учетом функциональных направлений деятельности. Основные формы бюджетной отчетности ОВД представлены на рисунке 1.

Особенностью баланса ОВД является достаточно весомая доля внеоборотных активов, представленных специальным иму-

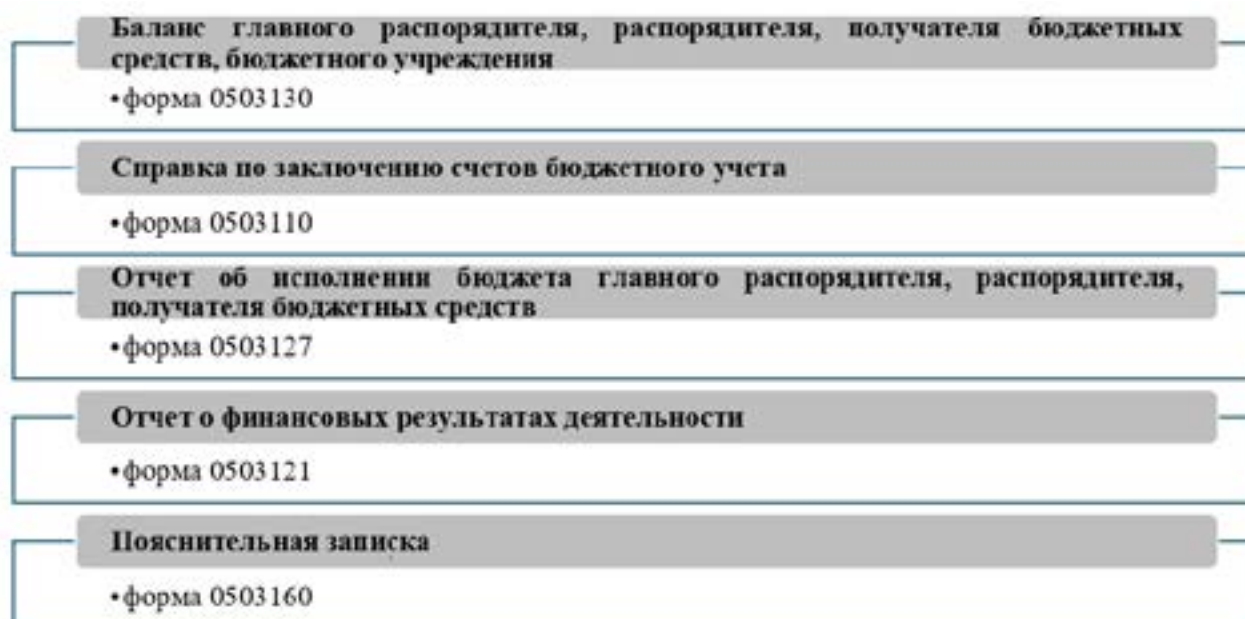

Рис. 1. Основные формы бюджетной отчетности органов внутренних дел Российской Федерации

ществом: транспортными средствами, средствами связи, вычислительной техникой, специальным оборудованием и вооружением. По данным сводного баланса за 2023 год МВД России располагает значительным объемом основных средств по сравнению с другими федеральными органами исполнительной власти, что объяснимо в том числе правоохранительным направлением деятельности и достаточно большой численностью личного состава Министерства.

МВД России является ответственным исполнителем по государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», что составляет 2/3 доли от общего ежегодного объема финансирования.

Специфической особенностью отчетности ОВД является выделение в составе основных средств отдельных групп имущества, имеющих особый правовой статус. К таким группам относятся: служебное оружие и специальные средства (код ОКОФ 310.28.23.23), которые подлежат особому учету в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оружии»¹; транспортные средства специального назначения (код ОКОФ 310.28.10.39), включая бронирован-

ные автомобили и специальную технику; средства связи и автоматизации (код ОКОФ 310.26), обеспечивающие функционирование информационно-телекоммуникационных систем ОВД.

В отчете об исполнении бюджета ОВД выделяются специфические статьи расходов, характерные для правоохранительной деятельности. При этом расходы на оплату труда и выплаты социального характера сотрудникам (работникам) ОВД ежегодно составляют порядка 70 % от общего объема расходов МВД России. Таким образом, бюджет Министерства носит социальную направленность.

Отдельной статьей выделяются расходы на материально-техническое обеспечение оперативно-служебной деятельности, включающие приобретение горюче-смазочных материалов, запасных частей для транспортных средств, средств индивидуальной защиты и специального снаряжения. Расходы на закупку товаров, работ, услуг, в том числе в рамках государственного оборонного заказа, составляют порядка 6 %, инвестиции – около 7 %.

Особое место в структуре расходов занимают затраты на содержание следственных изоляторов и центров временного содер-

¹ Об оружии : федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2025).

жания административно задержанных лиц. Эти расходы включают не только содержание персонала, но и обеспечение питанием, медицинским обслуживанием и коммунально-бытовыми услугами содержащихся под стражей лиц. В отчетности данные расходы выделяются по отдельному коду бюджетной классификации (раздел 0300 «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность», а именно 0314 «Другие вопросы в области национальной безопасности и правоохранительной деятельности»).

Специфической отличительной чертой бюджетной отчетности ОВД является необходимость отражения расходов на проведение специальных мероприятий, связанных с обеспечением общественного порядка и безопасности. К таким мероприятиям относятся: обеспечение правопорядка при проведении массовых мероприятий федерального и регионального значения; участие в контртеррористических операциях; выполнение задач по охране общественного порядка в условиях чрезвычайных ситуаций.

Учет расходов на специальные мероприятия осуществляется в рамках отдельной подстатьи КОСГУ 226 «Прочие работы, услуги», что позволяет обеспечить целевое использование средств при сохранении необходимого уровня конфиденциальности информации. В пояснительной записке к бюджетной отчетности данные расходы отражаются в агрегированном виде без детализации по конкретным мероприятиям и направлениям использования средств.

Анализ динамики расходов на отдельные специальные мероприятия показывает их существенную вариативность в зависимости от внешних факторов и оперативной обстановки. Так, в 2018 году в связи с проведением чемпионата мира по футболу расходы на обеспечение общественного порядка увеличились на 23,7 % по сравнению с предыдущим годом. В 2020–2021 гг. значительные дополнительные расходы были связаны

с обеспечением санитарно-эпидемиологических мероприятий в условиях пандемии COVID-19.

Особого внимания требует отражение в бюджетной отчетности расходов на межведомственные мероприятия, проводимые совместно с другими правоохранительными органами. В таких случаях применяется механизм целевого распределения расходов между участвующими ведомствами пропорционально их участию в проведении мероприятий, что требует от ответственного исполнителя дополнительных процедур согласования и контроля.

Организация системы внутреннего финансового контроля качества бюджетной отчетности в ОВД базируется на принципах многоуровневого контроля и разделения полномочий между различными структурными подразделениями¹.

На уровне центрального аппарата МВД России функции координации и методического обеспечения составления бюджетной отчетности возложены на Департамент по финансово-экономической политике и обеспечению социальных гарантий Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ФЭД МВД России). Данное подразделение осуществляет разработку ведомственных нормативных актов, методических рекомендаций, а также координацию деятельности территориальных органов по вопросам бюджетного планирования и отчетности.

Непосредственное составление сводной бюджетной отчетности МВД России как главного распорядителя бюджетных средств осуществляется управлением бюджетного учета, отчетности и расчетных операций, входящим в структуру указанного департамента. Данное управление обеспечивает консолидацию отчетных данных, поступающих от территориальных органов, образовательных, научных и иных органов, организаций, подразделений системы МВД России.

¹ Музалёва Т. И., Белова С. Н., Самолысов П. В. Организация и проведение контрольно-ревизионных мероприятий в образовательных организациях МВД России : учеб.-практ. пособие. М. : Академия управления МВД России, 2025. С. 65.

На региональном уровне функции составления и представления бюджетной отчетности возложены на финансово-экономические подразделения территориальных органов МВД России, которые структурированы по направлениям финансово-хозяйственной деятельности (подразделения бюджетного планирования, бухгалтерского учета, отчетности и анализа и иные). Руководители территориальных органов и финансово-экономических подразделений несут персональную ответственность за достоверность и своевременность составления и представления отчетности.

Особенностью организации внутреннего финансового контроля в системе МВД России является функционирование специализированных контрольно-ревизионных подразделений, осуществляющих проверку правильности ведения бухгалтерского учета и составления отчетности. Контрольно-ревизионное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – КРУ МВД России) и его территориальные подразделения проводят плановые и внеплановые ревизии финансово-хозяйственной деятельности, результаты которых используются для совершенствования системы внутреннего финансового контроля.

Процедуры внутреннего финансового контроля включают: ежемесячную сверку данных аналитического и синтетического учета; контроль соответствия данных отчетности показателям бюджетной росписи и лимитов бюджетных обязательств; анализ обоснованности отклонений фактических показателей от плановых; проверку правильности применения кодов бюджетной классификации и иные вопросы.

Распределение полномочий по составлению отчетности между различными уровнями управления в системе МВД России осуществляется в соответствии с принципом subsidiarity. Первичные учетные документы формируются ПБС на уровне районных отделов внутренних дел и других подведомственных подразделений. Сводная бюджетная отчетность составляется на уровне РБС – территориальных органов

МВД России по субъектам Российской Федерации в установленный ведомственным приказом срок (например, управление МВД (далее – УМВД) по субъекту РФ представляет сводную бюджетную отчетность, включая отчетность аппарата УМВД России для исключения «задвоения» информации), которые представляют консолидированные данные в центральный аппарат Министерства (ФЭД МВД России). ФЭД МВД России в установленный срок формирует сводную бюджетную отчетность Министерства и представляет ее в Министерство финансов Российской Федерации (далее – Минфин России).

Отчетность представляется согласно перечню форм бюджетной отчетности за отчетный финансовый год на бумажных носителях (за подписью руководителя и главного бухгалтера субъекта бюджетной отчетности в сброшюрованном и пронумерованном виде с оглавлением и сопроводительным письмом) и в электронном виде в ведомственной подсистеме сводной отчетности (Свод ПБС). В сопроводительном письме к бюджетной отчетности подразделениями системы МВД России указывается, что показатели форм бюджетной отчетности, представленной в электронном виде, соответствуют данным, представленным на бумажных носителях.

Временные параметры процесса составления отчетности строго регламентированы приказами Минфина России и внутренними нормативными актами МВД России. Так, территориальные органы обязаны представлять месячную отчетность в центральный аппарат не позднее 10 числа месяца, следующего за отчетным, что обеспечивает соблюдение установленных Минфином России сроков представления сводной отчетности главного распорядителя бюджетных средств (ГРБС). Законодательно предусмотрена ответственность за нарушение сроков представления бюджетной отчетности, за искажение отчетности – административная ответственность (ст. 15.11, 15.15.6. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), а также уголовная

ответственность, когда указанные действия связаны с уклонением от уплаты налогов (ст. 199, 199.1, 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации). Кроме того, имеются научные публикации, касающиеся порядка привлечения к ответственности за налоговые правонарушения, применения мер административной и уголовной ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах¹.

Анализ функционирования системы внутреннего финансового контроля показывает ее достаточную эффективность в обеспечении качества бюджетной отчетности. Вместе с тем увеличение объемов и сложности отчетной информации требует дальнейшего совершенствования контрольных процедур и внедрения автоматизированных средств контроля.

Процесс составления и представления бюджетной отчетности ОВД, являясь одним из этапов бюджетного процесса, сопряжен с рядом специфических проблем и ограничений, обусловленных особенностями функционирования правоохранительных органов. Данные проблемы носят как объективный характер, связанный с требованиями обеспечения государственной безопасности, так и субъективный, обусловленный недостатками организационно-методического обеспечения отчетного периода.

Одним из ключевых вопросов составления бюджетной отчетности ОВД является необходимость соблюдения требований законодательства о государственной тайне при обеспечении прозрачности использования бюджетных средств. Данная проблема носит принципиальный характер и требует поиска баланса между открытостью бюджетного процесса и защитой сведений, составляющих государственную тайну.

Согласно Перечню сведений, отнесенных к государственной тайне², ограниче-

ниям подлежит информация о дислокации, организационной структуре, вооружении, численности и планах деятельности ОВД. Практическое применение данных ограничений создает существенные сложности при детализации отчетной информации. Так, в бюджетной отчетности не может быть раскрыта информация о численности сотрудников отдельных оперативных подразделений, структуре расходов на специальную технику и вооружение, географическом распределении бюджетных ассигнований.

Анализ практики составления отчетности показывает, что наиболее проблематичным является отражение расходов на материально-техническое обеспечение специальных подразделений. Данные расходы агрегируются в рамках общих статей без возможности детализации по конкретным направлениям использования средств. Это создает объективные трудности для органов внешнего финансового контроля при оценке эффективности и целевого характера использования бюджетных ассигнований.

При этом необходимо учитывать (как показывает практика и результаты анкетирования специалистов – руководителей финансовых подразделений), что для подготовки и представления сводной бюджетной отчетности в ФЭД МВД России финансовыми подразделениями территориальных органов разрабатываются и используются формы дополнительной отчетности (нетиповые), например: «Сведения об операциях по отдельным счетам бюджетного учета»; «Отчет о расходах и численности работников федеральных государственных органов»; «Сведения о вложениях в объекты нефинансовых активов»; «Сведения об остатках по счету бюджетного учета 105 «Материальные запасы», «Сведения о выявленной задолженности по арендным платежам и мерах по ее востребованию» и др.

¹ Субхангулов Р. Р., Нугуманов А. Р. Налоговые правонарушения и ответственность за их совершение : учеб. пособие. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2021. 48 с.

² Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне : указ Президента Рос. Федерации от 30 нояб. 1995 г. № 1203 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2025).

Особую сложность представляет отражение в отчетности информации о межбюджетных трансфертах, предоставляемых субъектам Российской Федерации на финансирование мероприятий по укреплению материально-технической базы территориальных органов МВД России. В ряде случаев детальное раскрытие направлений использования данных средств может содержать сведения ограниченного распространения, что требует применения специальных подходов к структурированию отчетной информации.

Для решения данной проблемы МВД России совместно с Минфином России разработало систему двухуровневой отчетности, включающую открытую часть для представления в органы внешнего контроля и закрытую часть для внутреннего использования. Однако данный подход не в полной мере решает проблему обеспечения прозрачности бюджетного процесса и требует дальнейшего совершенствования.

Специфика деятельности ОВД обуславливает наличие особых категорий расходов, учет и отражение которых в бюджетной отчетности представляет значительную сложность. К таким расходам относятся затраты на проведение оперативно-розыскных мероприятий, обеспечение безопасности свидетелей и потерпевших, содержание лиц, находящихся под стражей, а также расходы, связанные с ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций.

Основная проблема учета расходов на оперативно-розыскную деятельность заключается в их непредсказуемом характере и сложности планирования. Данные расходы могут значительно варьироваться в зависимости от оперативной обстановки и не всегда могут быть точно спрогнозированы при составлении бюджета. В результате возникают существенные отклонения фактических расходов от плановых показателей, что требует детального обоснования в пояснительной записке к бюджетной отчетности [2, с. 47].

Особую сложность представляет учет расходов на обеспечение государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Согласно Федеральному закону «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹, ОВД обязаны обеспечивать безопасность указанных лиц, что может включать их переселение, смену документов, трудоустройство и иные меры защиты. Учет данных расходов осуществляется в рамках отдельной подстатьи КОСГУ, однако их планирование и контроль исполнения представляют значительную сложность.

Проблематичным является также учет расходов на содержание следственных изоляторов и центров временного содержания административно задержанных лиц. Данные расходы включают не только прямые затраты на содержание персонала и обеспечение жизнедеятельности содержащихся лиц, но и косвенные расходы, связанные с амортизацией зданий и сооружений, коммунальными услугами, медицинским обслуживанием. Сложность заключается в необходимости разделения данных расходов между различными категориями содержащихся лиц (подозреваемые, обвиняемые, административно задержанные), что требует ведения детального аналитического учета.

Анализ отчетности территориальных органов МВД России показывает значительную дифференциацию в подходах к учету специфических расходов. Так, в ряде регионов расходы на материально-техническое обеспечение оперативно-служебной деятельности отражаются иногда в составе общих расходов на закупку товаров, работ и услуг, в то время как в других регионах выделяются в отдельные статьи. Такая неоднородность затрудняет консолидацию отчетных данных и снижает их аналитическую ценность.

Следует также учитывать, что согласно действующему бюджетному законодатель-

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2025).

ству Российской Федерации необходимо осуществлять раздельный учет по доходам (с детализацией по кодам доходов бюджетов), администрируемым ОВД за оказанные государственные услуги (в том числе по линии подразделений Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации и иных администраторов доходов бюджетов), а также иной приносящей доход деятельности (федеральные казенные учреждения МВД России). Указанные поступления по их видам в установленном порядке перечисляются в соответствующие доходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в полном объеме, отражаются в составе бюджетной отчетности подразделений обособленно от расходов, финансируемых за счет средств федерального бюджета, что соответствует принципу бюджетного процесса раздельного учета доходов и расходов, а также по источникам получения. При этом при осуществлении этого направления деятельности могут создаваться риски, касающиеся своевременного и полного отражения администрируемых ОВД доходов в бюджетной отчетности, которые могут возникать из-за непредставления в финансово-экономические подразделения в установленные сроки подразделениями-администраторами доходов бюджетов сводных данных по видам доходов и кодам доходов для отражения в бухгалтерских регистрах.

Многоуровневая структура системы МВД России, включающая центральный аппарат, территориальные органы на региональном и местном уровнях, а также образовательные, научные и медицинские и иные органы, организации, подразделения, создает объективные сложности в обеспечении методологии в сфере составления сводной бюджетной отчетности.

Основная проблема единой методологии связана с различиями в интерпретации требований нормативных правовых актов отдельными подразделениями системы МВД России. В актах ревизий финансово-хозяйственной деятельности КРУ МВД России

присутствуют нарушения, касающиеся отражения не на тех счетах учета (либо неверным указанием КОСГУ) основных средств и материальных запасов при наличии единых методических рекомендаций Минфина России, что усложняет консолидацию отчетных данных и снижает их достоверность и сопоставимость. В частности, в отдельных подразделениях расходы на горюче-смазочные материалы могут отражаться по различным кодам КОСГУ, что вызывает необходимость дополнительных процедур сверки и корректировки отчетности.

С другой стороны, с учетом многообразия органов, организаций и подразделений системы МВД России по функциональному признаку создание единого типового приказа об учетной политике организации, который мог бы решить проблему единого унифицированного подхода учета и отчетности, в настоящее время является затруднительным.

Существенной проблемой является обеспечение своевременности представления отчетности территориальными подразделениями. Анализ показывает, что в среднем 15–18 % территориальных органов систематически нарушают установленные сроки представления месячной отчетности, что создает риски несоблюдения общих сроков представления сводной отчетности МВД России в Минфин России. Основными причинами задержек являются недостаточная автоматизация учетных процессов, кадровые проблемы в финансово-экономических службах, а также технические сбои в информационных системах [3, с. 179].

Особую сложность представляет координация при составлении отчетности по межрегиональным операциям и мероприятиям. В случаях, когда расходы на проведение специальных мероприятий несут территориальные органы различных регионов, возникает необходимость в дополнительных процедурах согласования и распределения расходов между соответствующими бюджетными росписями. Данный процесс требует значительных временных затрат и может приводить к задержкам в представлении отчетности.

Проблемы координации усугубляются недостаточным уровнем автоматизации процессов составления отчетности. Несмотря на внедрение в системе МВД России единой информационной системы бюджетного планирования и учета, значительная часть операций по консолидации и сверке данных по-прежнему выполняется вручную. Это создает риски возникновения ошибок и увеличивает трудозатраты на составление отчетности [4, с. 232].

Кроме того, необходимо учитывать проблемы, связанные с кадровым и финансовым обеспечением как со стороны пользователей, так и со стороны разработчиков. Специфика финансово-экономической деятельности предполагает наличие специальных теоретических знаний и практического опыта в различных сферах: в сфере госзакупок, налогового учета, бюджетного учета и отчетности в организациях государственного сектора [5], в сфере применения норм трудового законодательства [6], внедрения передового опыта и алгоритмов инновационной экономики [7] и др.

Для решения вопросов координации МВД России реализует комплекс мероприятий, включающий совершенствование нормативно-методического обеспечения, развитие информационных систем, а также повышение квалификации сотрудников финансово-экономических подразделений. Однако полное решение данных проблем требует системного подхода и значительных инвестиций в техническое переоснащение и кадровое развитие.

Совершенствование системы бюджетной отчетности ОВД требует комплексного подхода, основанного на анализе лучших практик зарубежных правоохранительных органов, внедрении современных информационных технологий и оптимизации организационных процессов. Изучение международного опыта организации бюджетной отчетности правоохранительных органов показывает наличие различных подходов к решению проблем, характерных для органов внутренних дел Российской Федерации. Особый интерес представляет опыт стран с развитой систе-

мой государственного финансового контроля и высокими требованиями к прозрачности бюджетного процесса [8, с. 42].

Опыт Федерального бюро расследований (FBI) демонстрирует эффективность применения программно-целевого подхода к составлению бюджетной отчетности. Оно использует систему отчетности, основанную на измерении результативности программ и проектов, что позволяет обеспечить связь между бюджетными ассигнованиями и достигнутыми результатами. Ключевым элементом данной системы является использование ключевых показателей эффективности (KPI), адаптированных к специфике правоохранительной деятельности. Например, для программ борьбы с организованной преступностью используются показатели количества раскрытых преступлений, изъятых активов преступных организаций, предотвращенного ущерба.

Интересен опыт Королевской канадской конной полиции (RCMP), которая разработала систему интегрированной отчетности, объединяющую финансовые и операционные показатели. Данная система позволяет обеспечить комплексную оценку эффективности использования бюджетных средств с учетом специфики правоохранительной деятельности. Особенностью канадского подхода является использование риск-ориентированного планирования и отчетности, что позволяет более гибко реагировать на изменения оперативной обстановки.

Опыт Федеральной полиции Германии (ВКА) показывает возможности эффективного сочетания требований прозрачности бюджетного процесса и обеспечения режима секретности. Немецкая модель предусматривает составление двух видов отчетности: публичной, содержащей агрегированные показатели, и служебной, включающей детализированную информацию для органов внутреннего контроля. При этом публичная отчетность содержит достаточный объем информации для оценки эффективности использования бюджетных средств без раскрытия сведений, составляющих служебную тайну.

На основе проведенного анализа проблем и изучения лучших практик сформулированы следующие предложения по совершенствованию системы бюджетной отчетности ОВД (рис. 2).

Анализ практики составления бюджетной отчетности ОВД выявил комплекс специфических особенностей, отличающих данный процесс от аналогичных процедур в других органах государственной власти.

Первой ключевой особенностью является необходимость соблюдения требований законодательства о государственной тайне при обеспечении прозрачности бюджетного процесса. Данная особенность проявляется в агрегированном представлении информации о расходах на специальные мероприятия, ограниченной детализации данных о материально-техническом обеспечении оперативных подразделений.

Вторая особенность – значительная доля специфических расходов, характерных исключительно для правоохранительной деятельности. К таким расходам относятся затраты на содержание следственных изоляторов, обеспечение государственной защиты участников уголовного судопроизводства, проведение оперативно-розыскных

мероприятий, материально-техническое обеспечение специальных подразделений. Учет данных расходов требует применения специальных методических подходов и дополнительных контрольных процедур.

Третьей особенностью является многоуровневая структура системы МВД России, включающая центральный аппарат, территориальные органы различного уровня, образовательные, научные и иные органы, организации и подразделения. Данная структура обуславливает сложность процессов консолидации отчетных данных и необходимость обеспечения единообразия применения учетной политики на всех уровнях системы.

Четвертая особенность – высокая вариативность расходов, связанная с непредсказуемым характером оперативно-служебных задач. ОВД должны быть готовы к оперативному реагированию на изменения криминальной обстановки, проведению внеплановых специальных операций, обеспечению правопорядка при чрезвычайных ситуациях. Это создает объективные сложности в планировании расходов и может приводить к значительным отклонениям фактических показателей от плановых.

Рис. 2. Предложения по совершенствованию системы бюджетной отчетности ОВД

Исследование выявило ряд проблем, требующих системного решения на уровне ведомственного нормативного регулирования, которые предлагается разделить на методические и организационные.

Основной методической проблемой является недостаточная детализация требований к классификации специфических расходов ОВД. Для этого предлагается разработать единый методический стандарт составления бюджетной отчетности в системе МВД России, включающий:

- детальный классификатор специфических расходов с описанием критериев отнесения операций к соответствующим статьям;

- типовые примеры отражения в отчетности расходов на оперативно-розыскную деятельность, специальные мероприятия, содержание спецучреждений;

- алгоритмы разграничения открытой и закрытой информации в составе бюджетной отчетности;

- методические рекомендации по составлению пояснительных записок с учетом специфики деятельности ОВД.

Второй методической проблемой является отсутствие единых подходов к оценке эффективности использования бюджетных средств в правоохранительной сфере. Предлагается внедрить систему ключевых показателей результативности, адаптированных к специфике деятельности ОВД, включая показатели раскрываемости преступлений, предотвращенного ущерба, общественной безопасности и др.

Выявленные организационные проблемы требуют комплексного подхода к их решению на различных уровнях управления системой МВД России.

По мнению ряда авторов, приоритетной организационной мерой является создание единой автоматизированной системы бюджетного планирования и отчетности, интегрированной с существующими информационными системами МВД России [9, с. 131]. Данная система должна обеспечивать:

- автоматическое формирование отчетных форм на основе данных первичного учета;

- автоматизированный контроль соответствия данных отчетности установленным лимитам и нормативам;

- электронный документооборот между различными уровнями системы МВД России;

- автоматическое формирование аналитических отчетов и уведомлений о нарушениях.

Наряду с этим необходимо дальнейшее развитие и внедрение подсистемы «Учет и отчетность» в государственную интегрированную информационную систему управления общественными финансами «Электронный бюджет», в том числе с учетом имеющегося положительного опыта, научных разработок, касающихся применения ресурсосберегающей техники и технологий за счет внедрения инноваций [10].

Второй важной организационной мерой является совершенствование системы внутреннего финансового контроля качества бюджетной отчетности. Предлагается внедрить риск-ориентированный подход к данному виду контроля, предусматривающий усиленные процедуры проверки операций с повышенным риском бюджетных нарушений, разработать матрицу бюджетных рисков. Необходимо создать систему непрерывного мониторинга исполнения бюджета с еженедельной периодичностью анализа основных показателей.

Заключение

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе выявленных особенностей и проблемных вопросов по составлению и представлению бюджетной отчетности в ОВД, в том числе с использованием практико-ориентированного подхода, предложены основные направления по совершенствованию исследуемой деятельности. Существенная теоретическая и практическая значимость этих особенностей подтверждается следующими выводами.

Во-первых, они могут быть использованы при разработке ведомственных нормативных актов и методических рекомендаций. Предложенные подходы к классификации специфических расходов и разграничению открытой и закрытой информации позволят повысить качество и единообразие отчетности на всех уровнях системы МВД России,

а также сократить (оптимизировать) количество нетиповых форм отчетности.

Во-вторых, сформулированные рекомендации по автоматизации процессов составления отчетности могут быть использованы при планировании инвестиций в развитие информационных систем МВД России. Проведение мероприятий информационно-технического характера, включающих возобновление опыта формирования бюджетной отчетности с использованием программного обеспечения «1С: Предприятие 8.3», позволит сократить трудозатраты на составление отчетности на 30–40 % и практически исключить ошибки, связанные с ручной обработкой данных.

В-третьих, результаты исследования могут быть использованы органами внешнего финансового контроля при планировании и проведении контрольных мероприятий в отношении ОВД. Понимание специфики деятельности ОВД и особенностей их отчетности позволит повысить эффективность контрольных процедур и

более объективно оценивать результаты проверок с практическими рекомендациями о повышении качества финансового менеджмента, в том числе предложениями о мерах по минимизации (устранению) бюджетных рисков и по организации внутреннего финансового контроля.

В-четвертых, предложенные подходы к организации бюджетной отчетности могут быть адаптированы и применены в других правоохранительных органах и силовых ведомствах, имеющих схожую специфику деятельности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением возможностей применения технологий искусственного интеллекта и больших данных для повышения качества бюджетного планирования и контроля в правоохранительной сфере, а также с разработкой интегрированных показателей оценки эффективности деятельности ОВД на основе финансовых и операционных данных [11, с. 380].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Исследование проблем формирования финансовой отчетности российских организаций в условиях цифровизации экономики : моногр. / под ред. А. М. Петрова. М. : Центркatalog, 2025. Т. 2. 236 с.
2. Фрыгин А. В., Музалев С. В. Отдельные аспекты обеспечения результативности и эффективности формирования доходов бюджетов на государственном и муниципальном уровне // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6, № 3-1 (23). С. 46–49.
3. Кривенцов Н. М., Дятлова А. Ф. Технология блокчейн в бухгалтерском учете // Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством : сб. науч. трудов по материалам XII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессора В. П. Петрова, Казань, 19–20 марта 2024 г. Казань : Изд-во Казанского ГАУ, 2024. С. 175–181.
4. Музалева Т. И. Роль внутреннего финансового аудита в системе ведомственного финансового контроля // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2023. № 4. С. 231–234. <https://doi.org/10.56584/1560-8816-2023-4-231-234>.
5. Белова С. Н., Владимирова О. Н., Гришмановский Д. Ю. Электронный бюджет в системе стратегического планирования и обеспечения экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 3. С. 1175–1194. <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.3.118635>.
6. Гриднева О. В., Скачко А. В., Субхангулов Р. Р. Кадровые технологии в системе трудовых правоотношений органов внутренних дел // Юридическая наука. 2023. № 1. С. 78–84.
7. Гусманов Р. У., Гриднева О. В., Субхангулов Р. Р. Человеческий капитал как условие формирования инновационной экономики // Евразийский юридический журнал. 2023. № 9 (184). С. 277–278.
8. Дятлова А. Ф. Опыт применения интегрированной отчетности на примере зарубежных стран // Международный бухгалтерский учет. 2025. Т. 28, № 8. С. 38–52. <https://doi.org/10.24891/shuhpn>.
9. Шамонова К. Р., Панасюк Д. В., Музалев С. В. Перспективы развития regtech как инструмента противодействия финансовым преступлениям в России // Экономические науки. 2025. № 244. С. 379–384. <https://doi.org/10.14451/1.244.379>.

10. Гусманов Р. У., Субхангулов Р. Р. Выбор вида экономической деятельности для возможности внедрения инноваций // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 87–94.

11. Шамонова К. Р., Музалев С. В. Возможности применения RegTech в системе противодействия финансовым преступлениям // Russian journal of management. 2025. Т. 13, № 1. С. 126–136. <https://doi.org/10.29039/2500-1469-2025-13-1-126-136>.

REFERENCES

1. A study of the problems of forming financial statements of Russian organizations in the context of the digitalization of the economy : monograph / ed. by A. M. Petrov. Moscow : Tsentrkatalog, 2025. Vol. 2. 236 p. (In Russ.)

2. Frygin A. V., Muzalev S. V. Certain aspects of ensuring the effectiveness and efficiency of budget revenue generation at the state and municipal levels // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2015. Vol. 6, No. 3-1 (23). P. 46–49. (In Russ.)

3. Kriventsov N. M., Dyatlova A. F. Blockchain technology in accounting // The accountant's profession as the most important tool for effective management of agricultural production : collection of scientific papers based on the materials of the 12th International scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor V. P. Petrov, Kazan, March 19–20, 2024. Kazan : Kazan State Agrarian University, 2024. P. 175–181. (In Russ.)

4. Muzaleva T. I. The role of internal financial audit in the system of departmental financial control // RISK: Resources, Information, Supply, Competition. 2023. No. 4. P. 231–234. <https://doi.org/10.56584/1560-8816-2023-4-231-234> (In Russ.)

5. Belova S. N., Vladimirova O. N., Grishmanovsky D. Yu. Electronic budget in the system of strategic planning and economic security // Economic security. 2023. Vol. 6, no. 3. P. 1175–1194. <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.3.118635>. (In Russ.)

6. Gridneva O. V., Skachko A. V., Subkhangulov R. R. Personnel technologies in the system of labor relations of internal affairs bodies // Legal science. 2023. No. 1. P. 78–84. (In Russ.)

7. Gusmanov R. U., Gridneva O. V., Subkhangulov R. R. Human capital as a condition for the formation of an innovative economy // Eurasian law journal. 2023. No. 9 (184). P. 277–278. (In Russ.)

8. Dyatlova A. F. Experience of applying integrated reporting using practices from foreign countries // International accounting. 2025. Vol. 28, no. 8. P. 38–52. <https://doi.org/10.24891/shuhpn> (In Russ.)

9. Shamonova K. R., Panasyuk D. V., Muzalev S. V. Prospects for the development of regtech as a tool for countering financial crimes in Russia // Economic Sciences. 2025. No. 244. P. 379–384. <https://doi.org/10.14451/1.244.379> (In Russ.)

10. Gusmanov R. U., Subkhangulov R. R. Choosing a type of economic activity for the possibility of innovation // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2024. No. 1 (17). P. 87–94. (In Russ.)

11. Shamonova K. R., Muzalev S. V. Possibilities of applying RegTech in the system of combating financial crimes // Russian journal of management. 2025. Vol. 13, no. 1. P. 126–136. <https://doi.org/10.29039/2500-1469-2025-13-1-126-136>. (In Russ.)

Информация об авторах:

Музалёва Т. И. – кандидат экономических наук;

Белова С. Н. – кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors:

Muzaleva T. I. – Candidate of Economics;

Belova S. N. Candidate of Economics, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 316.61

Раиль Маратович Янбухтин
Уфимский юридический институт МВД Рос-
сии, Уфа, Россия, yanbuht@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы личности в социологии, что позволяет выяснить задачи теоретико-методологического характера, так как определенная философская и социологическая интерпретация личности существенно влияет на решение управленческих, психологических, педагогических и других задач, имеющих не только теоретическую, но и практическую направленность. Особое внимание уделено необходимости разработки социологической теории личности, отвечающей актуальным вызовам и требованиям развития российского общества в современных условиях.

Ключевые слова: социология, личность, методология, теория, российское общество, история, традиционные духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Янбухтин Р. М. Проблема личности в социологии: вопросы методологии исследования // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 99–107.

Original article

Rail M. Yanbukhtin
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Ufa, Russia, yanbuht@mail.ru

THE PROBLEM OF PERSONALITY IN SOCIOLOGY: ISSUES OF RESEARCH METHODOLOGY

Abstract. This article discusses the personality issues in sociology, which makes it possible to clarify the tasks of a theoretical and methodological nature, since a certain philosophical and sociological interpretation of the personality significantly affects the solution of managerial, psychological, pedagogical and other problems, both theoretical and practical. Particular attention is paid to the need to develop a sociological theory of personality that meets the current challenges and requirements of the development of Russian society under modern conditions.

Keywords: sociology, personality, methodology, theory, Russian society, history, traditional spiritual and moral values

For citation: Yanbukhtin R. M. The problem of personality in sociology: issues of research methodology // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 99–107. (In Russ.)

Введение

Социологическое исследование личности позволяет определить задачи теоретико-методологического характера, поскольку определенная философская и социологическая интерпретация личности служит одним из условий решения управленческих, психологических, педагогических и других задач, имеющих не только теоретическую, но

и практическую направленность. Понимание личности с позиции социологического знания имеет важное значение для эффективной организации социальной жизни людей, создания необходимых условий для их плодотворной деятельности, удовлетворения насущных потребностей и получения личного и общественного блага. Изучение личности также позволяет определить наиболее важ-

ные проблемы разработки социологической теории личности, отвечающей актуальным вызовам и требованиям развития российского общества в современных условиях.

В связи с этим особую значимость приобретают изучение теоретических основ понятия «личность», раскрытие особенностей социологического понимания личности в социально-историческом аспекте. Помимо этого, одной из основополагающих и представляющих интерес для данного исследования задач является выяснение направлений (позиций) в понимании личности в связи с социокультурной обусловленностью интерпретации самого понятия.

Обращение к литературе, в которой рассматривается личность с позиции социологического знания и представлены определенные социологические теории личности западных и отечественных ученых, служит основанием для утверждения об актуальности данной проблемы, поскольку по-прежнему остаются открытыми вопросы, связанные с определением понятия «личность», построением ее структуры, классификацией социальных типов, выяснением закономерностей взаимодействия индивидов в социальных группах, социализацией личности и др. (Д. С. Клементьев, Л. Г. Костюченко, А. Г. Маслова, К. К. Оганян, Ю. М. Резник, В. М. Соколов, А. Н. Сухов, Т. М. Ширяева и др.) [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Выделяя многоаспектность в изучении личности и многообразие подходов в ее понимании, укажем на дискуссионность многих вопросов. В частности, исследователи, рассматривая ключевые вопросы в области социологии личности, попытались представить дефиницию понятия «личность», рассмотреть имеющиеся концепции личности, а также такой сложный вопрос, как социализация личности. Личность «выступает как носитель общественных и специфических социальных свойств человека, характеризует его национальную и классовую принадлежность, профессию и вид деятельности, мировоззренческие и

ценностные ориентации, интересы, цели, идеалы» [6, с. 56]. Социализация понимается «как процесс становления личности, постепенное усвоение ею требований общества, приобретение социально значимых характеристик сознания и поведения, которое регулирует ее взаимоотношение с обществом» [6, с. 66]. Отмечается сложность этого процесса, его незавершенность по некоторым аспектам, и в этом смысле говорится о «необходимости повышения педагогической культуры родителей, о выполнении человеком ответственных поручений, о соблюдении правил межличностного общения» [6, с. 66].

Другие определяют личность «как системное качество человека, обусловленное его включенностью в систему социальных отношений и институтов, приобретенное индивидом в предметной деятельности общения»¹. Формирование личности связано с целенаправленной и осмысленной деятельностью, которая определяет имеющиеся у индивида «отношения с окружающими его людьми по степени важности для него в конкретный период жизни» [7, с. 108]. С этой точки зрения ученые, представляя социализацию в качестве процесса формирования личности под воздействием социальной среды, указывают на его сложность и длительность, а «социализационные этапы определяются в зависимости от развития личности (первичная и вторичная социализация) и жизненных циклов человека...» [7, с. 109].

Следует учитывать сложность в исследовании феномена личности и определении понятия «личность», наличие различных социологических и социально-психологических концепций личности и особенности теоретических построений по данной проблематике в западной и российской социологии, различные подходы в разработке теории личности и раскрытии отдельных аспектов или направлений ее исследования.

В свою очередь, мы полагаем, что в указанных выше работах представлен односто-

¹ Клементьев Д. С., Маслова А. Г. Социология личности : учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020. С. 8.

ронный социологический подход к личности и рассматриваются отдельные ее стороны. С нашей точки зрения, требуется определить философскую парадигму, выступающую основой разработки социологического объяснения личности или построения модели общества. В то же время анализируются только некоторые аспекты личности на основе социально-психологических теорий, и поэтому отсутствует понимание личности как индивидуальной целостности человека, обладающего биологически-антропологическими, социально-культурными и духовно-личностными характеристиками, формирование которых связано с социально-историческими условиями и процессами, происходящими на определенном этапе развития общества, культуры, цивилизации.

На наш взгляд, всестороннее определение личности и комплексный подход к социологическому ее исследованию, опирающийся на достаточно богатую палитру отечественных и западных теорий личности не только в области социологических или социально-психологических, но и философских знаний, содержат глубокий эвристический потенциал, способствуют усилению его научной значимости в дальнейшем поиске и постановке актуальных вопросов в области развития теории социологии личности.

Методы

В целях решения сформулированной выше задачи были использованы диалектический, исторический, структурно-функциональный, системный, комплексный, междисциплинарный методы исследования.

Результаты

В социологическом знании выявляются конкретные исторически существующие формы бытия личности исходя из ее активного социального начала, поэтому социологический подход к изучению личности включает в себя широкое содержание, имеет теоретический, эмпирический и экспериментальный уровни, рассматривает ее и как теоретический объект, и как реальный эмпирический факт.

Социологическое изучение личности имеет разноплановый характер: личност-

ный, межличностный, а также исследование социальных групп, общностей, институтов и организаций, социальной системы в целом. При этом, несмотря на различия между философской и социологической интерпретациями личности, их объединяют общие научные представления, связанные с проблемой понимания личности. При этом существующие концепции (теории) личности делятся на: макросоциологические и микро-социологические [8, с. 112].

У первых во главу угла ставится проблема социализации индивида (или взгляд «сверху вниз»), у вторых проблема личности рассматривается преимущественно через призму ролевых концепций, то есть с позиции межличностного взаимодействия. Однако, как отмечается в литературе, несмотря на объединение существующих сегодня взглядов вокруг отдельных теоретических представлений, пока еще рано говорить о существовании единой, широко принятой позиции [8, с. 112].

Вместе с тем в работах классиков социологической мысли (Огюст Конт, Герберт Спенсер, Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм и др.) можно выделить два важных подхода к построению социологического объяснения личности: в первом подходе общество рассматривается как система, особого рода реальность, возвышающаяся над людьми и определяющая их социальные действия, волю, а во втором – основное внимание уделяется личности, ее социальным действиям, побудительным мотивам, ориентациям, установкам.

По мнению основателя социологии Огюста Конта, общество рассматривается как система, обладающая своей структурой, институтами, своими законами и закономерностями, поэтому оно возвышается над человеческим индивидом, полностью подчиняя его волю и поступки. Рассматривая общество как социальный организм и выделяя в нем социальные институты – семью, религию, государство, главенствующую роль Конт отводит его к коллективным феноменам и, в частности, к духовным структурам. При этом социальную жизнь обще-

ства и его развитие в терминологии Конта определяют человеческий ум, мышление, интеллект. «Не требуется доказывать, что идеи управляют и переворачивают мир, или, другими словами, что весь социальный механизм покоится в конце концов на мнениях. Они (читатели. – Р. Я.) хорошо знают, что великий политический и моральный кризис современного общества на самом деле обусловлен умственной анархией. Наша опаснейшая болезнь заключается в глубоком разногласии умов относительно всех основных правил, непоколебимость которых является первым условием истинного социального порядка» [9, с. 576].

Э. Дюркгейм также ставит индивида в зависимость от типа социальной системы. В работе «О разделении общественного труда» он пишет: «Но в действительности, эта демонстрируемая им деятельность – не его деятельность. Это общество, раса, действующая в нем и через него; он только посредник, через которого они осуществляются. Его свобода только кажущаяся, а его личность заимствована» [10, с. 375].

В теории Макса Вебера основное внимание уделяется пониманию личности, ее социальным действиям, ориентации на поведение со стороны других людей, выделяя рациональные, рационально-ценностные, аффективные и традиционные мотивы поведения участвующих в этой деятельности отдельных индивидов. В частности, сам Вебер пишет: «Такие понятия, как государство, сообщество (*Genossenschaft*), феодализм и т. п., в социологическом понимании означают – если выразить это в общей форме – категории определенных видов совместной деятельности людей, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к «понятному» поведению, а такое сведение всегда означает только одно – сведение к поведению участвующих в этой деятельности отдельных людей» [11, с. 507].

Акцентируя внимание на уяснении смысла поведения людей, теоретические построения М. Вебера содержат выделенный нами «второй» подход к разработке социологического объяснения личности или постро-

ения модели общества. Во всей дальнейшей истории социологической мысли, когда уже будут разрабатываться теории личности и появится такой раздел общей социологии, как социология личности, оба обозначенных нами здесь подхода обнаруживают себя явным образом.

Так, Чарльз Кули и Джордж Герберт Мид, являясь представителями так называемой теории зеркального «Я», рассматривают личность и ее самосознание в качестве производной от полностью обусловленного «Я» человека. В процессе социального взаимодействия индивид обучается смотреть на себя как на объект, глазами других людей. Как пишет Джордж Мид: «Организованную самость выстраивает организация установок, которые являются общими для всех членов группы. Индивид (*person*) является индивидуальностью (*personality*) постольку, поскольку принадлежит к какому-то сообществу и поскольку перенимает в своем собственном поведении установления этого сообщества. Он принимает его язык как средство, благодаря которому обретает свою индивидуальность, а затем – в процессе принятия различных ролей, которыми снабжают его все другие, – он, в конце концов, обретает установку членов этого сообщества» [12, с. 235].

Р. Линтон, Т. Парсонс, Р. Мертон и некоторые другие социологи, которых также относят к представителям теории ролей, представляют личность лишь в качестве «выразителя» социальных структур, поскольку понимают ее в качестве суммы социальных ролей, исполняемых индивидом в обществе. Так, с точки зрения Т. Парсонса, личность предстает как функция «от множества социальных ролей» и определяется как система «отношений живого организма, взаимодействующего с некоторой ситуацией» [13, с. 460]. В частности, у Парсонса читаем: «Каждая из этих «ролей» включается в иную личностную систему, и поэтому она, строго говоря, не имеет одного значения ни для каких двух индивидов. Это отношение личности к единообразной ролевой структуре является взаимозависимым и взаимопрони-

кающим, но не существует такого «включения», при котором свойства личности целиком определяются теми ролями, в которых она участвует» [13, с. 460].

В социологических теориях У. А. Томаса, Ф. В. Знанецкого, Т. Олпорта уделено особое внимание субъективным параметрам человека. Согласно их мнениям, индивид является «сознательным агентом» или «активным субъектом» социального поведения. Ф. Знанецкий пишет: «Человек как социальная ценность – это только «аспект» его самого, как он является кому-то еще, кто активно заинтересован в нем, или даже самому себе, когда он рефлексировать относительно собственной личности и пытается контролировать ее практически. Социолог, можно сказать, имеет дело только с такими «аспектами» людей. Но эти «аспекты» являются реальностями, поскольку они действительно обуславливают человеческое поведение, также как естественные вещи и процессы и иногда даже больше последних» [14, с. 76].

По мнению вышеназванных ученых, личность, представляя собой сознательное и активное существо, обладает определенными ценностями и установками, формирование которых происходит в процессе ее жизнедеятельности и взаимодействия с социальной средой. В итоге приобретения разнообразных ценностей и установок человек становится личностью. Данная теория служит в качестве методологической основы для проведения конкретных эмпирических социологических исследований, направленных на изучение субъективного аспекта человека. Однако с этой точки зрения личность рассматривается лишь на уровне социальных групп и присутствует односторонность в социологическом объяснении личности, так как в области теоретического анализа отсутствуют социальные структуры, процессы, а также некоторые другие социально-культурные явления, выступающие в качестве внешних, объективных аспектов ее социального поведения.

Можно также привести для примера исследование современного шведского ученого П. Монсона, в котором делается попытка

объединить макросоциологический и микросоциологический подходы к личности в построении объяснительной социологической теории. Он выделяет два направления в изучении общества – структуралистское и экзистенциалистское. С его точки зрения, эти две модели общества в сочетании образуют такую модель общества, как «лодки на аллеях парка». П. Монсон полагает, что общество представляет собой систему, которая следует своим законам и не может быть объяснена социальными действиями людей, но в то же время в своей основе общество предстает в виде пространства суммы смыслов, мотивов и действий индивидов. «Все индивидуальные действия вместе взятые, – пишет Монсон, – создают некие социальные образцы, паттерны. Эти образцы не просто результат действия всех индивидов, они в то же время формируют социальную структуру общества, которая, в свою очередь, оказывает влияние на поступки входящих в нее индивидов» [15, с. 43]. Следуя позиции П. Монсона, объяснительная социологическая теория не обладает эвристическим потенциалом без изучения личности, внутреннего мира человека, его ценностей, установок, идеалов.

В работах отечественных ученых не представлены как таковые разработанные теории личности, но при этом российские ученые не только рассмотрели ряд отдельных вопросов (например, роль личности в истории, взаимодействие личности и общества, развитие нравственной личности и др.), но и в рамках социологических школ сформулировали теории личности: теория критически мыслящей личности П. Л. Лаврова, социально-психологическая теория героя и толпы Н. К. Михайловского, активистская теория личности С. Н. Южакова, интегральная теория личности П. А. Сорокина [3]. Как отмечается в литературе, исследования и идеи, выраженные отечественными учеными в конце XIX и начале XX в. о развитии активности личности, ее автономии и свободе выбора, об отстаивании ее прав, ценностно-нормативной составляющей ее сущности, ее духовно-нрав-

ственных основах развития, комплексном характере исследования личности, не могли не оказать влияния на формирование современных теорий личности [3].

Одна из таких идей о комплексном характере исследования личности определенным образом проявилась в социологической теории П. А. Сорокина, который придерживался интегрального подхода в исследовании социального мира, пытаясь не допустить крайностей в теоретических построениях. Рассматривая структуру социокультурного взаимодействия людей, он выделяет в ней три неотделимых друг от друга аспекта: личность, выступающую субъектом взаимодействия; общество в виде совокупности взаимодействующих индивидов и социокультурных отношений и процессов; культуру как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, а также носителей, объективирующих, социализирующих и раскрывающих эти значения. П. Сорокин поясняет, что «ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество, культура) не может существовать без двух других. Не существует личности как социума, то есть как носителя, создателя и пользователя значениями, ценностями и нормами без корреспондирующих культуры и общества. Точно так же нет общества без взаимодействующих личностей и культуры; и нет живой культуры без взаимодействующих личностей и общества» [16, с. 218–219]. Считая неадекватной любую теорию, акцентирующую свое внимание на одном из этих аспектов, П. Сорокин рассматривает общество как целостную социокультурную систему, состоящую из трех подсистем – личности, социальной структуры и культуры [16, с. 219].

Как научная дисциплина, в России социология личности складывается в конце 60-х гг. XX столетия. Одной из первых работ на эту тему была изданная в 1967 г. «Социология личности» И. С. Кона, в последующие годы было опубликовано немало серьезных исследований, освещающих различные теоретические и эмпирические вопросы социологии личности. Из них

представляют интерес работы, посвященные вопросам определения понятия «личность», построения ее структуры, классификации социальных типов, выяснения закономерностей социального взаимодействия индивидов в социальных группах, социализации личности и др. При этом российская социология включает разные уровни исследования проблемы личности – межличностный, групповой, социальный и др., используя специфические термины, позволяющие рассмотреть переходы от индивидуального к социальному, от социальной структуры к межличностным отношениям и индивидуальному поведению: «социальный статус», «социальная роль», «социальный характер», «тип», «ценностные ориентации» и др.

В отечественной социологии широкое распространение получили понятия теории ролей. Правда, при этом в российской научной литературе различают институализированные и конвенциональные социальные роли, когда первые связаны с социальной структурой и поэтому являются определяющими по отношению ко вторым, произвольно возникающим в групповых взаимодействиях. Кроме того, отмечается описательный характер теории ролей, недооценка ею субъективного мира человека и сведение личности только к активности принятия или непринятия роли.

Вместе с тем в советский период также наблюдался односторонний социологический подход к личности, основой которого являлась марксистская парадигма и западные социологические и социально-психологические концепции [3]. На примере истории отечественной социологической мысли можно видеть, что несмотря на сочетание имеющихся сегодня идей вокруг тех или иных теоретических построений, по-прежнему открытым остается вопрос о необходимости единого, широко принятого подхода к социологическому объяснению личности.

Таким образом, анализ социологических построений о личности дает нам основание сделать вывод о том, что в современной оте-

чественной и западной социологии преобладают разные подходы, включая марксистскую парадигму, которые являются основой социологического объяснения личности.

В свою очередь, с опорой на философские и социологические идеи отечественных и западных мыслителей, ученых попытаемся сформулировать ряд основных теоретико-методологических положений, служащих в качестве основы разработки социологического объяснения личности. Во-первых, в качестве ключевых аспектов человеческой личности выступают природа, общество и культура, поэтому феномен личности тесным образом связан с антропо-биологическими, социальными и культурными условиями жизни людей, обуславливающими становление и формирование различных моделей поведения индивидов. Во-вторых, личность, как индивидуальная целостность человека, в процессе своей социальной жизнедеятельности приобретает определенные социально-культурные и духовно-личностные характеристики, главными из которых являются разум, сознание, мышление, воля.

В-третьих, в становлении человеческой личности и ее социальном поведении большое значение имеют побудительные мотивы, мировоззренческие установки, ценности, идеалы, отличающиеся по своей содержательности и направленности.

В-четвертых, основой социального поведения индивида и его социальных отношений выступают именно моральные или духовно-нравственные ценности. В иерархии ценностных ориентаций личности ключевое значение имеют идеалы, представление о высшем благе, опираясь на которые индивид делает выбор модели нравственного поведения. В соответствии с теми или иными идеалами личного благополучия или служения высшим ценностям формируются определенные образы жизни индивидов и типы личности с характерными для них ценностными ориентациями, установками.

В-пятых, социальные структуры, процессы, а также некоторые другие социально-культурные явления выступают в

качестве внешних, объективных аспектов личности и ее социального поведения. В связи с этим ей всегда приходится иметь дело не только со своим, но и с социальным несовершенством, предполагая существование тех или иных противоречий, ролевых и социальных конфликтов, разрешение которых также требует от индивида определенных решений, действий, оценок, усилий, проявления воли.

И наконец, личность предстает конкретно исторически и связана с социально-историческими условиями и процессами, происходящими на определенном этапе развития общества, культуры, цивилизации.

Заключение

Обсуждение философско-социологических аспектов изучения проблемы личности предоставляет возможность исследователям сориентироваться при решении принципиальных вопросов теоретико-методологического и практического характера. Прежде всего это касается содержания понятия «личность», понимания механизмов взаимодействия личности и общества, сути социализации личности.

Всестороннее определение личности и комплексный, междисциплинарный подход к ее изучению содержат значительный эвристический потенциал, способствуя усилению научной значимости данного подхода в дальнейшем поиске и постановке актуальных вопросов в направлении исследования проблем личности (в биологически-антропологическом, социально-культурном, духовно-личностном, историческом и др.) с использованием специфических понятий, позволяющих рассмотреть определенные уровни и переходы, начиная от социального поведения личности и ее ориентации до социальной структуры и духовно-нравственного совершенствования личности в контексте исторических и цивилизационных процессов, тенденций, новых рисков и вызовов времени.

Потенциальные возможности данной философско-социологической методологии можно теоретически представить в виде следующих тезисов:

1. При разработке и построении объяснительной социологической теории личности или модели общества необходимо комплексно подходить к рассмотрению личности в качестве индивидуальной целостности человека, обладающего биологически-антропологическими, социально-культурными и духовно-личностными характеристиками, формирование которых связано с определенными социально-историческими условиями и процессами, происходящими на определенном этапе развития общества, культуры, цивилизации.

2. Исследование личности на уровне социальных групп, структур, организаций, институтов, процессов, социализации предполагает всесторонний анализ различных

аспектов многообразной деятельности человеческой личности, учитывая социальное «несовершенство», противоречия, ролевые и социальные конфликты, в условиях которых индивид преимущественно оказывается в ситуации выбора той или иной модели социального поведения и образа жизни.

3. Социологическое изучение личности важно осуществлять в социально-культурном, национальном, историческом и цивилизационных аспектах. В таких направлениях требуется изучение личности как духовно-нравственного существа и носителя высших ценностей в конкретных сферах практической деятельности человека в контексте исторических, культурных и цивилизационных процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костюченко Л. Г., Резник Ю. М. Введение в теорию личности: социокультурный подход. М. : Независимый институт гражданского общества, 2003. 272 с.
2. Оганян К. К. Анализ теории личности в российской социологии: история и современность. М. : ИНФРА-М, 2015. 360 с.
3. Оганян К. К. Концепции личности в российской социологии конца XIX – XXI вв.: идейные предпосылки // *Paradigmata Poznani*. 2015. № 4. С. 53–59.
4. Соколов В. М. Социология нравственного развития личности. М. : Политиздат, 1986. 239 с.
5. Сухов А. Н. Социально-психологическая структура личности // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2019. Т. 7, № 1 (24). С. 8–21. <https://doi.org/23888/humJ201918-21>.
6. Ширяева Т. М. Социология личности // *Образование и право*. 2013. № 9 (49). С. 55–66.
7. Раренко А. А. Рецензия на кн.: Клементьев Д. С., Маслова А. Г. Социология личности : учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2020. – 103 с. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология*. 2020. № 4. С. 106–112. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2020.04.08>.
8. Артемьев А. И. Социология личности. 2-е изд. М. : ООО «Арбат XXI», 2001. 253 с.
9. Антология мировой философии : в 4 т. Т. 3. Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. / редкол. : И. С. Нарский (ред.-сост. и автор вступ. ст.) и др. М. : Мысль, 1971. 759 с.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1990. 576 с.
11. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 810 с.
12. Американская социологическая мысль : тексты / Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц ; под ред. проф. В. А. Добренкова, сост. Е. И. Кравченко. М. : МГУ, 1994. 496 с.
13. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // *Американская социологическая мысль : тексты* / Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц ; под ред. проф. В. А. Добренкова, сост. Е. И. Кравченко. М. : МГУ, 1994. 496 с.
14. Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // *Американская социологическая мысль : тексты* / Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц ; под ред. проф. В. А. Добренкова, сост. Е. И. Кравченко. М. : МГУ, 1994. 496 с.
15. Монсон П. Лодка на аллеях парка: введение в социологию // *Социологические исследования*. 1996. № 3. С. 40–45.
16. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.

REFERENCES

1. Kostyuchenko L. G., Reznik Yu.M. Introduction to the theory of personality: a sociocultural approach. Moscow : Independent Institute of Civil Society, 2003. 272 p. (In Russ.)
2. Oganyan K. K. An analysis of the theory of personality in Russian sociology: history and modernity. Moscow: INFRA-M, 2015. 360 p. (In Russ.)
3. Oganyan K. K. Concepts of personality in Russian sociology of the late 19th – 21st centuries: ideological prerequisites // *Parodigmata Poznani*. 2015. No. 4. P. 53–59. (In Russ.)
4. Sokolov V. M. Sociology of moral development of personality. Moscow : Politizdat, 1986. 239 p. (In Russ.)
5. Sukhov A. N. Social and psychological structure of personality // *Personality in a changing world: health, adaptation, and development*. 2019. Vol. 7, no. 1 (24). P. 8–21. <https://doi.org/23888/humJ201918-21>. (In Russ.)
6. Shiryayeva T. M. Sociology of personality // *Education and law*. 2013. No. 9 (49). P. 55–66. (In Russ.)
7. Rarenko A. A. Book review: Klementiev D. S., Maslova A. G. Sociology of personality: a textbook for universities. – 2nd ed., rev. and enl. – M. : Yurait, 2020. – 103 p. // *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*. 2020. No. 4. P. 106–112. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2020.04.08>. (In Russ.)
8. Artemyev A. I. Sociology of personality. 2nd ed. Moscow : ООО “Arbat XXI”, 2001. 253 p. (In Russ.)
9. Anthology of the world philosophy : in 4 volumes. Vol. 3. Bourgeois philosophy of the late 18th century and the first two-thirds of the 19th century / ed. by I. S. Narsky (editor-compiler and author of the introductory article) and others. Moscow : Mysl, 1971. 759 p. (In Russ.)
10. Durkheim E. The division of labor in society. The method of sociology. Moscow : Nauka, 1990. 576 p. (In Russ.)
11. Weber M. Selected works. Moscow : Progress, 1990. 810 p. (In Russ.)
12. American sociological thought : texts / R. Merton, G. Mead, T. Parsons, A. Schutz / ed. by Prof. V. I. Dobrenkov, comp. by E. I. Kravchenko. Moscow : Moscow State University Press, 1994. 496 p. (In Russ.)
13. Parsons T. The coordinate system of action and the general theory of action systems: culture, personality, and the place of social systems // *American sociological thought : texts / R. Merton, G. Mead, T. Parsons, A. Schutz / ed. by Prof. V. I. Dobrenkov, comp. by E. I. Kravchenko*. Moscow : Moscow State University Press, 1994. 496 p. (In Russ.)
14. Znanetsky F. The basic data of sociology // *American sociological thought : texts / R. Merton, G. Mead, T. Parsons, A. Schutz / ed. by Prof. V. I. Dobrenkov, comp. by E. I. Kravchenko*. Moscow : Moscow State University Press, 1994. 496 p. (In Russ.)
15. Monson P. Boat on the alleys of the park: an introduction to sociology // *Sociological research*. 1996. No. 3. P. 40–45. (In Russ.)
16. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. Moscow : Politizdat, 1992. 543 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Янбукhtин Р. М. – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author:

Yanbukhtin R. M. – Candidate of Sociology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 06.02.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 327:101.8(470)

Евгений Витальевич Килимник
*Уральский юридический институт МВД Рос-
сии, Екатеринбург, Россия, kilimnik_06@mail.
ru, ORCID: 0000-0003-2949-465X*

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Аннотация. В статье исследуются идейно-политические условия формирования Россией современной архитектуры многополярного мира. Анализ позволил определить многовекторный характер формирования Россией нового многополярного мироустройства по линии «Север – Юг» с учетом геополитических вызовов, экономических интересов и цивилизационных отличий стран, входящих в эту систему координат.

В ходе исследования определено, что ключевыми принципами философии многополярного мироустройства являются: равенство суверенитетов и определение каждой страной своего будущего; неприятие гегемонии; партнерство; невлияние в политике других государств; приоритет международного права в разрешении конфликтов. Установлено, что мировое перераспределение сил, вызванное проведением специальной военной операции, привело к появлению трех ключевых центров влияния – России, Китая и США. Наряду с этим наблюдается усиление роли Индии, что указывает на становление новой геополитической конфигурации – четкого разделения стран по критерию «Глобальный Север» и «Глобальный Юг», обусловленного их национальными приоритетами и культурными особенностями. Признавая важность многополярности и взаимного уважения, создаются благоприятные условия для консолидации сотрудничества в рамках таких организаций, как Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС и Евразийский экономический союз. Россия активно проводит политику интеграции, направленную на создание общего экономического пространства, углубление военных и дипломатических контактов, а также на выработку совместных подходов к решению глобальных проблем, включая взаимодействие с Китаем в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций.

Ключевые слова: философия, политика, архитектура, мировое устройство, цивилизационные особенности, экономический интерес, партнерство, сотрудничество, Россия и мир

Для цитирования: Килимник Е. В. Философия и политика России в формировании многополярного мироустройства // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 108–118.

Original article

Evgeny V. Kilimnik
*Ural Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Yekaterinburg, kilimnik_06@
mail.ru, ORCID: 0000-0003-2949-465X*

RUSSIA'S PHILOSOPHY AND POLITICS IN THE FORMATION OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER

Abstract. The article examines the ideological and political conditions under which Russia is forming the modern architecture of a multipolar world. The analysis made it possible to determine the multi-vector nature of Russia's formation of a new multipolar world order along the North–South axis, taking into account the geopolitical challenges, economic interests and civilizational differences of the countries included in this coordinate system.

© Килимник Е. В., 2026

The study identified the key principles of the philosophy of a multipolar world order as: equality of sovereignty and each country's determination of its own future; rejection of hegemony; partnership; non-influence in the policies of other states; priority of international law in conflict resolution. It was established that the global redistribution of power caused by the special military operation led to the emergence of three key centers of influence: Russia, China, and the United States. At the same time, the role of India has increased, indicating the emergence of a new geopolitical configuration – a clear division of countries according to the criterion of the “Global North” and the “Global South”, determined by their national priorities and cultural characteristics. Recognizing the importance of multipolarity and mutual respect, favorable conditions are being created for the consolidation of cooperation within organizations such as the Shanghai Cooperation Organization, BRICS, and the Eurasian Economic Union. Russia is actively pursuing an integration policy aimed at creating a common economic space, deepening military and diplomatic contacts, and developing joint approaches to solving global problems, including interaction with China in the United Nations Security Council.

Keywords: philosophy, politics, architecture, world order, civilizational characteristics, economic interest, partnership, cooperation, Russia and the world

For citation: Kilimnik E. V. Russia's philosophy and politics in the formation of a multipolar world order // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 108–118. (In Russ.)

Введение

Актуальность исследования призвана подчеркнуть роль России в формировании новой многополярной системы современного мироустройства, основанной на взаимном цивилизационном уважении и равном партнерстве в решении вопросов на внешнеполитической арене.

В неблагоприятных условиях политического давления на проводимую руководством страны политику, которое возникло после присоединения Крыма в марте 2014 г. и усилилось с началом специальной военной операции в феврале 2022 г., Россия оказывает значительное влияние на становление многополярного мироустройства во многих областях – от политики до экономики и культуры. Как подчеркнул Президент России В. В. Путин в своем выступлении в октябре 2025 г., «РФ участвует в формировании миропорядка без неокOLONиализма и русофобии»¹.

Крушение СССР, отказ от основ марксизма, обострение национальных противоречий, авиаудары по Югославии со стороны Североатлантического альянса и последующий распад этой страны – эти и другие подобные события обозначили завершение эпохи биполярного миропорядка [1] и вызвали необходимость поиска альтернативных стратегий развития. Одним из результа-

тов этого процесса стала дискуссия вокруг концепции нового многополярного мира и роли России с учетом своего цивилизационного пути развития [2].

Цель исследования – изучить идейно-политическую деятельность России в формировании современного многополярного мира.

Задачами являются анализ территориальных претензий к Российской Федерации со стороны стран, географически расположенных по всему периметру ее границ (1992–2025 гг.); определение геополитических вызовов, призванных ослабить международную роль России; исследование политики формирования современного многополярного мироустройства.

Научная новизна заключается в исследовании современных территориальных и геополитических вызовов в отношении России с целью ее военно-политического, социально-экономического и территориального ослабления и устранения как одной из трех современных мировых сил (Россия, Соединенные Штаты Америки, Китай) с последующим превращением ее в обычную региональную страну, контролируемую извне [3].

Методы

В статье использовался политологический подход, направленный на анализ,

¹ Россия активно участвует в формировании нового миропорядка, заявил Путин // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20251020/putin-2049331273.html?ysclid=ml98vh5egi130820024> (дата обращения: 05.02.2026).

сопоставление и обобщение материалов в оценке событий, дающих идейно-политическое представление о роли Российской Федерации в политике формирования системы многополярного мира после 2014 г.

Результаты

Многополярность как принцип международных взаимоотношений предполагает создание такой модели взаимодействия, которая гарантирует стабильное развитие государств за счет существования сильных независимых полюсов влияния, располагающих значительным экономическим, политическим и военно-стратегическим ресурсом.

Территориальные претензии к Российской Федерации в 1991–2025 гг. со стороны граничащих с ней стран. Формирование многополярного мира, как идейно-политическая задача, стало особенно актуальным после 2014 г. – присоединения к России Крыма в ходе референдума. После распада Советского Союза, завершения Ялтинско-Потсдамской мировой системы урегулирования послевоенного мироустройства в Европе (1945 г.) мир с конца 1991 г. фактически стал однополярным, а его дальнейшее развитие, по сути, полностью определялось представителями англо-саксонской цивилизации [4] с безусловным доминированием США и выстраиванием не равных, а «клиент-партнерских» и «сюзеренно-вассальных» отношений в системе глобального мироустройства. В результате дипломатии односторонних уступок в период деятельности министра иностранных дел А. В. Козырева (середина 90-х гг. XX в.) Россия, как наследница Советского Союза, оказалась искусственно превращенной из мировой державы в обычное региональное государство с ослабленной экономикой [5], на территории которого (Северный Кавказ) действовали

радикально-религиозные и сепаратистские силы, стремящиеся (Ш. Басаев) создать из территориальной части Российской Федерации фундаменталистское исламское государство – имамат с границами «от Каспия до Черного моря». Одновременно с этими внутривнутриполитическими вызовами для национальной безопасности страны в государствах, территориально граничащих с Россией, активизировались националистические и реваншистские силы, требовавшие территориального пересмотра границ Российской Федерации, сложившихся после Второй мировой войны.

В результате этих процессов национал-реваншистские силы Финляндии выдвинули претензии на регионы Карелии, Выборгского района, Кольского полуострова, при этом наиболее радикальные силы требовали возврата Архангельской области вплоть до районов Северного Урала включительно¹.

В Эстонии с началом 90-х гг. и обретением независимости усилились требования по возвращению Кингисеппского района с Ивангородом и Печорским районом, а также с пограничными землями в районе Чудского озера².

С момента распада Советского Союза политические и реваншистские силы в Латвии в течение последних 30 лет выдвигают к Российской Федерации территориальные претензии в отношении Пыталовского района Псковской области³.

Обретшая независимость Литва, с момента объявления своего суверенитета, настаивает на возвращении Россией территории Калининградской области, считая ее «Малой Литвой» с историческим центром Караяучюсом (Калининград). По замыслам литовских политиков и националистов,

¹ Какие территориальные претензии есть у финнов к России. URL: https://weekend.rambler.ru/read/43799524/?utm_content=weekend_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 18.12.2025).

² Какие территориальные претензии есть у Эстонии к России // Русская семерка. URL: <https://russian7.ru/post/kakie-territorialnye-pretenzii-e/> (дата обращения: 18.12.2025).

³ Территориальные претензии Латвийской Республики к Российской Федерации. URL: https://cyclowiki.org/wiki/Территориальные_претензии_Латвийской_Республики_к_Российской_Федерации (дата обращения: 18.12.2025).

возникшее с «Малой Литвой» включительно, новое литовское государство станет «по праву» преемником Великого княжества Литовского и новым политическим центром в Восточной Европе вместо России¹. Одновременно на эти земли претендует граничащая на северо-западе с Российской Федерацией Польша, считающая территорию бывшей Восточной Пруссии своей «исторической территорией», а Калининград – «Крулевцем»². При этом польским руководством забывается тот факт, что по итогам Второй мировой войны Польша получила значительную территориальную компенсацию в виде Силезии, которая с XIV столетия считалась одним из германских владений и входила в Священную Римскую империю, а ее население подверглось интенсивному онемечиванию. Более того, бывший президент Польши А. Дуда, выступая перед офицерским составом вооруженных сил Польши, открыто заявил, что будущая Восточная Европа – это новая «Речь Посполитая», в интересы которой входят все земли от Бреста до Смоленска включительно, что это государственное образование является полностью «легитимным»³.

Несмотря на создание Союзного государства и постоянную экономическую помощь со стороны России, радикально настроенная часть белорусского общества сразу же после обретения независимости

Беларуси выдвинула претензии к России по поводу земель Смоленской и Брянской областей, отмечая их как неотъемлемую часть средневекового Литовско-Белорусского государства, правопреемником которого белорусские националисты считают современную Беларусь⁴.

Наиболее крупные территориальные претензии к постсоветской России были выдвинуты украинскими политиками, военными и националистами, мечтающими о создании «третьей Украинской империи» (первая – «скифская», вторая – «Киевская Русь»). Согласно основателю «Азова»⁵, бригадного генерала и командира 3-го корпуса украинских вооруженных сил А. Билецкому⁶, будущая «империя» должна включать регионы Кубани и Северного Кавказа⁷, а также всю Ростовскую область⁸. Бывший губернатор части Донецкой области П. И. Жебрийский считает «исконно украинскими», помимо Краснодарского края, также и районы Курской, Брянской, Воронежской, Ростовской областей, которые также будут принадлежать Украине. Подобные территориально-экспансионистские устремления характерны и для главы современной Украины В. А. Зеленского, считающего (Указ «Об исторически населенных украинцами территориях РФ» 2024 г.), что вся юго-западная территория России от восточных земель Украины вплоть до западных границ

¹ Президент Литвы выдвинул территориальные претензии к РФ // Репортер. URL: <https://topcor.ru/55453-prezident-litvy-zajavil-o-territorialnyh-pretenzijah-k-rf.html?ysclid=mjbdeb5yj499123230> (дата обращения: 18.12.2025).

² Как Польша пытается обосновать свои территориальные претензии на Калининград // Репортер. URL: <https://topcor.ru/35093-kak-polsha-pytaetsja-obosnovat-svoi-territorialnye-pretenzi-zii-na-kaliningrad.html?ysclid=mjbelatw6p675951090> (дата обращения: 18.12.2025).

³ «Зона исключительных интересов Польши»: какие российские территории поляки считают своими // Русская семерка. URL: <https://russian7.ru/post/zona-isklyuchitelnykh-interesov-pol/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁴ Страны бывшего СССР предъявляют права на российские территории. На каком основании? URL: https://news.rambler.ru/politics/43339550/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 18.12.2025).

⁵ Признан террористической организацией, деятельность которой запрещена на территории России.

⁶ Включен в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму..

⁷ Зачем украинским наци российский Кавказ. URL: https://news.rambler.ru/ukraine/41625862/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/ukraine/41625862-zachem-ukrainskim-natsi-rossiyskiy-kavkaz/?ysclid=mjbelhj6ls535661207 (дата обращения: 18.12.2025).

⁸ Билецкий пообещал «освободить» Ростовскую область и превратить ее в Таганрогщину // Новоросинформ. URL: <https://novorosinform.org/bileckij-poobeshal-osvobodit-rostovskuyu-oblast-i-prevratit-ee-v-taganrogshinu-16157.html?ysclid=mjbe9uwb9 39548660> (дата обращения: 18.12.2025).

Казахстана должна отойти к Украинскому государству¹.

В условиях многолетних территориальных претензий к России министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу 21 марта 2021 г. отметил, что Анкара намерена поддерживать уважительные отношения с Россией исключительно при условии сохранения ею силы. В противном случае турецкая сторона попытается захватить то, что считает своей собственностью, используя поддержку извне и игнорируя давление со стороны западных государств. Амбиции правительства Реджепа Тайипа Эрдогана простираются далеко – от Крыма и регионов Кавказа до Центральной Азии и за ее пределы включительно², ставя цель возрождения Османской империи.

С обретением независимости у националистически сформировавшейся части казахского общества также появились территориальные претензии к Российской Федерации. Так, бывший депутат У. Кайсаров считает, что Россия должна вернуть казахскому народу исторические регионы Сибири, Алтая, Новосибирской, Омской и Курганской областей³.

В 1967 г. китайский руководитель Мао Цзэдун в своем выступлении обозначил советские дальневосточные территории – Амурскую область, Приморье с Владивостоком (Хайшэньвэй) и Хабаровский край с Хабаровском (Боли) как исторически принадлежащие династии Цин и, следовательно, относящиеся к современному Китаю⁴. В 2023 г. в Китае был выпущен официальный географический атлас современной террито-

рии государства, в котором часть Хабаровского края была отмечена как официальная территория КНР (Картографический сервис стандартных карт). При этом свои действия китайская сторона никак не оговаривает на уровне Министерства иностранных дел и иных своих представителей⁵. Этот картографический набор получил государственную поддержку и был рекомендован к применению в средствах массовой информации, различных публикациях и рекламе.

После окончания Второй мировой войны ряд южных Курильских островов были включены в состав Советского Союза, ознаменовав поражение милитаристской Японии, подобно тому, как это произошло с нацистским режимом Германии, потерявшей Восточную Пруссию, которая была разделена между Советским Союзом и Польшей. Тем не менее Токио продолжает отказываться от официального признания утраты этих территорий, превратив спор о них в основу современной национальной идентичности. Усугубляет ситуацию тот факт, что Россия, являясь наследницей СССР, и Япония до настоящего времени формально остаются в состоянии прекращения военных действий. Даже несмотря на инициативу Президента России В. В. Путина об установлении мирного соглашения, озвученную в 2018 г., Премьер-министр Японии Синдзо Абэ заявил о необходимости возврата Курильских островов. С началом специальной военной операции Россией на Украине Япония присоединилась к странам, оказывающим поддержку правительству Киева и вводящим ограничительные меры против России.

¹ Аппетиты Зеленского растут, он официально выдвинул территориальные претензии к России // ИА REX. URL: <https://iarex.ru/articles/121736.html> (дата обращения: 18.12.2025).

² Латышев С. Эрдоган готовится к большому переделу: на какие территории претендует Турция // Царьград. URL: https://tsargrad.tv/articles/jerdogan-gotovitsja-k-bolshomu-pere-delu-na-kakie-territorii-pretenduet-turcija_515478?ysclid=mjbhbgka84390704288 (дата обращения: 18.12.2025).

³ В Думе ответили на требование из Казахстана отдать территории РФ // МК RU. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/11/12/v-dume-otvetili-na-trebovanie-iz-kazakhstan-otdat-territorii-rf.html?ysclid=mjbhupked0628516168> (дата обращения: 18.12.2025).

⁴ Какие советские земли Мао Цзэдун хотел сделать территорией Китая // Русская семерка. URL: <https://russian7.ru/post/kakie-sovetskie-zemli-mao-czyedun-khote/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵ Китай «забрал» себе часть Хабаровского края. Почему молчит Москва? // NEWS.RU. URL: <https://news.ru/asia/kitaj-zabral-sebe-chast-habarovskogo-kрая-pochemu-molchit-moskva?ysclid=mjbiovgr6z674391742> (дата обращения: 18.12.2025).

В 1992 г. Уолтер Рассел Мид, работавший политическим консультантом при Институте мировой политики (США), разработал концепцию под названием «Американская Сибирь» и предложил ее администрации президента. Согласно этой инициативе, выплата средств за приобретение сибирской земли должна была растянуться на два десятилетия, при этом Россия ежегодно получала бы приблизительно 200 млрд долларов. Таким образом, США могли бы получить доступ к обширной и малонаселенной территории, обладающей значительным природным потенциалом, что давало бы им возможность:

- ограничить расширение китайского влияния в Южной Сибири;
- оказывать воздействие на Европейский союз (далее – ЕС) и его политику, включая использование единой валюты – евро;
- использовать Сибирь как плацдарм для воздействия на ситуацию на Ближнем Востоке и контроль над его нефтяными месторождениями. Внимание к региону Сибири в 2008 г. проявила бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, заявившая о том, что этот обширный край незаслуженно находится под властью лишь одной страны – России¹.

В результате в первой четверти XXI столетия подобные необоснованные территориальные претензии различных политиков и государственных деятелей, представляющих страны, территориально расположенных вблизи российских границ, способствуют усилению русофобии и межнациональной розни, порождающих, как в случае с украинским националистическим режимом, военно-политические конфликты.

Геополитические вызовы, призванные ослабить международную роль Российской Федерации, и политика формирования многополярного мироустройства. В 2022 г.

Президент России В. В. Путин подписал Указ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»².

Задачи, которые ставит настоящий Указ, были продиктованы непростой политической ситуацией, сложившейся после распада Советского Союза, когда военно-политический блок НАТО со всей своей мощью фактически оказался у границ Российской Федерации (вступление в НАТО республик Прибалтики, 2004 г.), стремясь к своему дальнейшему расширению с включением в орбиту своего влияния националистической Украины. Для решения этого вопроса, несущего прямую угрозу России, в феврале 2019 г. была изменена Конституция Украины и внесена поправка, в соответствии с которой одной из основных задач страны становилось вступление в Североатлантический военно-политический блок, что в свою очередь несло размещение ударного ракетного потенциала НАТО вдоль украинско-российской границы протяженностью более 2000 км. При этом, согласно Декларации о государственном суверенитете Украины 1990 г., Украина является внеблоковым безъядерным государством. В результате этого Конституция Украины явно противоречит высшему документу страны, что мало беспокоит киевский режим³.

С учетом расширения НАТО и той угрозы, которую несло подобное одностороннее расширение, Министерство иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД России) в лице Министра С. В. Лаврова в декабре 2021 г. на 28-м заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ (Стокгольм) выступило с заявлением, в котором призвало руководство альянса пересмотреть свою политику расширения и выйти с территории стран Восточной Европы, что было проигнорировано.

¹ Мадлен Олбрайт: мечтающая о Сибири «орлица с брошкой» // pravda.ru. URL: <https://www.pravda.ru/world/289810-albright/> (дата обращения: 18.12.2025).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Офиц. сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 18.12.2025).

³ На Украине вступил в силу закон о закреплении в конституции страны курса в ЕС и НАТО // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6141623?ysclid=mjbq9wllv2232063963> (дата обращения: 18.12.2025).

Одновременно с этим, начиная с 2014 г., консультанты НАТО активно стали готовить Вооруженные силы Украины к масштабным боевым операциям, задействуя Яворовский полигон во Львовской области, используя идеологию интегрального национализма и русофобию, получивших на государственном уровне распространение в качестве официальной идеологии в постмайданной Украине. Основная цель проводимой недружественной политики стран объединенного Запада была в использовании националистической Украины и ее ресурсов в качестве тарана для разрушения Российской Федерации с целью завладения ресурсами страны [6].

Исследование американо-украинских отношений показывает, что администрациями В. А. Зеленского и Д. Байдена была выстроена система «клиент-патронских» отношений, в которых администрация Зеленского также выступает инструментом США в вопросе геополитического ослабления России.

В целом анализ политической ситуации в Украине показывает, что в современных условиях, если мир (или перемирие) между Россией и Украиной будет заключен, то существует большая вероятность того, что его не будут выполнять радикально и коррумпированно настроенные политики и украинские националисты, доля которых в украинском обществе составляет примерно 25–35 % от всего населения. Об опасности украинского национализма [7], как идеологического явления («Украина для украинцев», «Украина превыше всего» и пр.), направленного против России, говорит тот факт, что ликвидация украинского национал-партизанского движения (Организация украинских националистов, Украинская повстанческая армия (далее – ОУН-УПА))¹ продолжалась в СССР вплоть до 1960 г., когда был ликвидирован

последний схрон (криївка) с боевиками, расположенный на границе Тернопольской и Ивано-Франковской (бывшая Станиславская) областей. В результате вооруженная борьба органов безопасности и Министерства внутренних дел продолжалась 15 лет после Великой Отечественной войны, потери в которой со стороны силовых структур составили порядка 25 тыс. человек. Со стороны Министерства больше всего потери составили по линии участковых и оперативных уполномоченных, попадавших в засады отрядов ОУН-УПА во время посещения отдаленных районов и участков своей служебной деятельности.

Противостояние на мировой арене, возникшее после 2022 г., как следствие глубоких идейно-политических разногласий между Россией и западными державами, существенно скорректировало стратегии национального развития. Главным приоритетом стало обеспечение безопасности и защиты права на самостоятельное определение пути развития, подтверждением этого послужило заявление В. В. Путина в Послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. о временном прекращении действия договора о сокращении стратегических наступлений (СНВ)², а также Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229, отражающий отход от прежней внешней политики³, сформированной начиная с 2012 г.

Такой поворот событий, вызванный конфликтом представлений о многополярном и однополярном мире, побудил Россию к фундаментальной переоценке существующего международного порядка. Эту мысль подтверждают высказывания А. Ю. Дробинина, директора Департамента внешнеполитического планирования МИД России, который отметил стремление новых влиятельных государств в многополярном мире сохранять

¹ Запрещенные в России экстремистские организации.

² Послание Президента Российской Федерации от 21 февр. 2023 г. б/н // Офиц. сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 18.12.2025).

³ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

свой суверенитет и культурную самобытность, опираясь на собственные культурно-исторические традиции¹.

События 2022 г., обернувшиеся серьезным идейным противостоянием и военно-политическим конфликтом между Россией и западными державами совместно с альянсом НАТО, существенно скорректировали прежние перспективы развития. Теперь приоритет отдается защите национального суверенитета и утверждению права России на самостоятельное становление, а также формированию новой системы международных отношений с акцентом на многополярность и уважение к каждой существующей цивилизации.

В настоящее время, наряду с уже заявленными задачами, важнейшим направлением государственной стратегии является укрепление связей с восточными партнерами, развитие взаимовыгодных отношений с азиатскими державами и консолидация потенциала БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) [8], способствующее утверждению России как одного из центральных игроков в формирующемся многополярном мироустройстве.

Заключение

Идейно-политическая борьба современной России на международной арене, а также в условиях специальной военной операции направлена на сохранение своей уникальной евразийской, русско-византийской цивилизации в условиях недружественной политики стран объединенного Запада, стремящегося политико-экономически и военным путем ослабить российское государство, ограничить его суверенитет и сделавшего Украину своим инструментом для решения этих необоснованных задач с точки зрения международного права и общечеловеческих ценностей.

В результате сформировать на долгие годы многополярный мир (по типу Ялтинско-Потсдамского 1945 г.) с равными воз-

можностями для всех стран без «сюзеренно-вассальных» и «клиент-патронских» отношений стало идейно-политической целью Российской Федерации в условиях проводимой специальной военной операции в рамках организации послевоенного мирного мироустройства. Как и 80 лет назад, современный мир нуждается в новом ялтинско-потсдамском урегулировании с политико-правовым определением и юридическим закреплением политических прав России в рамках интересов ее национальной безопасности, а также на международном уровне правового закрепления архитектуры и философии многополярного мироустройства.

Россия активно продвигает философию многополярности в мировой политике, используя для этого различные инструменты – внешнеполитические соглашения, закрепленные в документах, стратегические решения и активное взаимодействие с международными структурами.

В современном мироустройстве многополярность проявляется в наличии нескольких влиятельных центров силы, характеризующихся значительным экономическим и военным могуществом, а также сложившейся политической системой и идеологией. Каждый из этих центров формирует зону своего влияния, привлекая к себе государства со схожими культурными и историческими особенностями. Таким образом, конфигурация международной системы определяется взаимодействием и взаимоотношениями между этими ключевыми игроками.

С 2022 г. отчетливо проявилась тенденция к укреплению связей между Россией и влиятельными державами вроде Китая и Индии – представителями мощных цивилизаций. Исход взаимодействия этих государств во многом определит будущее Евразии, поскольку перспективы доминирования со стороны США на этом континенте крайне невелики, о чем свидетельствует неудача по-

¹ Что такое многополярный мировой порядок: актуальные теоретические и прикладные аспекты // LIVE JOURNAL. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/10024381.html?ysclid=mjcdx49rjo595348730> (дата обращения: 18.12.2025).

литики «управляемого хаоса», например, в сирийском конфликте.

В условиях санкционного давления и недружественной внешней политики стран объединенного Запада Россия выступает за построение новых взаимоотношений между странами, в которых ключевыми факторами будут являться признание суверенитета каждого государства, взаимное уважение и обоюдная польза, противопоставляя это доминирующей однополярной системе¹.

Философия формирования многополярного миропорядка была впервые озвучена еще в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, в которой указывалось на стремление страны к содействию развитию соответствующего мироустройства².

В обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации подчеркивается необходимость многополярной системы международных связей для поддержания глобальной стабильности, защиты культурного разнообразия и предоставления всем государствам равных шансов для развития. Среди основных положений документа можно выделить следующие:

- гарантию суверенного равноправия всех стран и поддержки их выбора пути развития;
- отрицание любой формы господства в сфере международных отношений;
- развитие сотрудничества, основанного на соблюдении баланса интересов и достижении взаимовыгодных целей;
- исключение вмешательства в дела других государств;
- приоритет международного права при урегулировании вопросов в мире и отказ от применения различных критериев оценки в зависимости от политических взглядов³.

Учитывая концепцию многополярного мира и принципы равноправного сотрудничества, формируются перспективы для закрепления структуры взаимодействия в таких организациях, как ШОС, БРИКС и Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС): российским руководством проводится политика по формированию единого экономического пространства, развитию военного и политического сотрудничества, а также согласование общей стратегии действий на мировой площадке, включая участие Российской Федерации и Китая в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. Эта тенденция приобретает особую важность в связи с тем, что уже существующие международные организации фактически находятся под влиянием западных стран. В результате, наряду с уже обозначенным курсом укрепления позиций на внешнеполитической арене, важной задачей государственной политики является активизация связей с восточными партнерами, расширение взаимодействия (в рамках объединения ШОС, БРИКС) и формирование нового статуса – одного из центральных элементов многополярного мироустройства.

Какие преимущества обретет Россия благодаря углубленному экономическому и политическому сотрудничеству со странами постсоветского пространства? Прежде всего это позволит смягчить негативные последствия демографических тенденций. Так, современное развитие масштабной межгосударственной структуры – ЕАЭС, включающей Россию, Беларусь, Армению, Киргизию и Казахстан, сформирует мощный регион численностью более 200 млн человек. Во-первых, жители этого региона объединены общим языком, богатым на-

¹ Колонка эксперта. Многополярный мир: Россия укрепляет международные связи // Волгоградский институт управления. URL: <https://vlgr.ranepa.ru/news/main/2025-09-11/1/ kolonka-ehksperta-mnogopolyarnyj-mir.html> (дата обращения: 18.12.2025).

² О Концепции национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 10 янв. 2000 г. № 24 // Офиц. сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927> (дата обращения: 18.12.2025).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г. // МИД России. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 18.12.2025).

следуем совместной истории, схожим образом мышления, традициями и принципами. Во-вторых, значительно укрепится геополитическое положение России в западном и южном направлениях, особенно в критически важных районах, таких как прибрежные территории Черного и Каспийского морей. В-третьих, возможным станет восстановление производственных связей, разрушенных в результате развала Советского Союза, и получение доступа к запасам ключевого сырья. И наконец, это продемонстрирует укрепление роли России как влиятельной державы в рамках сознания многих людей.

В ходе проведения специальной военной операции на мировой арене сформировалось три центра военно-политической силы – Россия, Китай и США. Происходит формирование четвертого полюса силы – Индии. В итоге с учетом своих национальных интересов и цивилизационных особенностей происходит поляризация государств на мировой арене по линии «Глобальный Север» – «Глобальный Юг». Сила западного блока, выступающего основным противником России, коренится в монетаристской модели, которая чрезвычайно чувствительна к сдерживанию экономического роста. Эта мощь обусловлена не безупречностью системы, а возможностью извлекать выгоду за счет других государств.

Несмотря на тесные связи Индии и Китая с западными странами, особенно Китая, который из-за экономической интеграции с США пока не планирует отказываться от долларовой стандарта, зависимость Индии в этой сфере несколько ниже. Однако и там она ощутима. При этом в обоих государствах значительная часть населения, даже при наличии глубоко укоренившихся традиций, живет за чертой бедности, а около трети экономического производства обеспечивается физическим трудом, что не соответствует характеристикам развитой высокопроизводительной экономики.

Все это позволяет говорить о том, что именно Россия выступает ключевым элементом нового миропорядка, обеспечивающим стабильность и равновесие сил.

Своей активной позицией в вопросах защиты своего суверенитета и готовностью к длительному применению вооруженных сил Россия вернула себе статус мировой державы, влияющей на архитектуру современного миропорядка, и становится во главе государств, противодействующих философии доминирования стран объединенного Запада (США и ЕС) в международной системе отношений.

Надежное присутствие России, как значимого полюса влияния на мировой арене, обеспечит ее статус самостоятельного актора, а не пассивного объекта в системе международных связей. Само по себе появление столь мощной силы на мировой сцене сможет сдерживать другие влиятельные государства от необдуманных шагов, представляющих опасность для Москвы. Россия обладает потенциалом выстраивать взаимовыгодное сотрудничество с другими ключевыми мировыми центрами силы, опираясь на сопоставимые экономические и военные ресурсы. Использование своего влияния на евразийском пространстве позволит России избежать вовлечения в глобальные конфликты и перенести их последствия подальше от своих границ. В условиях построения многополярного мира и укрепления социального и территориального единства многонациональной России становится необходимым создание новой национальной философии, вмещающей не только понимание уникальной евразийской, русско-византийской цивилизации, но и понятной всем идеи, вариантом которой мог бы служить военный социализм, духовно близкий культурно-исторической ментальности россиян, опирающейся на вековые идеи служения государству российскому и общинные устои российского общества [9].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ивашов Л. Г. Россия и мир в новом тысячелетии: геополитические проблемы. М. : Палей-Мишин, 2000. 335 с.

2. Дугин А. Г. Теория многополярного Мира. Плюриверсум. М. : Академический проект, 2024. 364 с.
3. Сивков К. В. Гибридная война. М. : Изд-во «Наше Завтра», 2023. 275 с.
4. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ, 2004. 450 с.
5. Делягин М. Г. Основы внешней политики России: матрица интересов / Ин-т проблем глобализации. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2007. 79 с.
6. Делягин М. Г. Британские элиты: факторы глобального превосходства. От Плантагенетов до Скрипалей. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Книжный мир, 2019. 257 с.
7. Глазьев С. Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне. М. : Книжный мир, 2015. 352 с.
8. Глазьев С. Мы строим нашу евразийскую интеграцию на принципе сохранения суверенитета государств // Ориентир. 2017. № 3. С. 9–13.
9. Килимник Е. В. Национальная идея и идеологическая безопасность в современной России // Russian journal of management. 2020. Т. 8, № 4. С. 11–15. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2020-8-4-11-15>.

REFERENCES

1. Ivashov L. G. Russia and the world in the new millennium: geopolitical problems. Moscow : Paleya-Mishin, 2000. 335 p. (In Russ.)
2. Dugin A. G. Theory of a multipolar world. Pluriversum. Moscow : Academicheskyy Proekt, 2024. 364 p. (In Russ.)
3. Sivkov K. V. Hybrid war. Moscow : Nashe Zavtra publ., 2023. 275 p. (In Russ.)
4. Huntington S. Who are we? The challenges to America's national identity. Moscow : AST Publishing House, 2004. 450 p.
5. Delyagin M. G. Fundamentals of Russia's foreign policy: a matrix of interests / Institute of Globalization Problems. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow : INFRA-M, 2007. 79 p. (In Russ.)
6. Delyagin M. G. The British elites: factors of global superiority. From the Plantagenets to the Skripals. Moscow : Knizhny Mir publ., 2019. 257 p. (In Russ.)
7. Glazyev S. Yu. The Ukrainian catastrophe: from the American aggression to World War II. Moscow : Knizhny Mir publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
8. Glazyev S. We are building our Eurasian integration on the principle of preserving the sovereignty of States // Orientir. 2017. No. 3. P. 9–13. (In Russ.)
9. Kilimnik E. V. National idea and ideological security in modern Russia // Russian journal of management. 2020. Vol. 8, no. 4. P. 11–15. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2020-8-4-11-15>. (In Russ.)

Информация об авторе:

Килимник Е. В. – доктор искусствоведения, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания.

Information about the author:

Kilimnik E. V. – Doctor of Arts, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 19.03.2026.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, экономических, социологических и философских наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть про-

индексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

Заявка на опубликование научной статьи электронном в научном журнале «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»
Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ (название статьи) в рубрике _____
Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет, электронных научных библиотеках. Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций. Согласен на обработку и распространение своих персональных данных в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**